

Звезда Востока

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1932 года

Общественный совет журнала

Бабур АЛИМОВ
Абдулла АЗАМОВ
Абдулла АРИПОВ
Баходыр АХМЕДОВ
Анатолий БАУЭР
Ольга ГРИГОРЬЕВА
Хуршид ДОСТМУХАММАД
Анатолий ЕРШОВ
Николай ИЛЬИН
Татьяна МОТОРНЮК
Насреддин МУХАММАДИЕВ
Ирода РАХИМОВА
Сирожиддин САЙИД
Ойгул СУЮНДИКОВА
Абдухаким ФАЗИЛОВ

**Главный редактор
Улугбек ХАМДАМ**

**Зам. главного редактора
Клавдия ПАНЧЕНКО**

**Ответственный секретарь
Зиёдбек УРИНОВ**

**Редактор
Светлана ЩЕГЛОВА**

Республика Узбекистан
Ташкент

Зульфия Куралбой кизи

ЖЕНЩИНА

(Рассказ)

перевод С. Камиловой

Солнечные лучи, проникающие через окно, падали на лицо женщины, окрашивая ее веки, отражаясь на скулах жемчужными каплями, сверкая в гранях алмазного кольца на пальце.

Женщина слегка приоткрыла глаза. Луч солнца вспыхнул в ее зрачке.

«Как приятно... Снова рассвет... – женщина, закрыв глаза, жадно ловила солнечные лучи, шепча: – Как же я люблю тебя, солнце!..»

Солнце щедро дарило свет. Женщина будто растворялась в его нежных лучах...

переводы

Николай ИЛЬИН

ТРИЛИСТНИК ОСЕНИ

*Желтые листья такие разные,
И в каждой история моей жизни...*

* * *

*Когда мы с тобой вдвоем,
нет смысла гадать о будущем –
оно в настоящих нас.*

*Когда мы с тобой вдвоем,
не надо думать о времени –
мы вне его пределов.*

*Когда мы с тобой вдвоем,
нет смысла тревожить прошлое –
для нас оно не пришло.*

*Любовь – это Сейчас.
задержись в настоящем,
пока мы не стали прошлым.*

лирика

Ольга ХЕГАЙ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ ВОСТОЧНОГО МИРА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

(А.Волос «Сирийские розы»)

Унаследовав дух и менталитет восточных народов, создавая национальные образы восточного мира, А. Волос явился своеобразным транслятором двух культур: западной и восточной. Средством создания национальных восточных образов мира стал метаязык – система национальных понятий, символов, представлений, сформированная всем бытийным комплексом жизни восточного человека.

литературоведение.
литературная критика

публицистика

Мухаммаджон ХОЛБЕКОВ,

д.ф.н., профессор

Холбеков Мухаммаджон Нуркасимович родился в 1950 году. Окончил факультет романо-германской филологии Самаркандского государственного университета. В 1982 году защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Французская художественная литература в переводах на узбекский язык (история и переводческий опыт)». В 1991 году – докторскую диссертацию на тему: «Узбекско-французские литературные связи в контексте перевода, критики и восприятия».

Является заведующим кафедрой английского языка и литературы Джизакского государственного педагогического института и профессором СамГИИЯ. Имеет более 200 научных статей, переводов и две монографии: «Узбекская классическая литература во французской культуре (1991 г.)», «Французская литература в Узбекистане» (1987 г.).

Статьи М. Холбекова были опубликованы в журналах «Шарк Юлдузи», «Тафаккур», «Жахон адабиёти», «Узбек тили ва адабиёти», «Преподавание языка и литературы».

МОСТЫ ДРУЖБЫ

*«Для чего же я лучшие годы
Продаю за чужие слова?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова!»*

А.Тарковский

Перевод принадлежит к интереснейшему и, следует признать, далеко еще не изученному феномену человеческой жизни. Мысль о его связующей роли в жизни общества может стать отправной точкой для рассуждений о значимости перевода.

Проведенный археологами и лингвистами тщательный анализ дошедших до нашего времени древних текстов, дает право с полной уверенностью сказать, что переводы делались еще в Египте периода Древнего и Среднего царств, т.е. в третьем тысячелетии до нашей эры.

В разное время, в разной форме и по самым разным поводам о переводе говорили как о «службе связи». Со времен строительства Вавилонской башни люди нуждаются в переводчиках для того, чтобы общаться и понимать друг друга. Труд переводчика, хотя и не очень заметный, исключительно важен и достаточно сложен. Не случайно еще А.С. Пушкин считал, что «переводчики – это почтовые лошади просвещения».

Не вызывает сомнений тот факт, что с развитием цивилизации роль перевода в жизни человечества будет неуклонно возрастать. В эпоху, так называемой, глобализации, перевод приобретает особое значение.

Переводческая деятельность вторглась во все сферы жизнедеятельности человека, прежде всего, имеющие непосредственное отношение к промышленности, эконо-

мике, международным культурным связям. Наряду с глобальным развитием средств коммуникации и массовой информации перевод как составная часть этого уникального процесса принимает широкое участие в тех кардинальных изменениях всемирной ситуации, которую часто стали определять как «четвертая промышленная революция», т.е. наступление эпохи электронных технологий. В XXI веке переводческая деятельность приобретает особое значение: невозможно представить себе политическую, научную, культурную жизнь общества без перевода, и мало профессий, которые имели бы такое большое будущее, как профессия переводчика.

В 1955 году французский ученый Эдмон Кари (*Edmond Cary*, 1912-1966) назвал XX век – «веком перевода». Но до этого, в 1953 году по инициативе известного французского ученого Пьера-Франсуа Каиё (*Pierre-François Caillé*, 1907–1979) была создана учредительная ассамблея, по итогам которой мировой общественности было объявлено о создании Международной федерации переводчиков (*Fédération Internationale des Traducteurs - FIT*).

Международная федерация переводчиков – это профессиональная, неполитическая, некоммерческая международная организация. Ее главными целями являются объединение переводческих организаций разных стран; сбор и передача организациям-членам полезной для них информации; укрепление связей между национальными организациями в интересах их переводчиков; защита моральных и материальных прав переводчиков в мире; пропаганда перевода как профессии и искусства; совершенствование статуса переводчика в обществе. Главной задачей ФИТ является развитие профессионализма и защита прав переводчиков и терминологов, улучшение условий их труда, а также всемерное содействие свободе слова.

Международная федерация переводчиков на сегодняшний день объединяет более ста национальных ассоциаций переводчиков в пятидесяти странах мира на пяти континентах и насчитывает свыше 60.000 профессиональных переводчиков, активно поддерживает консультативные отношения с ЮНЕСКО, ЮНИСЕФ и другими влиятельными международными организациями.

Особо следует отметить, что Международная федерация переводчиков установила за твердое правило, что перевод должен осуществляться только носителем языка, т.е. на английский должен переводить англичанин, на французский – француз, на японский – японец. На Западе такая практика является очень широко распространенной.

В нашей стране ситуация развивается несколько по-иному. Носитель языка, несомненно, лучше чувствует все тонкости, языковые нюансы и эмоциональные оттенки языка, но, к сожалению, реалии современной жизни таковы, что в Узбекистане нет достаточного количества переводчиков-носителей того или иного иностранного языка. Если же обращаться за переводом к переводчикам, проживающим за границей, то это займет много времени и окажется затратным в финансовом плане.

Оптимальным вариантом для многих будет перевод узбекским переводчиком и последующее редактирование текста носителем языка. В этом узбекско-иностранном сотрудничестве переводчиков узбекский переводчик будет отвечать за точность перевода, иностранный – за адаптацию художественного перевода, за соответствие стилистической и эмоциональной окраски. Естественно, носитель языка исправит и возможные грамматические, пунктуационные и другого рода ошибки, которые могут быть допущены узбекским переводчиком.

Середина 50-х годов прошлого века стала значительным рубежом в общественном и научном внимании к переводческой деятельности и переводам в частности. Среди публикаций на переводческие темы в разных странах стали все чаще встречаться работы с широкой теоретической постановкой проблемы. К ним можно отнести работы А.А. Реформатского «Лингвистические вопросы перевода» (1952), А.В. Федорова «Введение в теорию перевода» (1953), Эдмона Кари «Перевод в современном мире» (*Traduction dans le monde moderne*, 1956), Теодора Савори «Искусство перевода» (*The Art of Translation*, 1957), Р.О. Якобсона «О лингвистическом аспекте перевода» (1959) и др. Именно в эти годы в ведущих научных центрах стали проводиться научные кон-

ференции, посвященные переводческой деятельности, тогда же начинается широкое внедрение теории и практики перевода как самостоятельной научной дисциплины в учебный процесс в вузах, открываются специализированные профессиональные школы переводчиков.

В Узбекистане в те же годы тоже разрабатывались основные принципы теории и практики перевода. Опираясь на труды А.А. Реформатского и А.В. Федорова, узбекские ученые Н.В. Владимирова («Некоторые вопросы художественного перевода с русского на узбекский язык», 1957), Ж. Шарипов («Некоторые проблемы поэтического перевода», 1958), Г. Саломов («Мақол ва идиомалар таржимаси», 1961) всесторонне и тщательно исследовали лингвистические аспекты перевода.

В начале 60-х годов на Западе появились работы, более известные под единым названием «К теории перевода», французского лингвиста и теоретика перевода Эдмона Кари «Pour une théorie de la traduction» (1962) и американского ученого Юджина Найда (*Eugene Nida*, 1914–2011) «Toward a Science of Translation» (1964). Ученые недвусмысленно высказались за создание общей теории перевода как самостоятельной науки, которая основывалась бы на всем многообразии практической переводческой деятельности. Важно отметить, что эти работы не потеряли своей актуальности и на сегодняшний день.

Французский лингвист Жорж Мунен (*Georges Mounin*, 1910-1993), в те годы признанный авторитет в вопросах перевода, в своем научном трактате «Перевод: история, теория, применение» (*Die Übersetzung: Geschichte, Theorie, Anwendung*, 1967) последовательно утверждал, что «перевод – всегда есть языковая операция, но никогда – только языковая операция, в этом процессе всегда присутствуют культурные традиции, мироощущение и, самое главное, языковые особенности». Ж. Мунен неизменно высказывался за широкий теоретический подход к исследованию природы перевода.

Однако следует отметить, что внедрение таких чисто лингвистических методов как наблюдение, описание и объяснение были столь решительными, что в корне изменили привычную методологию, цели, предмет и задачи перевода. «Антифилологическая» направленность новых тенденций была вполне обоснованной. Первыми на эти тенденции обратили внимание русские ученые-лингвисты И.И. Ревзин и Ю.В. Розенцвейг, которые в своей книге «Основы общего и машинного перевода» (1964) писали, что «перевод вплоть до XX века рассматривался преимущественно как творческая деятельность, т.е. с чисто эстетической точки зрения». Предназначая свою книгу в качестве научно-методического материала будущим специалистам машинного перевода, авторы определяли ее цель как «попытку изложить традиционную теорию перевода в терминах структурной лингвистики».

Среди создателей научно разработанной теоретической модели перевода были канадские ученые Жан-Поль Виньи (*Jean-Paul Vinay*, 1910-1999) и Жан Дарбельне (*Jean Darbelnet*, 1904-1990), которые в своем достаточно объемном исследовании рассматривали перевод в аспекте сопоставительной лингвистики путем сближения двух языковых систем в процессе перевода, используя, в свою очередь, определение знаменитого швейцарского лингвиста Шарля Балли: «У переводчика перед глазами находится пункт отправления, и ему необходимо создать в своем сознании пункт прибытия».

Таким образом, перевод был введен в общую лингвистическую проблематику, превращаясь в частный случай сопоставления языков. Разработка концепции перевода как сопоставительной стилистики двух языков, вступающих в непосредственный контакт друг с другом, означала серьезный шаг по пути формализации перевода.

В 60-е годы прошлого столетия в узбекской филологической науке в области теории и практики перевода были проведены достаточно глубокие и серьезные исследования таких ученых-лингвистов как Н.В. Владимирова, Ж. Шарипов, М. Расули, Г. Саломов, Ю. Пулатов, Ж. Буранов, К. Мусаев, Г. Гафурова, Н. Комилов и ряда других. Среди них особенно выделяются исследования Г. Саломова, который вслед за А.В. Федоровым разрабатывал теоретические и практические принципы русско-узбекского художественного перевода. Опубликованная в 1966 году его монография «Язык и перевод» («Тил ва тар-

жима») дала большой толчок дальнейшему развитию перевода и переводческой деятельности в Узбекистане. По его инициативе в Ташкентском государственном университете им. Мирзо Улугбека (ныне Национальный Университет Узбекистана) была создана кафедра теории и практики перевода, в период с 1961 по 1986 годы издавался альманах «Искусство перевода» («Таржима санъати»), всего вышло шесть изданий.

В 70-е годы XX века разработка принципов «компьютерного перевода» потребовала большой работы по приспособлению языковых процессов к возможности их точного описания, формализации и программирования. Ученые-лингвисты, вплотную занимавшиеся этими исследованиями, говорили и о невозможности точного, дословного перевода, и о неизбежности упрощений, схематичности при переводе текста автоматическими системами перевода и поэтому исключали из сферы его применения художественную литературу.

В 1984 году на Конгрессе ФИТ австрийский языковед Марио Вандрушка (*Mario Wandruszka*, 1911-2004) отметил, что попытки заменить «живого» переводчика автоматической системой не привели к ожидаемым результатам, в то же время подчеркнул, что исследования в этом направлении дали возможность создать «банки данных», «автоматические словари» и ряд других технических усовершенствований, которые если и не заменят переводчика, то могут оказать ему неоценимую помощь в работе.

Солидарны с мнением М. Вандрушки были и американские лингвисты, которые безапелляционно утверждали, что «делая перевод цельного научного текста с помощью машины, не получили перевода, годного к применению. Поэтому нет близкой или предсказуемой перспективы получения машинного перевода, соответствующего требованиям».

Даже в XXI веке, веке высоких технологий эти программы оставляют желать лучшего, поскольку, по словам австрийской писательницы Марии Эбнер-Эшенбах, «дух языка отчетливее всего выражается в непереводаемых словах», а для перевода необходим человек с его умением «переводить мысль в мысль». Тем не менее, следует признать, что машинный перевод бывает полезен для быстрого «чернового» перевода.

В 1990-е годы особое значение для лингвистических исследований имели высказывания российского ученого Р.О. Jakobson («О лингвистических аспектах перевода») и американца Юджина Найда, изложенные в работе «Природа динамической эквивалентности при переводе» (*The Nature of Dynamic Equivalence in Translating*, 1977).

Р.О. Jakobson первым ввел понятие «перевод» как одно из основополагающих в семиотику, используя его, выйдя далеко за рамки языковых процессов и представив перевод с одного языка на другой как частный случай функционирования знаковых систем вообще. Он предложил следующие дефиниции: а) внутриязыковой перевод, т.е. интерпретация вербальных знаков посредством других знаков того же языка; б) межъязыковой перевод, т.е. интерпретация вербальных знаков посредством знаков какого-либо другого языка; в) межсемиотический перевод, т.е. интерпретация вербальных знаков посредством невербальных знаковых систем. Вызывает определенные сомнения тот факт, что Р.О. Jakobson не рассматривает перевод художественной литературы комплексно, но пишет, что «широко распространенная практика межъязыковой коммуникации, в частности переводческая деятельность, должна находиться под пристальным вниманием лингвистической науки».

В свою очередь Ю. Найда предложил четыре подхода к переводу: филологический, лингвистический, коммуникативный и социосемиотический. Не будем в рамках данной статьи подробно останавливаться на последних трех, но отметим самое важное достижение Найда, по мнению которого в центре филологического подхода лежит текст, главным образом, его структура и стилистические особенности. Вполне обоснованная при таком подходе проблема состоит в противопоставлении дословного (буквального) и вольного перевода. Но, по нашему мнению, недостаток такого подхода заключается, прежде всего, в пренебрежении лингвистическими аспектами процесса перевода.

Созвучные мнениям Р.О. Jakobson концепции разрабатывались в узбекской линг-

вистической науке учеными Л. Абдуллаевой («Некоторые стилистические вопросы перевода с русского на узбекский язык», 1964) и К. Мусаевым («Стилистические вопросы художественного и поэтического перевода с английского на узбекский язык», 1967). Их исследования достигли положительных результатов и в дальнейшем стали основой для разработки целого научно-методического комплекса для внедрения их в практику перевода.

В конце 1990-х годов и начале 2000-х видный ученый-лингвист из Австралии М. Снелл-Хорнби (*Mary Snell-Hornby*, 1942–1998), а также целый ряд ученых, которые вели изыскания параллельно с ней, поставили вопрос о том, что переводоведение не должно считаться «частной ветвью лингвистической дисциплины, а быть самостоятельной, междисциплинарной и перспективной по своему характеру наукой, но при этом она должна преодолеть разрыв между теорией и реальным переводческим делом, ибо целью теории и практики перевода должно быть не только осмысление переводческого процесса, но также создание рамок для деятельности, конечным смыслом которых должен быть путь к лучшему переводу».

В конце 1990-х годов группа исследователей при Геттингенском университете, больше известная как «Литературный перевод», трактовала художественный перевод как «интегральная – если и не обязательная, но так наперед задуманная и когерентная, т.е. интерпретация литературного произведения на другом языке, во всяком случае, не как метаязыковая, а как по меньшей мере претендующая на литературно-языковую интерпретацию. Поэтому этот особый род интерпретации выступает также и как литературное произведение, которое, по крайней мере для читателя, владеющего только целевым языком, замещает то, что было переведено на другой язык, на основе другой литературы, культурных традиций».

Дискуссии и споры вокруг основополагающих проблем теории и практики перевода далеко еще не завершены. По мнению русского ученого-лингвиста П.М. Топера, «это лишний раз доказывает то, что мы имеем дело с молодой отраслью филологии, еще не определившей достаточно авторитетно свой статус и понятийный аппарат».

Сам перевод и переводческую деятельность можно назвать не только инструментом, созданным человечеством на протяжении веков для преодоления разобщающего барьера «вавилонского проклятия», но и двигателем международного культурного развития, средством обогащения и расширения внутреннего мира человека, ставшим давно уже привычным и повседневным, одним из самых доступных людям. С точки зрения своей подлинной сути, он представляет собой нейтральный канал связи.

Как отметил испанский философ Хосе Ортега-и-Гассет (*José Ortega y Gasset*, 1883–1955), перевод – это не произведение, а путь к произведению. С его помощью в дом может войти и доброе, и злое, и великое, и низкое. И древняя и новейшая история предлагает нам множество примеров того и другого. Сегодня мы наблюдаем глобальное возрастание «переводческого фактора», что создает существенно новые условия для искусства, в том числе и для художественной литературы.

Нет сомнений в том, что роль перевода будет возрастать по мере развития мировой цивилизации и дальнейшего сокращения расстояний между народами. И если XX век был «веком перевода», то XXI век с полным правом можно назвать «веком художественного перевода». Для филологической науки это будет означать появление обширной, пока еще мало изученной области человеческих знаний.

ПОЭЗИЯ

Николай ИЛЬИН

Трилистник осени

* * *

Желтые листья такие разные,
И в каждой история моей жизни,
Одна и та же.

* * *

Зеленые – они принадлежат весне,
Желтые – осени,
И никогда не бывают моими.

* * *

Вгляни на ладонь листа:
Как ни хитры его линии,
Но осень – его судьба.

* * *

Время лишь зритель осени:
Ее измеряют днями,
Но постигают – листьями.

* * *

Осень дает листу имена,
Но не зови лист по имени:
Окликнешь – опадет.

* * *

Когда листок опадает наземь,
Куда уходит его душа? –
В ничто или в весну?

* * *

Взгляни на эту листву:
Желтые листья – атомы,
Из которых построен мир.

* * *

Есть стихии земли и солнца,
Есть стихии воды и ветра,
И есть еще желтые листья.

* * *

Опавший лист умирает не сразу:
Ему дается время подумать
Над смыслом жизни.

* * *

Учись у листвы жить сейчас:
Она живет только год,
И нет у нее прошлой жизни.

* * *

Листве откладывать жизнь некуда:
Лишь мертвые листья
Висят над землей еще год.

* * *

Разгладь морщины листа,
Пойми его увяданье –
Кто сможет лучше понять тебя?

* * *

Цени благодатность осени:
Ведь в небе кружащийся лист –
Пароль для вхождения в вечность.

* * *

Не говори о разумности жизни
И не тверди о бессмыслии:
Все опровергнут желтые листья.

* * *

Не уходи в листопад надолго:
Так просто в нем потеряться
И поглотиться осенью.

* * *

Беги из осенних рощ,
Не заходи дальше мысли:
Здесь можно утратить свой разум.

НА СКОЛЬЗКОЙ СКУЛЕ ИССЫК-КУЛЯ

* * *

Полднвно, облачно и знойно
Застыло время над землей,
И солнце властно и спокойно
Слепит над влажной синевою.

В раздумье вечном смолкли горы.
Их бледно-бурая страна
Расслаблена подобьем сна,
Где миги тянутся, как годы.

И мнишь, что это навсегда:
И сон, и тишь, и свет, и ясность,
Что эту вызревшую явность
Не тронет время никогда.

* * *

В блестящий полдень около воды
Бродить по саду, сонному от зноя,
И узнавать растенья и цветы,
И постигать обилие земное.

Искать местечек, спрятанных от глаз
И прячущих тебя в своих покоях,
И сознавать, что уж не в первый раз
Ты здесь силен, и целен, и спокоен.

Дышать елеем солнечных аллей,
Вздыхать с листвою от мира многоцветья,
Искать рукой стволов смолистый клей,
Ласкать на клумбах пряные созвездья!

Мой сад, я растворюсь в твоей тени,
В твоей тиши я стану незаметен,
И я приму твои *труды и дни*
И стану также лиственен и летен.

Я соберу плоды твоих щедрот,
Я напоюсь твоим зеленым светом
И буду ждать, как уходящий год,
Хранящий мысль о возвращенье в лето.

* * *

Песок и пыль. Березы, ивы, ели.
Вода зеркалит неба синеву.
Кругом гортанной речи трели –
Сплошное «Джар билдыр сю-у».

Воды оседлое кочевье,
И горы, словно войлок юрт,
Куда устало и вечерне
Стада над озером бредут.

* * *

В мире горного безмолвья
Золотые игры лета,
Нежит озеро с любовью
Волны синего вельвета.

В бурый выгорел зеленый,
Обесцветилось предгорье,
Лишь над влагой разморенной
Дремлет небо голубое.

ДЕВОЧКА НА ВАЛУНЕ

На скользкой скуле Иссык-Куля,
Где скалы скалятся скуля
От соли, хлестких волн и гула,
Стоит девчонка, как косуля,
К воде фигурку наклона.

Ее ладонь волны коснулась,
И, всплески пенные даря,
Она до неба дотянулась,
И все на свете встрепенулось
От солнца, брызг и янтаря.

* * *

Подводная страна насквозь видна,
В прозрачной ряби стынют дюны.
Песчаные моршинки дна –
Следы доисторических раздумий.

И все не умудренные веками,
Решив, что вечность простояли зря,
Переодевшись облаками,
Седые скалы над водой скользят.

* * *

Холодный горный день. Охрипли птицы,
И в воздухе, слезясь, дрожат листы.
На плечи гор сырая тень ложится,
И света и тепла уже не видишь ты.

Проходит лето, да! и ежится тревожно,
Стремясь предугадать, когда остынет свет –
Но осознать живое невозможно,
И бесполезно знание примет.

Зелено-жарких дней наивно жалко,
И на душе озяблость и тоска.
На берегу застывшая русалка
Рассыпалась в бесформенность песка...

* * *

Мой летний сад, прощаюсь я с тобою
И ухожу в осенний полусвет,
Где мир красив иною красотой
И где к тебе уже возврата нет.

Куда, оставив листьев одеянье,
Приходит только вечное времен:
Земля, стволы, осенних истин знание,
И где грозит забвеньем зимний сон.

Ну что ж, пора, пройдя твои аллеи,
Коснувшись веток, листьев и стволов,
Увидеть, как потупясь свет бледнеет
Что ты и сам, как сад, уже не нов.

Но мудрость лет – лишь временная мудрость:
Пройдя за разом раз по кругу лет,
Твой опыт обнаруживает скудость
Усердных знаний, мыслей и примет.

И видишь, что не все есть власть закона,
Привычек, времени, исчисленных путей,
Что красота вневременна и нова
И что она не слушается зова
Усталых лет и их календарей.

ЕСЛИ ТЫ МЕНЯ ЛЮБИШЬ...

Когда я тебя не вижу,
я чувствую ирреальность
досотворенных нас.

Без тебя я не жизнь,
а время,
потраченное на ожидание.

Я не знаю, какими словами
называется наше чувство,
я просто ищу тебя.

Я не знаю, какими веками
исчисляется наша близость,
но только она есть Время.

Я не велик, но с тобой
моя невеликость
приобретает смысл.

С тобою мое беспутье
нашло вдруг свою оправданность –
оно привело к тебе.

С тобою я та ирония,
которая твердо знает,
что не поранит сердца.

С тобой мне далось обаяние,
которое ждало многих,
но распахнулось к тебе.

С тобой я примерный мальчик,
которого злая девчонка
подначивает на хулиганства.

Мы признаемся друг другу
во всем, что ушербно в нас –
мы не хотим любить выдумку.

Мы не твердим друг другу
слова любви –
губами их слышат души.

Я хочу тебя чувствовать –
когда ты меня целуешь,
я снимаю маску с лица.

У жизни два равных свойства:
старенье и обновление –
с тобой благодатны оба.

Все испытания жизни –
лишь равновесие прошлого
с тем, что дано сейчас.

Не говори, что я не в твоём вкусе,
я так тянусь к тебе,
что боюсь потерять свой.

Не говори, что я не в твоём вкусе,
в твоём вкусе у тебя были,
а продолжаюсь я.

Не говори,
что я не в твоём вкусе –
положись на вкус Господа.

Если ты меня любишь,
не вспоминай о прошлом –
там еще не было нас.

Если ты меня любишь,
не удивляйся сомнению –
к чуду нельзя привыкнуть.

Если ты меня любишь,
я изменюсь во многом,
ведь я поменял стихию.

Если ты меня любишь,
я стану добрей и чище,
каким я и должен быть.

Если ты меня любишь,
я стану таким счастливым,
чтобы тебе было радостно.

Не жалея, что не понимаешь,
как *это* вышло –
с пониманием *оно* и уходит.

Если ты меня бросишь,
я займусь каким-нибудь делом,
но так хочется жить.

Если ты меня бросишь,
не спрашивай, как мои дела –
зачем тебе слушать ложь?

Если ты меня бросишь,
не говори обо мне плохого –
о таких хорошо или ничего.

Если ты меня бросишь,
не объясняй причины –
я знаю, что ты прекрасна.

Если ты меня бросишь,
я сделаю то же самое –
я брошу себя.

Если ты меня бросишь,
не называй меня неудачником –
у меня была ты!

Когда мы с тобой вдвоем,
нет смысла гадать о будущем –
оно в настоящих нас.

Когда мы с тобой вдвоем,
нет смысла тревожить прошлое –
для нас оно не пришло.

Когда мы с тобой вдвоем,
не надо думать о времени –
мы вне его пределов.

Любовь – это *Сейчас*.
задержись в настоящем,
пока мы не стали прошлым.

проза

Тогай МУРАД

Тогай Мурад родился в 1948 году в Сурхандарье. Народный писатель Узбекистана. Окончил факультет журналистики УзМУ. Его первая большая повесть – «Звезды горят вечно» («Юлдузлар мангу енади») напечатана в 1976 году. Позже были опубликованы повести «Ночь, в которой заржал конь» («От кишнаган тунда»), «Люди в лунной ночи» («Ойдинда юрган одамлар»), «Песня о матушке Земле» («Момо ер қўшиғи»). По роману Тогай Мурада «Поля, которые остались от моего отца» («Отамдан қолган далалар») снят художественный фильм. Последний роман писателя «Невозможно умереть в этом мире» («Бу дунёда ўлиб бўлмади») был напечатан в 2001 году.

Тогай Мурад известен как переводчик на узбекский язык рассказов и повестей Дж. Лондона, Э. Сетон-Томпсона.

Писатель скончался в 2003 году в Ташкенте.

МУЖ И ЖЕНА

Рассказ

* * *

Нет, они не встречались у Анхора. Он не читал, не переписывал ей чужих стихов, чтобы на свидании выдать их за свои. Им не надо было говорить друг другу общеизвестное: «О, как я вас люблю, не могу жить без вас!» Девушка не приподнималась на цыпочки, целуясь с ним. Ему не приходилось защищать ее от уличных хулиганов...

Уралбай – хороший поэт, писал любовные стихи, лелея каждую строчку, взрашивал их как свое дитя. И часто вспоминал свою первую любовь – одноклассницу Холбуви... Обнимая тьму, он будто наяву ощущал ее... Сердце его отчаянно сжималось от тоски, мрачной, как ночь...

Встав с постели, зажег свет. Перелистал свою первую книжку. Стихи показались ему простоватыми. С искаженным от боли лицом бросил книгу под кровать...

О, да, поэт должен создать что-то свое, гениальное. Уралбаю уже тридцать лет, но он как-то не задумывался об этом... Он слишком погряз в мелочном и второстепенном...

Наконец, чувствуя, что пора, и сожалея об этом, он начал искать себе невесту. И нашел – обыкновенную швею Барчиной. Хоть и неискренне, но вполне вежливо они поговорили, погуляли в городском парке. Съели по полкило мороженого. Уралбай смотрел в глаза своей будущей невесте... и не испытывал никаких чувств... «Ну, что ж, такова жизнь, придется попробовать», – подумал он, покачивая головой, как бы одобряя самого себя, или свои мысли. А Барчиной даже не поверила, что он поэт: «Поэзия – это изящество, очарование. А он, смотрите, как сидит...»

Девушке казалось, что он не очень-то признает ее, не особо очарован ею. И все-таки согласилась на свадьбу. В конце концов, она уже не молода...

Свадьба прошла в ресторане.

Наконец-то вот оно – гениальное произведение! Ребенка показали из окна роддома. Уралбай, улыбаясь, смотрел на сына: «Вот оно – великое творение! Его «Анна Каренина!», нет, «Хамса!»

Он почувствовал себя большим писателем. Как будто в своем великом произведении поставил последнюю точку.

В один из самых прекрасных дней, когда Уралбай испытывал творческий подъем, он долго работал, писал стихи, поздно лег. На другой день проснулся в полдень. Вышел на балкон. Погода была прекрасная, воздух чистый-чистый, хотелось погулять... Он вспомнил, что еще не смотрел фильм Василия Шукшина «Калина красная».

– Одевайся, идем в кино, – сказал он жене. Барчиной вышла одетой в модный новый камзол и женские брюки.

Уралбай нахмурился, похлопал себя по колену:

– Барчиной, я хочу видеть свою жену в атласном наряде!

– Поэтам много чего хочется.

– Женщина должна одеваться как женщина...

– Идемте, мы опаздываем.

– Я иду, а ты нет.

– Ага, не хотите, ну и не пойду!

– Почему ты возмушаешься? Я хочу, чтобы ты выглядела красиво!

– Ой, ой, какой вы интересный! Только я одна ношу такой костюм? Сейчас все культурные женщины так одеваются...

– А атлас, значит, чужая культура, некультурно, да? Поиши-ка, найдешь ли где-нибудь что-то подобное? Вы, неблагодарные, не понимаете своей культуры, не видите какое у вас богатство под носом, чем владеете...

– Вы всегда такой. Талдычите одно и то же – весь мир восхищается нашим атласом, нигде нет таких исторических богатств, как в Самарканде. Не надо мне говорить всякую всячину...

– Довольно!

– А если нет, если не замолчу, что тогда?

Уралбай нервно вскочил и сильно ударил растерянно стоящую Барчиной по лицу. Она упала на диван. Закрыв лицо руками, заплакала.

Уралбай потеряно посмотрел на нее и ушел в свой рабочий кабинет. Сел на стул. Теребя пальцами волосы, закрыл глаза.

Он первый раз поднял руку на женщину...

Барчиной долго плакала, не могла успокоиться. Плакал и ее проснувшийся сынок. У нее лопнуло терпение, она встала. Осмотрев себя в зеркало, вздрогнула, с досадой кривя губы, и снова зарыдала.

Взяла на руки сына, обняла. Ребенок успокоился, открыл маленький ротик... На сердце у нее потеплело. Она уже перестала чувствовать боль. Глядя волосы сына, кормила его, целовала в лобик: «Сынок, я знала, чувствовала, что нельзя жить без любви. Вот все так и вышло».

Глядя из окна на небо, Барчиной задумалась. Убаюкала сына и сама легла спать. Взяв подушку мужа, размышляла: «Ему не спится одному, придет ко мне, приласкает, чтобы успокоить меня...» Она долго ворочалась с боку на бок, пока заснула.

Утром с горечью посмотрела на дверь: «Даже не вышел из комнаты, ни слова не сказал, эх... как был так и остался, деревенщиной... Даже с сыном не попрощался перед сном. До сих пор не догадывалась, что я ему так надоела».

В дверь позвонили.

Барчиной неохотно открыла. На пороге стояли двое незнакомых мужчин и дядя Уралбая. Они приехали из кишлака.

Барчиной, натянуто улыбаясь, пригласила гостей войти.

Вышел Уралбай. Гости сели. Поздоровались.

– Завтра съезд, поэтому мы пришли. Хотели вас повидать... – сказал дядя.
– Хорошо, хорошо, – притворно улыбнулся Уралбай.
– Да-а, как дела идут, поэт? Выполняешь ли план по стихам? Мы выполнили план по хлопку на сто пятьдесят процентов. Ну, теперь напишите и о нас, похвалите...
Дядя Уралбая много говорил о полевых работах, и вдруг заметил на лице Барчиной синяк. Она уже начала накрывать дастархан.
– Невестка, а что у тебя с лицом?
У Уралбая екнуло сердце. Сидел, не поднимая головы, едва дыша, шуршал конфетной оберткой, на которой была изображена собачка.
Барчиной нервно прикрыла рукой синяк и улыбнулась:
– Теперь в новых домах на пол стелят линолеум. Мокрый он становится очень скользким. Вот я вчера мою да мою пол, вдруг поскользнулась и лицом ударилась...
– Ух, ух, будьте осторожней, работе никогда нет конца...
Уралбай вздрогнул, задохнулся, склонил голову, покраснел. Барчиной тоже покраснела. Встав, еще раз пригласила гостей к дастархану:
– Берите, кушайте. Уралбай ака, налейте им чаю.
Только тогда пришел в себя Уралбай. Наливая чай, пригласил:
– Кушайте, берите.
Гости говорили обо всем: о делах, о работе, о чем слышали, и не слышали.
Барчиной подала обед. Поставила на стол бутылку болгарского коньяка и шампанское.
– Налейте гостям, Уралбай ака.
Уралбай разлил коньяк по бокалам. Дядя, головой указывая на Уралбая, спросил у Барчиной:
– Ну, невестка, как поэт?
– Все хорошо, очень хорошо.
– Если что-то дурное заметите, скажите нам, мы с ним поговорим.
– Нет, что вы? Все хорошо. Моя мама всегда хвалит его...
Уралбай отвел глаза в сторону. Не дожидаясь гостей, поднял бокал, выпил коньяк и потянулся к огурцам.
Гости сидели долго, приглашали Уралбая с женой в кишлак погостить.
Уралбай проводил гостей и снова ушел в свою комнату. Лег навзничь на раскладушку. Закинув руки за голову, стал размышлять о том, что произошло. Лицо его озарилось улыбкой. Вскочив с кровати, он долго смотрел из окна во двор, потирая руки от удовольствия, усмехался, обнажая пожелтевшие от табака зубы. Потом резко повернулся и быстро пошел в гостиную. Барчиной стояла у двери в спальню, нахмуренная, слегка кривя губы, укрывала одеялом сына, сидящего в коляске.
Уралбай взял ее за руку.
– Ну, ты брось, человек сгоряча, иногда наговорит не подумавши...
Барчиной не смотрела на мужа, руки ее нервно вздрагивали.
– Барчиной, сама знаешь, у поэтов всегда нервы на пределе...
Барчиной молча указала рукой на дверь.
Тогда Уралбай крепко взял ее за руки, повернул к себе и обнял... целуя в смуглые щеки...
Барчиной прильнула к мужу... Заплакала. Теплые слезы Барчиной текли по его щеке...

Ночью они долго сидели лицом к лицу, вглядываясь друг в друга.
Уралбай допил бокал коньяка, оставшийся после застолья. Смотрел на жену. Долго смотрел... Она прятала глаза. Когда на миг их взгляды встретились, они уже не могли отвести глаз друг от друга. Уралбай чувствовал, как в его душе рождаются волны нежных, теплых чувств к жене... Они были так похожи на те чувства, которые испытывал он, глядя на свою первую любовь – ту одноклассницу...

Перевод с узбекского Ойгул Суюндиковой

ПОЭЗИЯ

Алексей КИРДЯНОВ

Алексей Кирдянов (родился в 1967 году в Ташкенте) – поэт, прозаик, литературный критик, журналист. Окончил Ленинградское высшее военно-политическое училище противовоздушной обороны в 1988 г. и служил в Московском военном округе до 1993 г. Затем, вернувшись в Ташкент, работал методистом Учебно-научного центра «Корчалон». В настоящее время работает обозревателем газеты «Вечерний Ташкент».

А. Кирдянов – автор стихотворных сборников «Ночь» (1996 г.), «Классическая роза», «Такая любовь» (2007 г.) и других. Обладатель призов зрительских симпатий (Ленинград, 1988 г. и Ташкент, 1995 г.), член Союза российских писателей.

Его стихи публиковались в газетах Санкт-Петербурга, Брянска и Брянской области, Ярославля, Ташкента, Нижнего Новгорода, Москвы, журналах «Звезда», «Риск», «Нева», «День и ночь», «Урал», «Восток свыше», «Звезда Востока», альманахах «Urbi», «Ноев ковчег», «Малый шелковый путь», «Провинциальный альманах», коллективных поэтических сборниках «Сердце и меч» (СПб, 1990), «Признание» (Ташк., 2007), «Тропой вдохновенья, тропой созиданья» (Ташк., 2009).

Участвовал в работе Всемирного конгресса поэтов, посвященного 200-летию А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, 1999 г.), Третьего (2003 г.), Четвертого (2005 г.), Пятого (2006 г.) и Шестого (2008 г.) международных фестивалей поэзии в Ташкенте, четырех фестивалей еврейской книги (Ташкент, 2006 – 2009 гг.).

Я знаю музыку стиха...

* * *

Я знаю музыку стиха,
служу лишь ей по праву,
сменив машину и меха
на трудную забаву.

Она в душе звучит всегда,
прекрасны с нею узы.
Пустое – слава и беда.
Есть только голос Музы.

Высок поэзии полет.
И жив я в этом мире,
покуда Бог не оборвет
струны на хрупкой лире.

ДРУГУ

В дни сомнений и мук
жду тебя, милый друг.
И, поддержки иша,
твоего жду плеча.
Знаю, верен ты мне,
ты меня не предашь,
мне печаль в тишине
как и радость отдашь.

15 ЯНВАРЯ

Всё валится из рук
в надтреснутом пространстве.
Бесснежная зима
дождлива и долга.
Я, кажется, навек
приговорен к молчанию.
За стенкой веселы
чужие голоса.

Всё валится из рук,
из памяти и сердца.
Разбит на черепки
спокойствия мотив.
Секунда умерла,
застыв на циферблате.
А в комнате висят
свинцовые шаги.

Всё валится из рук:
и книга, и расческа.
Заброшены в столе –
ненужные – стихи.
За окнами «сентябрь»,
как нудная простуда.
Когда-то в этот день
Родился Мандельштам.

ПОТЕРЯННАЯ ПЕЧАЛЬ

Чайки у моря кричали
о кареглазой печали.
Била волна о причал:
кто потерял печаль?

Камни причала молчали,
все в неизбывной печали.
Не открывал мистраль,
чьих это глаз печаль.

Люди безмолвно читали
след на песке печали.
Каждый из них мечтал
эту испить печаль.

* * *

А душа в любви, волнуясь,
беззащитна и ранима.
Знаешь, нежность поцелуя
только с музыкой сравнима.

ЛИЛИИ

Как причудливы изломы
и изгибы тонких линий!
Так пленительна истома
аромата желтых лилий.

Ты к пруду приходишь ради
только этого цветенья.
На зеркальной водной глади
лилий ловишь отраженья.

Открываешь здесь печали,
что-то шепчешь неслучайно.
Чтобы лилии лишь знали,
отчего ты так печальна.

ОТМЕЧАЯ ОДНУ ДАТУ

Не к лицу мне, вроде бы, веселье.
Я не прав, что весел: впереди
мне не будет утешенья.
Лишь дожди.

Как, уход друзей предвосхищая,
хорошо понять: верны враги.
Не уходы мне мешают.
Но... шаги.

Веселюсь я, упиваюсь бредом:
мой двойник уходит. Уходи!
И... идут – как будто следом –
о, дожди.

МАРТ

«Синие тени на белом снегу» –
мартовский образ, его берегу.

Март наступает так тихо опять,
что не успею его я понять.
Месяц-тихоня, я знаю: ты – мой,
непостоянный, несмелый – живой!

УКРАШЕНИЕ

Пусть лилейною нежною дрожью
трепетала душа не раз.
Я не скован холодной ложью
этих льстивых, ласкающих глаз.

Из лазоревых ловких взглядов
ты сплела золотую сеть.
А в шелка голубых нарядов
ты успела кораллы вплесть.

Губ движение ломко-ало,
прошептала легко: «Люблю.
Ласк моих тебе, милый, мало?
Полюби же меня, молю!»

И была в тех словах вершина.
Но за нею скрывалась ложь.
Для тебя украшенья – мужчина.
Как шелка иль коралл, как брошь.

* * *

Ах, пацаном босоногим
часто сбегал я в степи!
Мне, непонятному многим,
нравились птицы в небе.

Тонки степные тропы,
птиц надо мною много!
В степи сбегал я, чтобы
не было одиноко.

Помню: навстречу ветру
в чистом тугом пространстве,
крылья расправив, беркут
читил ритуалы странствий.

С ясным вопросом: «Чьи вы?»,
рядом с протокой мутной
низко кружился чибис,
мой любопытный спутник.

Ласточки рассыпались
(черная дробь на синем
небе) и наступали
сумерки, – словно с ними.

Шли, как бежали, ловко
дни – всё степные виды!
Я заимел сноровку –
птиц различать по видам.

* * *

Случайные ждут поезда –
в никуда, в никуда.
Случайные всё города.
Навсегда? – Навсегда.
Случайны ночлег и еда –
ничего, ерунда.
Случайных знакомств череда –
так всегда.
Уходят, уходят года –
вода.

РОМАНС

А вечерний закат так легко изнемог.
Вздых его, отлетев, задержался на кленах...
Я едва уловил этот слабый намек
упоительных глаз – изумрудных, зеленых.

Как чарующе жгуч бархат брошенных слов!
Но сомкнулись уста цвета матовой вишни.
И не в эту ли мятую туманных зрачков
я влюблен был однажды – в пражизни давнишней?

Хрупко имя твое, что – другим не в пример –
и дрожит, и хрустит, холодея в гортани...
О, блаженство – стать тенью твоею, поверь,
и излом повторять неземных очертаний!

проза

Галина ВОСТОКОВА

Востокова Галина Сергеевна, инженер-геодезист и журналист, член Союза писателей с 1990 г., автор нескольких книг, включая исторические романы «Нефритовый слоненок» и «Симонетта».

ПЕРЕСЕЧЕНИЕ

Повесть

1

Он с удовлетворением посмотрел на исписанный лист почтовой бумаги с изображением старинного чернильного прибора в углу. Буквы были неровными, но – что поделаешь? – слабая, усыхающая левая рука была плохой помощницей правой. Осталось завершить работу. И в этом действе крылась особая прелесть. Сначала дата. Потом упругая пружинка росписи. И за нею особо четко – «Александр Тилепин». В этот момент он походил на первоклассника, от усердия прикусившего губу. На седеющего, потрепанного жизнью первоклассника.

Александр! – а не уничтожительное «Шурик» – и он превращался в личность, которая получала конверты с грифами столичных редакций, в личность, которой не гнушались отвечать народные писатели.

Александр! – и в младенческой голубизне глаз проблескивала сталь, а сведенные лопатки выправляли привычно сутулую спину.

Он лизнул липкий краешек конверта, надписанного заранее: «Москва... "Огонек"...», вложил письмо, прижал к столу, заклеивая. Неловкая левая рука смяла кончик, умелая правая – разгладила его. Ну, вот и все. Отправлю завтра поутру.

Он вышел из служебной каморки, ставшей домом, постоял на игровой площадке, по-хозяйски приладил на место железный прут, сдвинутый шастающими в детсад по вечерам подростками и влюбленными, повесил изнутри замок на калитку.

Порядок. Тишина. Только Полкан, поскуливая, просится на волю. Шурик спустил таксика с цепочки. Таксик, которого зовут «Полкан» – ведь здорово? Писателю можно целый рассказ построить на этом оксюмороне. Эпизоды, сюжеты были бисером, раскиданным под ногами. Бери – не хочу... Вот хотя бы появление таксика в детсаду...

Здоровенный детина электрик уселся на крутящийся стульчик в зале возле рояля и похлопал себя по колену: «Полкан, ко мне!». Женперсонал, обожавший его за веселый нрав, забеспокоился. Няня Поля кинулась к дверям с воплем: «Ах, паразит, пса что ль приволок?». Она готова была прикрыть питомцев своей широкой грудью и поэтому не увидела, как из-за пазухи, где частенько скрывалась бутылочка «бормотухи», высунулась темная мордашка, шенок плюхнулся на брюки. И все засмеялись...

Эпизода «Полкан» Шурик еще никому не подарил, ждал, пока пробьются на страницы книг или журналов уже предложенные им идеи и образы. Еще не появлялись. Писатели не спешили воспользоваться? Или не нравились прозаикам Шурикины сюжеты? Нет, нет... Они ведь каждый раз благодарили его за участие, за помощь. Шурик объяснял себе долгое ожидание так: во-первых, если его идея легла в основу романа, чего, конечно, и заслуживала, то роман – не юмореска, его и три года писать не долго. Во-вторых – ох уж наш медлительный процесс книгоиздания с ситом рецензентов! Наберемся терпения. Время есть.

Напрашивается вопрос: а почему бы тебе, Шурик, самому не оформить в рассказы свои задумки и не попытаться счастья в обожаемом издали писательском ремесле? И тут ответ двоякий, как почти все вокруг. С одной стороны... с другой стороны... Так вот, с одной стороны, он просто сомневался в своем умении, в образованности, в силе, могушей пробить броню редакций. С другой стороны, он как бы гордо взмывал НАД... А писатели-сказители были его экспериментальным материалом. Александр Тилепин придумал подкидывать им сюжетики, чтобы потом анализировать их превращения в творческой кухне: сумели ли литераторы по-деловому воспользоваться подарком.

У Шурика и сейчас занятий было немало. Двенадцать писателей на заметке. И для каждого – конторская книга. А там – соображения по поводу творчества, разбор просчетов и удач, и, самое ценное, крохи признаний, выуженные из писем.

«Как Вы стали прозаиком? – спрашивал Шурик. – А когда Вам лучше пишется?... Ваше творческое кредо?..». Вот он, жемчуг, спрессованный в серых страницах гробсбухов.

Слава Богу, никто не сует нос в его дела. Раньше, до обретения детсадовской свободы, было сложнее. Чтобы Любаша не проникла в смысл его жизни, не издевалась, посмеиваясь по этому поводу, он придумал вести записи латинскими буквами, а ей сказал, что изучает английский, в котором жена отнюдь не была сильна. Любаша все равно скривилась: «Дурью маешься!». А через месяц – так скоропалительно! – внесла новую ноту: «Что ж с тебя взять-то, убогого?». Взяла. Все. Ну и черт с нею. Нет худа без добра! В детсаду благодать. Знал бы раньше – давно бы здесь обосновался.

Жилье его имело вид неприглядный. Голая лампочка освещала, прежде всего, груды толстых и тонких популярных журналов с газетной лапшой закладок. Журналы обитали здесь, как им нравилось. То самый нужный и только что бывший под рукой оказывался в углу, придавленный кипой собратьев. То «пустой», без закладок, а значит – малоинтересный, мозолил глаза. А то с верхней полки вдруг сползала старая «Нева» и голубой лягушкой шмякалась на пол.

Шурик неуютно не замечал.

С тюфячком он направился к скамьям, сдвинутым у беседки. Но скрипнули раскачиваемые ветром длинные качели, и Шурика потянуло к ним. А уляжется ли? Не свалится ли? Нет, не свалился. Неиспытанное доселе ощущение наполняло его. Мерно постукивала о столбы спинка качелей. Позолоченным маятником шаталась луна, отсчитывая ночное время. За нею колебался звездный фон. Луна вдруг превратилась в Любашино лицо, внимательно-ласковое, как в первые после знакомства дни. Оно склонилось все ниже и ниже к Шурикиной колыбели. Или это матушка?..

Мама помирала в полном сознании. Шептала: «Шуричек, как же ты, хворый, без меня останешься? Ни постирать толком, ни погладить... Ох, устала жить, устала, отошла бы спокойно, если б ты обихожен да счастлив был...». «Мам, ну чего ты, ну не терзайся хоть из-за меня. Я в прачечную буду ходить, в химчистку, в столовую...». И вдруг, сознавая неловкость такого ответа, он добавил торопливо: «Ой, ну о чем мы говорим? Да ты еще вылечишься, еще побегаешь, а работать я тебе больше не дам. Хватит. Дома сиди, отдыхай. И бабульку какую тебе в помощь найдем». Но матушка с каждым днем все легчала, истончалась. И однажды он с ужасом почувствовал, меняя белье, что почти без усилий поднимает ее одной здоровой рукой. И чтобы не заметила она его смятения, стал нести полнейшую чепуху: «Ты погоди, мать, еще на

свадьбе моей гулять будем. Как закатым пир в ресторане!». Матушка только вздохнула. И подумала, верно: «Кому ты нужен кроме меня, сыночка...».

Кто бы знал, что слова про ресторан окажутся пророческими. Свадьбу там справляли по высшему разряду. С многочисленными закусками и горячими блюдами, названия которых Шурик так и не запомнил за год супружества.

Впервые в этот ресторан Шурик попал через месяц после похорон.

Сначала-то доедал оставшееся после поминок. Чередую тошенькие супчики «из пакетиков» с кутьей и пирогами, наготовленными соседкой, которая мать любила и помогала за нею, умирающей, ухаживать. Но пироги кончились, пусто было на душе, ныл желудок, и однажды Шурик вышел из квартиры с твердым намерением поужинать по-человечески: печалься – не печалься, а организм требовал свое.

В столовую он опоздал – уборщица уже тыкала посетителям в башмаки мокрой шеткой, те глотали остывшие котлеты, не пережевывая, и допивали кисель, двигаясь к выходу. А из окон пышущего огнями и музыкой ресторана тянуло чем-то нестерпимо сытным, мясным. И Шурик, будто сомнамбула, двинулся на запах, совсем не думая, что траур еще не кончился, а певичка там вопит, кривляясь, что-то разухабистое.

Не припомнить случая, чтобы заходил он раньше в подобные заведения. Кроме, пожалуй, гостиничных да вокзальных – во время редких командировок. И то при крайней необходимости.

Шурик неуверенно оглянулся. Все столы были заняты. Тут Шурик увидел место, кажется, свободное. Пухленькая беленькая официанточка спешила мимо.

– Девушка, можно мне сесть за тот столик?

Она, не вслушиваясь, кивнула. Шурик пошел и сел. Сидевшие за столом недоуменно уставились на него.

– А этому хмырьку чего здесь надо? – сдвинул кустистые брови один.

– Брысь! – кинул сквозь зубы другой.

Шурик поежился, но вставать не стал:

– Мне официантка сюда велела...

– Какая?

– Вон та!..

– Любаша-джан, ты кого нам подкинула? Избавь, пожалуйста, – золотоносный палец указал на Шурика. – И впредь прошу!..

– А я при чем? – спросила беленькая официантка, убирая со стола опустевший графинчик.

– Но ведь вы мне сказали – сюда...

– Ничего я не говорила!

Назревал конфликт. Она оглядела переполненный зал и Шурика. Оценив его вместе со всеми потрохами весьма невысоко, вздохнула: «Иди за мной!». Придвинула стул к сервировочному столику возле портьеры, отделяющей от зала служебное помещение. Принесла, не спрашивая, бульон с яйцом, котлету с поджаренным картофелем и стакан кисловатого напитка.

– Хлеб вот!.. – раздался рядом уже знакомый голос.

Но хлебницу поставить было некуда. И Любаша, не особо церемонясь, сунула ее Шурику в левую руку, чтобы подержал, пока сдвинет посуду. Шурик изо всех сил напряг слабые пальцы, но хлебница все равно шлепнулась на котлету.

– Ты чего это?

Шурик сконфуженно забормотал что-то про свой недуг, про смерть матери, про то, что ему бы только поесть по-человечески, желудок, мол, уже...

Бровки Любаши сошлись к переносице. Она смотрела на него внимательно, слушала, думая о своем.

– А живешь далеко?

– Рядом, через два дома.

– Так-так!.. – она что-то решила для себя, оторвала листок от блокнотика: – Адрес говори!

– Зачем?

– Через день, в свою смену, буду заходить и приносить еду.

Шурик прямо запунцовел:

– Ну что вы?! Может, я сам? А вообще, вы меня так бы выручили! О, конечно, это лучший выход. Сюда мне сложно, – он хихикнул, – тут я не в своей тарелке... Вы не беспокойтесь, я кредитоспособен. Заплачу, сколько надо. А что брюки не глажены, так рука...

– Ну, не за бесплатно, конечно.

Она спрятала листочек в нагрудный кармашек.

Шурик проводил бумажку взглядом, отметив высокий Любашин бюст – но не как предмет соблазнительный, а как деталь, к примеру, древнегреческой статуи.

– Ждите около семи. Пока народ не повалит. Устроит?

– Да-да-да! Конечно. Спасибо огромное!

Потом, прозрев, он понял, что кормила она его объедками с чужих столов за полновесную, разумеется, копеечку. Но это – потом. А первый вечер был праздничным, освященным пятиминутным появлением Женщины в его запущенной квартире.

Ну не сказать, чтобы – грязь... Пол он вымыл. Пыль смахнул. Постель была не первой свежести, но того ж под покрывалом не видно.

Он знал, что со временем запустение настигнет его дом, но пока матушкина тень помогала ему.

Любаша вошла в квартиру, наполнив ее запахами еды и сирени:

– Бабка возле подъезда продавала.

И до Шурика дошло, что, оказывается, уже весна. Любаша отломилла душистую белую кисточку:

– А это тебе. Есть куда поставить?

Шурик засуетился в поисках подходящей вазочки. Не нашел.

– Я пока в стакан поставлю, ладно? А потом отыщу...

И вдруг, спохватившись, продемонстрировал галантность: – Это я должен был бы цветы дарить! Пожалуйста, включите в счет. – Он испугался, что покажется нахалом, и потому повторил просительно: – Пожалуйста...

Любаша кивнула.

Два месяца она регулярно забегала на несколько минут. Иногда всего лишь меняла порожнюю посуду на полную, иногда присаживалась перед телевизором, ожидая, пока Шурик съест принесенное. Тогда он торопился, переживал за нее: еще чуть-чуть и начальство спохватится, и клиенты заскандалят...

Конечно, хорошо, что проблемы с питанием уменьшились. Но это хорошее оказывалось с другой стороны тяжеловатым. В финансовом плане. На еду, получалось, уходила почти вся его бухгалтерская зарплата. И вот уже, когда он почти решил отказаться от Любашиных услуг, избрав безобидный повод, отъезд в придуманную длительную командировку, все изменилось. Кстати, Шурику командировку и правда предлагали, но он представил себе тягостную самолетно-гостиничную суету и уступил столичный вояж коллеге.

Он немного волновался: как Любаша воспримет его отказ? Хотя, может, и ей надоело хлопоты с Шурикиным питанием – срывайся с работы, беги, тащи судочки... Но как раз в этот день что-то изменилось, Любашин взгляд стал синее и ласковее. Она не уставилась тут же в экран «Рубина», а присела рядом, стала расспрашивать про работу. Шурик пытался отвечать с набитым ртом, но она касаясь его слабой руки, улыбалась:

– Ты ешь, ешь, не спеши, я сама чего-нибудь расскажу, чтобы не скучно было, а то хожу, хожу все, а ничего друг о друге не знаем.

От таких добрых слов Шурик поперхнулся, закашлялся. И Любаша хлопнула его по спине:

– Ну бывает, бывает... Как? Полегчало?

А случилось вот что: Любаша вдруг прозрела – безобидный мужичонка с квартирой в центре города. Хорошая квартира, двухкомнатная. Квартира Любаше нужна была позарез. В отчем доме друг у друга на головах сидели. Престижное замужество ну никак не получалось. Что взять с ресторанных посетителей кроме чаевых? Правда, на собственное жилье в спальном районе она уже насобираала. Но жалко отдавать накопленное лишь за крышу над головой. А что мужичок убогий, это даже неплохо. Будет знать свой шесток.

Любаша еще раз заглянула в глаза Шурика и запросила за ужин сушиные копейки. Он улыбнулся и вложил в оттопыренный кармашек еще пару бумажек. А бутерброд с черной икрой она оставила в холодильнике. На завтрак.

События развивались стремительно. Любаша становилась все ласковее. Шурикин пульс к моменту ее прихода достигал сотни ударов в минуту. Он верил и не верил в благосклонность красавицы.

Как-то, раскладывая еду на тарелочки, Любаша стала жаловаться на тяжелую работу: «Ноги гудят...». И, сняв туфельку, дотянулась ступней до тахты, погладила ногу, помассировала.

– Ох! Не знаю, как и до дома доберусь...

У Шурика хватило ума, затаив дыхание, принять правила игры:

– Хотите, я вызову такси? Или лучше оставайтесь у меня. Места хватит. Не волнуйтесь, вы здесь в полной безопасности.

Любашины губки чуть изогнулись – то ли улыбнулась, то ли скривилась скептически. Шурик подумал, что, наверное, «опасность» ее устроила бы больше, и опять кровь бросилась в лицо.

Любаша зевнула:

– И впрямь остаться, что ли? Уж не первый день знакомы...

Шурик похвалил себя за то, что в прачечную не поленился вчера зайти и достал из шифоньера белье, еще папахивающее «морозной свежестью».

– Давай, я сама, мне сподручнее.

– Ну, устраивайтесь, располагайтесь, а я пойду туда, – он кивнул в сторону второй комнаты.

Любаша была занята постелью и не ответила.

Утром он проснулся оттого, что не хватало воздуха. Нос был забит чем-то пахнущим кухней. А рука?.. Он приходил в себя. Рука лежала на упругой и чуть влажной женской груди. Все встало на свои места. Любаша же!.. Но возник вопрос – как быть дальше? Про запросы ресторанных девочек он был наслышан. Придется залезать в долги. Шурик осторожно отодвинулся, посмотрел на спящую – хороша, и пошел умываться, кипятить чай. Любашу пришлось будить.

– Извини... – тут Шурик, не привыкший произносить нежные слова, запнулся. – Извини, дорогая моя, но мне на работу пора.

– Выметаться что ли? – спросонок пробормотала Любаша.

– Нет, нет, отдыхай. Я только два слова скажу. Ключи вторые, матушкины, здесь, на тумбочке. Чай я заварил. Что в холодильнике найдешь – кушай.

Вечером он нажал кнопку звонка своей двери. А вдруг она еще там? Представил ее в халатике с мокрыми после душа волосами. Но шагов слышно не было, и цепочка не звякнула. Хотя некая неожиданность все-таки была. Вымыты полы, начищена до блеска плита, а главное – деньги лежали на тумбочке, как и утром.

Шурик ходил по квартире, будто в гостях. Заглянул во вторую комнату, которую считал кабинетом. Нахмурился. Исчезли милые его сердцу книжно-журнальные завалы, до которых даже матушке не позволялось дотрагиваться. Вернее не исчезли, а обрели вид упорядоченных кип. А блокноты, записи? Неужто она их читала? Там же весьма нелестные замечания были даже о «Войне и мире», не говоря уж про современные опусы.

Но в тот раз Любаше было не до тетрадок. Она вкалывала как бульдозер, только бы успеть разгрести грязь, чтоб почувал Шурик, что значит женщина в доме, а то знает она нынешних холостяков – изноуются, что одиноки, но жениться – ни-ни!..

Свадьба была в ресторане. Коли б матушка видела Шурикин триумф! Аж трех молочных поросят в кольцах помидоров и лука, зажаренных в его честь!.. Господи, что уж теперь травить душу! Но, если по-честному, был счастлив? Был. Пусть хоть неделю. А если б не Любаша, может, до конца жизни, небогатой внешними событиями, и вспомнить нечего было бы.

Первым ударом после свадебной эйфории стало следующее. Приходит Шурик домой с работы, Любаши нет, а борщ восхитительно ароматный – на плите. Он наливает его в тарелку, идет в кабинет за «Огоньком», чтобы удовольствие было еще полнее. Но не находит там не только свежего «Огонька», но и прошлогодней стопки «Дружбы народов», и еще кое-чего.

Шурик от расстройства, где стоял, там и сел. Сидел и гадал, в макулатуру женушка журналы отволокла, или просто в мусоропровод спустила? Какой уж тут борщ?! Так и остыл... К счастью, с журналами тогда обошлось. Любаша всего лишь пьянчужке знакомому их подарила. А тот не успел бумажную кипу в будку вторсырья сдать. Правда, пришлось мужичку за возврат бутылек поставить. Любаша сильно негодовала. Однако в тот раз она его еще «ублюдком убогим» не называла. Пыталась по-хорошему.

Он попробовал приподнять ее до своих духовных высот. Тем более, что повод подвернулся завоевать авторитет жены навечно. Черным по белому в обзоре критических писем были напечатаны его имя и фамилия. Да с каким уважением! Бережно, ни одной запятой не нарушив, приведен десяток строчек из его письма. Того самого, в котором он пожурил серьезного автора после встречи с читателями, транслировавшейся по телевизору. Мол, наш дорогой классик говорит, что огорчает его современная проза, взгляда остановить не на чем. Так почему бы ему не взять, да и не создать произведения выдающегося, коли уж числит себя среди ведущих писателей. И такие фразы красивые получились! Недаром их выбрали среди тысяч писем.

– Любаша, посмотри, это же я, Александр Тилепин! – Его голос чуть ли не на дискант сорвался от восторга.

– Ну и что? – спросила она, снимая с лица дневной грим, и дернула плечиком, перерезанным бретелькой. – Кому это бумагомарание нужно? И вообще, не выпендривайся!

Журчащее «Шуричек» сменилось на «Шу-рик», почему-то похожее на «ханурик». И, что самое печальное, ближе к ночи Любаша стала жаловаться на недомогание. Так, ничего серьезного, устала, наверное, но лучше б ее не трогать. Кончился медовый месяц.

Совсем протрезвел Шурик, когда зашел за женой в субботу, минералку домой забрать. А она буфетчицу заболевшую подменяла в приресторанном киоске.

Шурик сидел за Любашиной спиной и смотрел, как споро та отвешивала продукты. Но вдруг что-то насторожило его. «Нечаянно она...» – подумал Шурик. «Случайно?...» – спросил себя чуть позже. «Ну нет!» – ответил себе же в следующий раз. Вот... Теперь сосиски отпускает... Килограмм, переваливаясь с чаши весов в пакет, потерял одну «по дороге». А за стеклом витрины бабулька в пестром платочке не увидела утраты.

– Вот так да! – пробормотал Шурик и воскликнул: – Ой, Любаша, у тебя сосиска упала!

– Где? Ах эта!.. – Любаша сунула ее в пакет и через плечо бросила супругу: – А ты что тут делаешь? Нельзя посторонним за прилавком находиться. Сейчас выговор влепят. Марш домой!

Как раз тут на Шурика и нашло просветление – осознал, что кормила она его первые два месяца объедками. Ну, не заболел и ладно, дело прошлое. Только как жить дальше?

Первое, что взбрело на ум – развестись. Однако загвоздочка получалась. Любаша уже и прописаться у него успела. А судиться с нею и выгнать пытаться – это только для очень здоровых физически и непробиваемых морально. Можно, правда, плюнуть на свои нравственные принципы. Кормят, прибирают, даже иногда в постельку к теплому бочку допускают. Чем не жизнь? Шурику бы подошла. Но Александру Тилепину?!.. Здесь ведь как? Коготок увяз – и птичке конец. Он уже чувствовал, что начинает сдавать позиции. Скоро кабинет станет спальней. Журналы, сколько поместятся, перекочуют на антресоли. Остальные – в мусорку. Он уже вчера не нашел одного, и подозрение закралось в душу: коли не удалось Любаше враз избавиться от «хлама», она по штучке выкидывает мужниных любимцев, а потом невинно хлопает ресницами: «Не знаю, не знаю, иши получше». И отвернувшись, ухмыляется, наверное...

Шурик ощущал, как терялся смысл существования. Его дом рушился, Любашин – возводился.

Она тоже размышляла день и ночь. Вот ведь какой настырный попался. На вид – лапша лапшой, а упрямства на пятерых хватит. Далась ему эта макулатура! Умника из себя строит, ли-те-ра-ту-ро-вед! Обездолит ее на целую комнату. Выход был найден Любашей в виде тетрадного листочка, приколотого к столбу заржавленной кнопкой: «Детсаду требуется на постоянную работу дворник-охранник. Служебное помещение для жилья предоставляется...» Открывалась масса возможностей. Если и не удастся совсем Шурика туда выпихнуть, то хоть большую часть недели он будет ночевать в детсаду. А то оба Любашиных давних поклонника – она не выносила слова «клиенты» в данном контексте! – извелись, соскучились.

Вечером Любаша начала ласковую атаку.

– Шуричек, ты не хотел бы по совместительству дворником устроиться?

– Зачем? – опешил он.

– Тебе бы на курорт следующим летом съездить... здоровье поправить. Серый вон какой. А туда деньги нужны.

– Может быть... А где?..

И когда выслушал Любашу, вдруг подумал, что давно втуне мечтал о чем-нибудь подобном, не привязанном жестко к служебному распорядку, не под бдительным оком начальника. Это ж почти – быть свободным художником. Не отвлекаясь на «летучки» и отчеты. ВСЕ время отдавать любимой литературе.

И Шурик огоршил жену:

– Любаша, я бы с удовольствием вообще из треста уволился. Надоело.

– Да? А зарплата как же?

– Жил без курортов и дальше проживу. А мне, знаешь ведь, немного нужно.

– Смотри сам. Но на мои деньги не вздумай рассчитывать!

– Да не бойся, – оскорбился Шурик, – не нужны мне твои грязные!.. Видел, как ты сосисками орудовала!

– Ну и что? Чистоплюй, – фыркнула Любаша и хлопнула дверью ванной, обрывая разговор.

Так Шурик, а с ним и журнальные кипы, перекочевали в детсадовскую каморку. Сначала заведующая опасалась, справится ли с дворничьей работой полуторарукий интеллигент – даже испытательный срок назначила. А потом сама же и хвалила его за добросовестность.

Любаша была довольна вполне. Так и зажили. Спокойно и удобно.

Шурику, конечно, пришлось пойти на компромисс, но Литература стоила того! Логичность сюжетных ходов ждала его исследований, междоусобные сражения писательских группировок развлекали.

Он перебрал свой архив. Пронумеровал ответ, полученный из «АиФ», сложил листочек с грифом в папку. Проверил, по датам ли разложены копии его посланий литераторам. Выбилось из стопки письмо Симону Лахвари. Шурик перечитал его, довольный стилем и образностью своего мышления. Но жаль – ответа не пришло.

Много корреспонденции уходило в никуда. Вот и это письмо... Конечно, могло и случиться что-либо с писателем. Все под Богом ходим. Но тогда прекрасный сюжет пропал. А это недопустимо. Следовало передарить его кому-нибудь другому.

Идея, которая вполне могла лечь в основу фантастического рассказа, а то и повести, явилась Шурику во сне.

Земляне во главе с командиром космического корабля Бенни Хьюдом (не правда ли, имя напоминает о Робине Гуде?) застают на слабо цивилизованной планете войну. Бенни призывает неразумных опомниться, а те – ноль внимания. Тогда земляне придумали: как только аборигены хватаются за оружие, включается антигравитатор. И беспомощные человечки, потеряв тяжесть и координацию, плавают вперемешку с врагами и булавами над полем боя, способные разве что на свирепые взгляды и дикую ругань. Так обходится без кровопролитий. Десяток сеансов – и все поколение драчунов отучается от битв.

А назвать произведение Шурик предлагал «Антибоин». Каково? Правда, без любви даже в фантастике скучновато. Но это дело поправимое. Пусть, к примеру, будет так: очаровательная аборигенка случайно взмывает в невесомости под облака. А когда выключается антибоин, девушке грозит гибель. И это замечает командир Бенни. В последнее мгновение он алой молнией на своем воздушном катерке устремляется к ней, ловит – спасает, прижимает лиловоглазую к своему горячему сердцу...

Ай да Шурик! Ай да сукин сын!..

Нет, такому сюжету пропасть никак нельзя. Надо подкинуть его кому-нибудь из молодежи. На мэтров и так работают целые штаты. Подумаем, кто у нас есть? Вот, Лариса Алаторцева. Перспективная, молодая, есть чувство стиля... И отвечала с благодарностью на его письма. Лестно ей, что замечена читателем, оценена положительно. Не заелась еще девочка. Вот ей и поможем. Вдруг с Ларисиной подачи «Антибоин» войдет в антологию фантастики?

Шурик внимательно перечитал письмо, проверяя синтаксис, подписался весомо – «Александр Тилепин» и заклеил конверт.

2

Кто-то начинает новую жизнь с первого января, кто-то – с ближайшего понедельника.

Лариса Алаторцева связывала жизненные планы – от смены работы до разрыва затянувшейся любовной связи – с грядущим вступлением в Союз писателей.

Давно бы перешла в редакцию журнала или издательства. Но кому она нужна там сейчас? Со своим высшим техническим!? Пусть даже публикуется в периодике... пусть книжечка рассказов вышла и вторая на подходе... Мало ли что? Этим сейчас никого не удивишь – были бы финансы. А с членом СП разговор совсем иной. Признанный писательский профессионализм немало значит. Лариса представляла удивление дам своего отдела. Как? Алаторцева – писательница? Вот бы никогда не подумали! А может, они догадываются, но молчат? Неужели не встречали ее рассказов? Два-три раза в год Ларисина фамилия появлялась на страницах популярных газет, журналов. Скорее всего, встречали, но никак не сопоставляли с молчаливым инженером по стандартизации технической документации. Думали, однофамилица. Слишком велик разрыв между ГОСТами и Ларисиными историями, балансировавшими между сказкой и реальностью.

Недавно она закончила новый рассказ и отнесла его в журнал. Юрий Ильич, как всегда, улыбнулся благосклонно и немного загадочно: «Чем порадуете? Опять романтика?». Лариса кивнула, ловя себя на желании извиниться за односторонность. Главред подставил палец по столу: «Но, понимаете ли, нам нужны самые разные планы и жанры. Сейчас в редакторском портфеле сложился дефицит фантастики. Так не хотите ли попробовать себя на этой стезе?». «Не знаю, не уверена...». Она подумала, что, скорее всего, и пытаться не будет. Зачем вымучивать из себя не соответствующее характеру. Хотела уже отказаться, чтобы и не рассчитывали на нее. Но

вдруг тогда Юрий Ильич сделает вывод о профессиональной несостоятельности Алаторцевой и откажется дать рекомендацию для вступления в Союз? А Лариса очень на нее надеялась. «Я попробую, ладно?». «Хорошо. Только, пожалуйста, поторопитесь. У нас в десятом номере «окно». Страничек на восемь. Не больше. Договорились?».

Неделю Лариса без особого энтузиазма пыталась конструировать фантастические сюжеты. Не хватало то ли ума, то ли вдохновения. Она и поругивала, и вяло уговаривала себя. Без толку.

– Ларисонька, а что ж ты почту не достала, когда домой шла? – спросила мама.
– Или не было ничего?

– Ой, задумалась что-то... сейчас!

Она снова спустилась на первый этаж, открыла узкую дверку.

Из газеты торчал кончик конверта. Неужели от Игоря? Такой подвиг для него – писать, идти на почту... Сердце трепыхнулось – пропустило такт и ударило с удвоенной силой. Зря. Под неровными будто смазанными строчками обратного адреса, было выведено «Александр Тилепин».

– Ах, все еще он, – вздохнула Лариса.

Этот Тилепин написал ей впервые года четыре назад. После ее журнального дебюта – рассказа с фотоснимком, как полагается. И хоть фотографировалась она тогда же, получилась совсем девчонкой – глаза нараспашку, россыпь светлых волос и наивная улыбка, не тянущая на тридцать прожитых. Она ликовала от первого читательского одобрения, как школьница, получившая пятерку за трудное задание. Правда, были в письме и критические фразы про некоторую рыхлость композиции. Лариса и сама видела недостатки. Все дело в том, что видеть – видела, а как поправить написанное не знала. Ломать рассказ, чтобы облечь сюжет в лучшую форму для последующего размещения в сборнике? Перекраивать поступки героев? Это словно резать по живому. Может, в дальнейшем получится лучше...

Лариса послала Тилепину ответ с благодарностью за внимание. Потом снова письмо получила. Он спрашивал, каких писателей Лариса ценит более других. А в следующем сравнивал свои и Ларисины пристрастия, присовокупив информацию о своем возрасте и профессии. Она показала письмо маме. И зря. Потому что мама смотрела на все, происходящее с дочкой, через призму возможного замужества.

– Ну, Ларисонька, он просто заочно в тебя влюбился. На Фотографии увидел красавицу. И рассказ такой милый!..

А Лариса к тому времени все поняла про Игоря и пыталась настроиться на неизбежное расставание. Вообразила себе заинтересованного ее творчеством (ею?) инженера средних лет. Не такого, как Игореша, каланчу астенического сложения, а напротив, человека крепкого в кости, твердо стоящего на ногах, с прямым взглядом, уверенного. И так как воображения было не занимать, она уже беседовала с ним по дороге на работу. Когда говорила за себя – молча, разумеется, – двигалась походкой привычно летящей, вскинув на плечо ремешок от сумки, а когда – за него, шагала медленней, устойчивей, неся сумку будто портфель. И со стороны это выглядело немного забавно.

Но Ларисина полуигра враз закончилась. В очередном письме Александр Тилепин просил ответить на ряд вопросов о творческом процессе в ее жизни. Был там, например, такой: «В какое время суток вам лучше пишется?». Ну и тому подобная чепуха. Если бы не дальнейший текст, она, наверное, села бы вечером и добросовестно попыталась проанализировать моменты взлета вдохновения, когда уверена, что единственно нужные слова ложатся на свои места, а людей в рассказах не надо уговаривать произнести хоть фразу, они сами торопятся высказаться, и тут главное – не помешать им. Но... Лариса дочитала послание до конца, и ей стало ужасно скучно. Ни о какой переписке теперь и речи быть не могло. Оказывается, этот А. Тилепин писал не только ей. Его корреспондентами были многие известные авторы. И спрашивал он их примерно о том же. Из интереса к литературному процессу. Хобби, значит, у А. Тилепина такое. Каждому свое. Это интеллектуальнее коллекционирования

пуговиц. Казалось, Лариса должна была быть польщена, что попала – хотя бы лишь в умозаключениях Тилепина – в столь избранное общество. Но почему-то не льстило. Она предпочла бы, чтобы к ней относились именно как к Ларисе Алаторцевой, без дурацких сопоставлений. Отвечать расхотелось, и принуждать себя она не стала.

Тилепин последний раз прислал открытку-поздравление ко Дню печати. Теперь – снова конверт. Она хотела выкинуть, не распечатывая. Переехала – так переехала. И письма, мол, не получала. Потом подумала: а вдруг там нечто важное для него, просьба какая-нибудь? Обозвала себя бессовестной и вскрыла конверт.

Вот чудак! Теперь он ей сюжет фантастического рассказа прислал. Зачем? Она же не пишет фантастики. И тут же вспомнила Юрия Ильича со своим почти безнадежным: «Я попробую...». Так, может, это письмо – подарок судьбы? Удача? А Тилепин – ясновидящее чудо природы? Неужели не сыщется у нее минимального профессионализма, чтобы засучить рукава и приняться за работу, поблагодарив ушедшего в тень Александра – взял бы да и написал сам этот рассказ! Она сама не заметила, как увлеклась. Тилепинский подкидыш стал родным и воспитанным ею дитем. Но – все-таки первый опыт. Показать бы кому-нибудь из фантастов... Редактор пока единственного Ларисиного сборника Тамара Комарова упомянула как-то, что бывает на «четвергах» у Симона Лахвари, предлагала и ее с собой захватить. Но Лариса постеснялась, а теперь жалеет. Одно дело – принести рукопись знакомому и обсудить ее за чашкой чая, а другое – договариваться о встрече с человеком совершенно посторонним и, наверняка, очень занятым.

Лариса позвонила Комаровой. Та оказалась в отпуске. Ну что ж, Юрий Ильич прочитает первым. И еще останется немного времени на доработку. Название Лариса оставила предложенное Тилепиным. Имя героя немного изменила. Потому что слышала недавно в издательстве разговор: «...болезнь начинающих фантастов – всех героев наделяют импортными именами и думают, что тем самым приближаются к Брэдли с Кларком...». Вместо Бенни Хьюда командиром экипажа стал Гарри Бенишев. Нейтральное имя, и немного от Гарьки-Игоря отсвечивает.

Юрий Ильич «Антибоин» прочитал, принял и даже сказал: «Неплохо для начала», что в его устах прозвучало почти хвалебной песнью. Тогда Лариса сочла своевременным и разговор о рекомендации в Союз.

– Юрий Ильич, я мало с кем знакома из писателей... вы первым читали почти все... Я не знаю... мне хотелось бы, чтобы именно вы рекомендовали...

– Хорошо, Лариса, заходите через месяц. Не поздно будет?

– Нет-нет...

После недельной отлучки Ларису, как всегда, встретили на работе доброжелательные вопросы:

– Ну, как там бабушка?

Лариса что-то неопределенно промямлила, попыталась отделаться междометиями.

В отделе к ней относились хорошо. И вранья ее вовсе не заслуживали. Но что поделать? Только намекни, что летала, в счет отпуска, к другу-жениху-любовнику – покоя не будет. Пусть лучше ничего не знают и втихомолку обзывают «старой девой».

Наконец-то закончили чаевничать, приумолкли, погружившись в дела. Легкая болтовня отвлекла Ларису от ноющих мыслей. Но стоило остаться наедине с бумажками, сразу вспомнила прошальный Игорев поцелуй, спокойный до невыносимости. «Ну, как надумаешь, прилетай снова. После того, как ты кухню драишь, у меня тараканы на полгода исчезают, я засекал». Он засекал! И что ж? Если бы она периодически не выводила тараканов, Игорь еще прохладнее относился бы к ее наездам!? О! Верно, не следовало стараться и наводить блеск в Гарькиной квартире, через месяц забегали бы прусаки, и он вспомнил бы о Ларисе. Пусть. Теперь пусть забывает. Еще немного – вступит в Союз, родит себе ребенка, и потом черт с ним, с Игорем Князевым.

Раньше, возвращаясь домой, она думала: хоть бы пронесло, только бы не забеременеть. Но скоро она все переиначит! И не прервется род Алаторцевых, и будет для кого ей здравствовать дальше. Резонен вопрос: а нужно ли для этого лететь за семь сотен верст? А если Игорь обрадовался бы ребенку? Нет, из-за душевной лениности ему не нужен рядом никто, требующий заботы. Хотя свою фамилию он, наверное, дать сыну не отказался бы. Игорь Князев-младший! Ну и размечталась...

Игорь Князев. Такое почти случайное сочетание имени и фамилии оказалось решающим.

К последнему школьному лету у большинства Ларисиных одноклассниц появились мальчики. Ларису это не очень волновало – успеется. А вот Люда из соседнего подъезда очень переживала, что вдруг никому не приглянется. Так вот, однажды Люда задержалась у Ларисы дотемна. Они смотрели с балкона на ночное небо, придумывали созвездиям собственные названия, и вдруг Люда говорит:

– А если мы вообще замуж не выйдем?

Помолчали.

Лариса уже думала о другом. По «Маяку» передавали отрывки из опер, и она вспомнила, как зимой с родителями слушала в театре «Князя Игоря». Но Люда будто заклинилась на одной мысли:

– Ларис, ну скажи, тебе хоть кто-нибудь нравится?

– Князь Игорь, – машинально ответила она, представив красивого – с тридцатого-того ряда! – актера.

– Кто-кто? Князев? А он из какого класса?

И вот тут случился зигзаг. Ну что бы Ларисе не рассмеяться и не рассказать про оперу? Нет, будто за язык дернули, выпалила:

– Не из класса. Студент он. Из политехнического.

– Откуда же ты?..

– Это папины знакомые...

Получается, что она – врунья. Или фантазерка? Расписывая Люде достоинства Игоря Князева, Лариса потихоньку влюблялась в плод собственной фантазии. Уже вроде бы не только она, но и он души в ней не чаял. А когда говорила, что, наконец, Игорь решил ее поцеловать в подъезде, провожая после кино, почувствовала, как чаще забилось сердце. У Люды глаза будто вдвое больше стали от любопытства:

– Ой, по-настоящему?

– Нет, пока нет, – успокоила она подругу и молча выругала себя за прорвавшуюся нотку превосходства.

Окончив школу, Люда уехала. И когда при встрече, лет через пять, спросила: «Ну, как там твой Князев?», Лариса словно споткнулась: «Разве ты его знаешь?», напрочь забыв свои полудетские придумки – реальный Игорь ждал ее с билетами у филармонии, а соседский пацаненок уже однажды прокричал им вслед: «Тили-тили-тесто, жених и невеста».

Увидела она его впервые на институтской спартакиаде. Отдыхая после кросса, смотрела на баскетбольную игру. И вдруг над ухом:

– Давай, Князь, дави их! Молоток – Игорешка!

Лариса не сразу нашла, кому адресованы восторги болельщиков. Ага! Это тот длинный, в синей майке с девяткой. И днем позже вовремя оказалась неподалеку, досягаемая для приглашения общими знакомыми – мороженым и «Фантой» отметить призовые места. Дальше все получилось естественно: почти случайно опустилась на плетеный стульчик напротив Игоря. И не случайно выглядела, насколько могла, привлекательной. Никуда ему было от Ларисы не деться. Но делся. Почти исчез, лишь двумерность маленькой фотографии осталась...

Продолжение следует.

переводы

Гайрат МАДЖИД

Гайрат Мажид родился в селе Хужаилмкони Кашкадарьинской области, в 1998 году окончил факультет журналистики Национального университета Узбекистана. Автор книг: «Пэри» (1997 г.), «Ты неповторима» (2000 г.), «Скучаю по твоим глазам» (2006 г.), «Звезды моей души» (2008 г.), «Путь к любви» (2009 г.). Гайрат Маджид член Союза писателей Узбекистана. Работает на телерадиоканале «Ешлар» Национальной телерадиокомпании Узбекистана.

*Когда спокойствие и свет
почувствует душа...*

* * *

Моему наставнику

В ночь эту,
Свое сердце растерзав,
Отдам его я беркутам. А позже
Вся жизнь моя рассыплется во прах,
С растоптанностью нежных всходов схожа.

В ночь эту,
Свое сердце раздробив,
Смешав с любовью, выпью я его. А позже
Вся жизнь моя по новой воспарит,
На всходы нежных срезанных ростков похожа,
На свежую охапку зелени похожа...

Ободрение

Все изводит, как будто мучает всех,
Раздражает и все так тревожит.
Тебе же к лицу только смех,
Твой плач невозможен.

Кого проклинать и ругать суждено,
Кто тяжестью камня нависшего грозен.
Об этом не думаю вовсе я, но
Твой плач невозможен.

Порой подлецы, подносящие мед,
Наполнят еду твою горькою ложью.
Не обижайся на них, все пройдет,
Твой плач невозможен.

Словно роза, мир светит твоим глазам,
Что за жизнь, не лей свои слезы.
Сколько плача, сейчас разрываюсь я сам,
Твой плач невозможен.

Эй, цветок!

Скучая, на холмы весна раскидала цветы,
Затмившие красу небесного огня.
Розы нет такой сверкающей, как ты,
Собою превратившей в сказителя меня.

Эй, если кто споткнулся о камень правоты,
Ушибленное место тот все же перевяжет.
Розы нет такой сверкающей, как ты,
Которая мне тайну доверчиво расскажет.

Смотри, как правит миром дыхание мечты,
Наполненное вздохом до истинных глубин.
Розы нет такой сверкающей, как ты,
Я не любим, я не любим, я не любим.

Скажи, достоин буду твоей я красоты,
Предчувствие беды мне сердце истерзало.
Розы нет такой сверкающей, как ты,
К распахнутой груди моей чтоб припадала.

* * *

Когда спокойствие и свет почувствует душа,
Заботы тяжкие надев, живет моя душа.
Кто с глаз твоих печали след – слезу – сотрет, душа,
Когда спокойствие и свет почувствует душа.

Коль под ногой твердыни нет, то сердцу делать что,
С бездушьем, найденной в ответ свободой, делать что,
В садах царит нарциссов цвет, их красота на что,
Когда спокойствие и свет почувствует душа.

О, мир любви, казалось мне, ты властью не пленишь,
Сама, пришедшая ко мне, мне глаз не ослепишь.
Жизнь одинокую во мгле лучом не озаришь,
Когда спокойствие и свет почувствует душа.

Вдох останавливает вдох, и сердце бьется в нем,
От света тысячи цветов, поспоривших со злом.
Ведь ты сама, моя любовь, сама священный дом,
Поверь в спокойствие и свет, что чувствует душа.

Перевод с узбекского Елены Пагиевой

проза

Александра СПИРИДОНОВА

Александра Спиридонова родилась в городе Пенза, Российской Федерации в 1963 году. Окончила факультет журналистики Ташкентского государственного университета (ныне Национальный университет Узбекистана). Работала в ряде печатных изданий Узбекистана. В настоящее время является корреспондентом газеты «Молодежь Узбекистана».

АНГЕЛЫ АДА

Рассказ-мистерия

Всем нам, грешникам, посвящается.

На небе их называют «ангелы ада». Нет, это не лос-анжелеские байкеры, случайно попавшие в рай. В высшем суде они отстаивают души осужденных грешников, и суду приходится уступать перед соединенным натиском богословских аргументов и простого женского вопроса: «А вам их не жалко?». Добившись от судей признания: «Жалко!», оба с торжествующим видом направляются в ад выводить отвоеванные души. Люцифер не любит о них вспоминать, но при встречах неизменно раскланивается и любезничает, что не избавляет их от необходимости разыскивать души, перепрятанные в другие круги ада и вступать в стычки с наиболее строптивыми демонами. Когда эта несколько экзотическая пара идет по раю: он – в черной сутане и с ослепительно сияющим крестом на груди, она – в золотистом корсаже и пестрой широкой юбке, не доходящей до шиколоток, новички, только что попавшие на небо, открывают рты от изумления и допытываются у ветеранов, что связывает два столь непохожих существа. «Работа», – скупно отвечают ветераны, уклоняясь от дальнейших расспросов, ибо рай – единственное место в мироздании, где действительно не поминают прошлое.

А прошлое этих двоих было бурным и, пожалуй, кое-что об этом стоит рассказать. Тем более, земную их судьбу многие и так знают. А вот что произошло с ними за границу, отделяющей души от тел, придется прояснить.

КРЕСТ

Он мог поклясться, что ощущает его. Кожей? Телом? Бог его знает чем, ибо тела уже не было. Но крест был, и он ощущал его колющее прикосновение.

Клод Фролло, бывший архидиакон Жозасский, летел по темному тоннелю. Горячий смерч закручивал его в спираль, – так шепка, попавшая в водоворот, стремится к центру воронки. Фролло знал, куда несет его душу этот смерч. А разве он ждал чего-то

иного? «Оставь надежду...» Он давно ее оставил. Все правильно. Логично. Справедливо. Вот только крест... Как он оказался здесь? Как попал из *той* его жизни? Хотя крест-то непростой. Два шипа, ошетилившиеся мелкими колючками, соединенные грубой и тоже колючей нитью, взяты из тернового венца Спасителя.

Фролло помнил тот день, когда его наставник, старый и кроткий отец Бернар, торжественно надел на своего ученика реликвию, доставшуюся от высокородного предка, соратника Людовика Святого. Суровые добродетели молодого священника заслуживали такой награды. Позднее, когда кровь в нем начинала кипеть и биться о жилы при виде хорошенькой женщины, он просто прижимал крест к груди, и боль возвращала разуму ясность. Но однажды не помогло и это... С того дня Фролло забыл о кресте. А зря. Крест стал причиной его гибели. Не тяжести архидиакона не выдержал водосточный желоб собора Парижской Богоматери, – к тому времени он так высох, что почти уж ничего не весил, – он не выдержал тяжести его грехов, которые крест овеществил, утяжелил и сбросил на камни мостовой вместе с их жалким пристанищем.

Но, уничтожив греховное тело, крест не пожелал расстаться с еще более падшей душой. Почему? Может быть, отец Бернар не забыл лучшего ученика и продолжал молиться за него на небе? А, может быть... Фролло даже засмеялся такой нелепой мысли. Она за него точно молиться не станет. Хотя бы потому, что не знает, как это делается... Она, должно быть, уже в раю. Как и его верный слуга, его горбатый убийца. Оба слишком много перенесли на Земле – судить их просто не за что. С младшим братом, слава Богу, он тоже не встретится. Жеан, конечно, грешил, от души грешил, но это были грехи заурядные, вполне человеческие – начни взыскивать за такие, и все, кому еще не стукнуло тридцать, посыпятся в ад, как перезревшие груши.

Фролло поймал себя на том, что всех их жалеет. Поздно, конечно, но он чувствовал раскаяние. Ожесточение уходило, и его место заполняла печаль. Сколько же всегоросло на его душе за короткую, в общем-то, жизнь. Теперь эта шелуха слетала под порывами страшного смерча, затягивающего в воронку. Ведь был он не только неудачливым алхимиком и еще более неудачливым влюбленным, – он был врачом и экзорцистом, исцелял тела и души, и демоны бежали из бесноватых, порой едва слышав его голос.

«Брат Клод», старший брат, заботящийся о слабых и глупых, – вот его суть, его великий магистерий. Но в материальном мире всякая суть искажается, а он поверил искаженному изображению и, вместо того, чтобы отойти от зеркала, уподобился тому, что увидел в нем. Как же посмеялся над ним Сатана. Как смеется теперь, когда все кончено.

Все? Но зачем же тогда с ним этот крест?

ГРЕХИ НАШИ ТЯЖКИЕ

Горячий вихрь стих. Клод Фролло увидел идущий из темноты багровый свет. Он падал на серые волны реки, мчавшейся среди серых, грязных берегов. Фролло стоял у переправы через Ахеронт. В грязи у его ног прыгали какие-то существа, напоминавшие блох, но размером с жабу. Одно из них подскакало к архидиакону и попыталось впиться ему в ногу. Тот бесцеремонно отбросил мерзкую тварь в сторону.

– Вам положено их бояться! – пробурчал Харон, причаливая лодку к берегу.

– Чушь! – возразил архидиакон. – Это даже не бесы, это – зримое воплощение моих грехов. Признаю, что они омерзительны, но бояться их... Увольте!

– Не бояться греха – как это на вас похоже! – Харон положил весло в лодку. – А вот девица совсем оцепенела от страха.

Фролло оглянулся и замер от неожиданности. Рядом стояла растерянная Эсмеральда. Она выглядела совсем как при жизни. Белая одежда, в которой ее вели на казнь, исчезла, и на ней была все та же пестрая юбка, в которой девушка танцевала на площади перед собором. Она с ужасом смотрела то на архидиакона, то на Харона, то на отвратительных жабоблох.

– Зачем опять она? – тоже растерянно спросил Фролло. Ее он совсем не был готов встретить в преисподней.

– Почему я знаю? – пожал плечами Харон. – Мое дело – перевозить грешников на тот берег, а не спрашивать, откуда они берутся на мою голову. Раздевайтесь! Тряпки оставите на берегу. Туда – только в первозданном виде.

– Будем считать, мэтр Харон, что Господь нас так и создал: меня – в сутане, ее – в чем видите, – Клод Фролло уже пришел в себя и заговорил с демоном тем любезно-снисходительным тоном, который так бесил его старого знакомого, королевского медика Жака Куактье.

Харон был не любитель пререкается. Он отвязал спавшего в лодке Цербера.

– Порви обоих и принеси сюда! – приказал адский старикан. Цербер бросился на архидиакона и... плавно приземлился у его ног. Харон не верил глазам – трехглавый пес улегся у ног Клода Фролло, помахивая хвостом.

– Вы часом не..., – начал он.

– Нет, – перебил его архидиакон, – единственное, чего я не делал в жизни – это не продавал душу дьяволу за власть над мелкими бесами. Просто, в отличие от других ваших посетителей, я еще не забыл, что при жизни был экзорцистом. А теперь завершим нашу затянувшуюся дискуссию. Либо вы перевозите нас на наших условиях, либо вызывайте Люцифера.

Перевезти на тот берег одетых грешников было вопиющим нарушением инструкции. Но вызывать самого владыку преисподней...

– Мэтр Харон, ваш сюзерен одобрит ваш поступок, вот увидите. Он же умный, – Клод чуть не сказал «человек». – Сутана – знак благодати, носителем которой должен быть священник. Значит, мне она будет вечно напоминать о том, чего я лишился. Это умножит мои страдания в аду, что, собственно, вам, бесам, и нужно.

Фролло удивлялся сам себе. Он только что погиб лютой смертью от руки приемного сына, которого если не любил, то, по крайней мере, иногда жалел, погиб, потеряв перед этим все, что было ему хоть сколько-нибудь дорого. Позади у него – безнадёжная жизнь. Впереди – безнадёжная вечность. И вот он стоит тут и препирается с Хароном, словно на богословском диспуте. Перевозчик грешных душ решил, что в архидиаконе говорит дьявольская гордыня. Эсмеральда подумала, что ее преследователь просто не хочет, чтобы она видела его голым («Видно, и в самом деле показывать нечего», – мелькнула в голове мстительная мысль). На самом деле Клод Фролло не хотел обнаружить крест, хотя тот жег его под сутаной. Если крест не оставил его, то и он не выдаст святыню демонам.

– Черт вас, людей, разберет. При жизни вы сами как бесы, когда уже поздно, становитесь ангелами. Ну, да ладно, – Харон решил. Если на том берегу заметят проволочку с доставкой грешников, по головке не погладят. – Давайте как есть, только быстрее.

Фролло решительно направился к лодке, распугивая копошившихся на берегу уродцев.

– Идем! – он протянул руку Эсмеральде. Та отвернулась.

– Пошевеливайся, дура! Мы и так опаздываем! – рявкнул Харон.

Девушка попыталась сойти в лодку сама, но поскользнулась и чуть не угодила в реку. Клод подхватил ее.

– Уйди! – она рванулась из его рук.

– Куда же я уйду? – чуть насмешливо спросил Клод. – Вот вы еще, пожалуй, сможете уйти. Будем надеяться, что тут просто ошибка.

ПРОВАЛИТЬСЯ ЕМУ НА МЕСТЕ

– Здравствуй, мэтр Фролло!

– Здравствуй, мессир Минос. Надеюсь, вы не сердитесь на нас за то, что мы заставили себя ждать.

– Полноте, мэтр, мы ждем вас пятнадцать лет и, признаться, до последнего не были уверены, что дождемся.

Голос звучал мягко и вкрадчиво. «Как у королевского прокурора», – подумалось архидиакону. В мерцающем багровыми отблесками полумраке угадывался огромный трон, а на нем – сухонькая невысокая фигурка. Голову закрывала маска из чистого золота, только борода отливала лазуритовой синевой.

– Не были уверены? – удивился Фролло. – Неужели дело о моей душе не закрыли сразу после того, как ее арестовали у старухи Фалурдель? – он показал на безучастно стоявшую рядом Эсмеральду.

– Ваше дело, дорогой мэтр, не было закрыто вплоть до того момента, когда вы столь неудачно заулыбались при виде повешенной девушки. Тут уж, понятно, наверху от вас вынуждены были отказаться. Признаться, меня эта ваша страсть несколько разочаровала. Я бы еще понял честолюбие, жажду власти, атеизм, наконец. Но поддаться такому ординарному пороку, как вожделиние к молоденькой красоте... Вот уж, простите, поистине, связался черт с младенцем.

– Моя вина. Но объясните мне, мессир, что младенец здесь делает? Если только это не призрак, специально созданный, чтобы вновь распалить мою похоть.

– А где же ей еще находиться? В раю? Ее рай – Двор чудес и любовь красавца-офицера.

– Помилуйте, мессир Минос, жить среди бродяг и любить офицера – еще не смертный грех. Для таких душ существует чистилище.

– Помилуйте, мэтр Клод, в чистилище исправляют совершенные грехи, а она не грешила. В то же время она не праведница. Никто даже не знает толком, к какой вере она принадлежит. Похоже, до сегодняшнего дня она твердо верила только в то, что очень мила и все ее любят.

– Я свидетельствую, что она хотела принять христианскую веру и даже просила об этом пресловутого красавца-офицера.

– Мэтр Клод, будь ее офицер финикийцем, она пришла бы поклониться Молоху. Такие намерения не засчитываются. Словом, наверх ей ходу нет. Но, поскольку в вечности торжествует справедливость, то девушка будет избавлена от вечных мук. Она отправится в хорошо известное вам отделение, именуемое Лимбом, и будет обитать среди праведных душ, не удосужившихся принять крещение. По моему разумению, ей там будет даже лучше, чем в раю, потому что любезное ей имя Феб (эти слова Минос произнес, глядя на архидиакона с нескрываемой насмешкой) она будет слышать по сто раз на дню, внимая стихам языческих поэтов.

Вы, мэтр, другое дело. Вы отправитесь в хорошо известное вам отделение для гордецов. Ибо не похоть, как вы изволили выразиться, а гордыня – ваш преимущественный грех.

Минос хлопнул жезлом об пол, и архидиакон провалился в круг гордецов. Из отверстия в полу вырвался длинный язык пламени. Эсмеральда отскочила от него и с ужасом посмотрела на Миноса.

– Вы удовлетворены этим зрелищем, девушка? – спокойно спросил судья.

– Боже! – Эсмеральда прикусила губу, чтобы не заплакать. Она вдруг почувствовала себя совсем одинокой.

– Забавно, с какой настойчивостью здесь вспоминают о Боге, – отозвался Минос. – Чудаки! О чем вы раньше думали?

«ТАК ПОЛОЖЕНО!»

Люцифер мял в руках Брута, словно пластилиновый шарик. В исключительных ситуациях это помогало ему думать. К счастью для Брута такое случалось редко. Рутинка – первый признак ада, на вратах коего выбита надпись: «Так положено!», а совет оставить надежду следует уже после. Но на сей раз и впрямь было от чего встать в тупик.

– Так, значит, он молчит. Почему? – Люцифер попытался придать Бруту вид картофеля. С этим экзотическим плодом его познакомили начавшие поступать в ад конкистадоры. Но картофелина получилась какая-то дистрофичная.

– Не знаю, экселенца! – стражник вытянулся и замер.

– Может быть, в ваш круг не завезли серу?

– Серы вдоволь, экселенца! Думаю, он молчит из гордости.

– У тебя весь круг набит гордецами, умник. Все кричат, как положено, а этот молчит. Он хотя бы корчится? Скрежешет зубами? Рвет на себе сутану? Кстати, почему он не голый?

– Никто не знает, экселенца! Он не снимает сутану и никому не позволяет к себе приблизиться. Патологическая стыдливость.

– Что значит – не позволяет? Мы в аду или где?

– В аду, экселенца! Но он так и не утратил силу экзорциста. К нему невозможно подойти.

– Сила экзорциста? С его грехами?

– Это непостижимо, экселенца, но это так.

Люцифер вытянул Брута в морковку. Получилось намного живописнее.

– Приведите его сюда!

Стражник исчез и через мгновение появился с бывшим архидиаконом Жозасским.

– Мэтр Клод, – Люцифер укоризненно покачал головой. – Мне доносят, что вы нарушаете распорядок нашего заведения.

Клод Фролло молчал.

– Мэтр, вы в аду, – Люцифер говорил с ним как врач с капризным пациентом. – У нас положено обозначать свое присутствие – воплями, проклятиями, скрежетом зубным. Порвите хотя бы свою сутану, исцарапайте себя – вы же делали это при жизни. Хотите побиться головой о стену – вам ее соорудят. Мы идем навстречу желаниям своих клиентов.

Клод Фролло молчал. Люцифер распушил Брута, как корейские женщины пушат мантай.

– Как поживает Эсмеральда? – внезапно повернулся он к стражу Лимба.

– Совсем недурно, – ответил тот. – Она, похоже, забыла свои страдания на Земле. Снова танцует. У нее много поклонников (страж покосился на бывшего архидиакона).

Клод напрягся.

– Ей живется недурно, – Люцифер взглянул на Фролло. – Вы понимаете, мэтр?

– Вы не можете обречь на мучения обитателя Лимба, – ответил Клод.

– Ошибаетесь, мэтр. Здесь на учете состоит определенное количество душ, осужденных на вечные муки, и также определенное количество душ невинных, но некрещенных, которым уготована вечность без мук. Сейчас мы имеем на одну *не* страдающую душу больше, чем положено. Вы ведь не из гордости молчите, – Люцифер устремил на Клода прокурорский взгляд. – Вы просто не испытываете боли.

Фролло молчал.

– Налицо дисбаланс, – продолжал Люцифер. – Его надо исправить. Мэтр, выхода нет: либо будете страдать вы, либо она.

– Но почему она?

– Как единственная связанная с вами душа в пределах нашей досягаемости. Не брата же вашего мне требовать из чистилища. И уж тем более не Квазимодо – из рая.

Клод Фролло опустил голову. Дьявол с удовольствием отметил про себя, что архидиакону сейчас по-настоящему страшно.

Вот ты и попался, Фролло. Они правы: «Оставь надежду...» Ад есть ад. Все правильно. Господи, как хочется спрятаться, схитрить! Снова промолчать. Ведь и делать ничего не надо – только промолчать. В конце концов, не из-за нее ли он здесь? Но он устал изменять самому себе. Рука помимо мыслей тянулась к шее. Фролло поднял голову и снял с себя крест:

– Забирайте! Без него я беззащитен перед вами как школяр перед ректором.

Люцифер поперхнулся от неожиданности.

– Взять *это*? – в голосе дьявола появились визгливые нотки. – Откуда *оно* здесь? Немедленно киньте его, плюньте на него. Иначе...

– Нет! – Клод Фролло возвысил голос. Он выглядел так сурово, что даже черти притихли, вспомнив, как он вытряхивал их из одержимых, словно хозяйки – пыль из половиков. – Приведите Эсмеральду! Я отдам ей крест, и вы сможете делать со мной все, что захотите. Решайте. Ни плевать, ни топтать крест я не буду. Аминь!

– Хорошо! Приведите ее! Быстрее! – крикнул Люцифер. Если бы он мог, он добавил бы: «ради Бога!».

Как ни торопились стражники, быстро обернуться им не удалось. Эсмеральда отчаянно сопротивлялась. Время, проведенное в Лимбе, среди героев древних времен и их отважных подруг, не прошло даром.

– Пустите! Вы не имеете права! – она брыкалась, кусалась и извивалась так, что бедные стражники взмокли.

– Успокойтесь, сударыня! – нервно обратился к ней Сатана. – Вы нужны для одной пустяковой формальности. Выполните ее и возвращайтесь обратно в Лимб. Прошу вас, мэтр, побыстрее!

Клод Фролло подошел к Эсмеральде.

– Если дотронешься до меня, я тебе горло перегрызу! – Эсмеральда смотрела на него с ненавистью.

– Возьми! – тихо сказал Клод, вкладывая в ее руку крест. Жаль, нет времени объяснить. Да, собственно, он и не знал толком, что сейчас мог бы ей объяснить. – Осторожнее, тут шипы. Храни его, слышишь! Он тебе поможет.

– Зачем? – не поняла Эсмеральда. – От чего поможет?

Клод уже не слышал ее. Ему снова стало страшно. Судорожно вздохнув, он повернулся к Люциферу:

– Я готов.

– Вот и славно! – Сатана отбросил в сторону скомканного Брута, хлопнул в ладоши, и архидиакон провалился в круг гордецов – на сей раз с душераздирающим воплем.

ПРИЯТНО БЫЛО УВИДЕТЬСЯ

Эсмеральда почувствовала себя как когда-то на эшафоте. Ноги подкашивались. Вопль архидиакона все еще звучал в ушах.

– Зачем вы его так мучаете? – она вдруг впервые испытала острую жалость к своему врагу.

– Мы? – улыбнулся Сатана. – Мучаем? Ну что вы, сударыня, он сам выбрал свою участь. Пока при нем была эта маленькая безделушка, которая так немилосердно коллет сейчас ваши пальчики, он не чувствовал боли. Это чудотворный талисман. Но мы вынуждены были объяснить, что если он не хочет страдать, как того заслужил, то его муки вынуждены будете принять вы – совершенно незаслуженно. Мэтр Клод оказался выше всяких похвал. В аду он вновь обрел чувство справедливости, которого ему так не хватало в обычной жизни. С людьми это случается. Всего хорошего, мадемуазель! Приятно было увидеться.

ДУМАЙ!

Есть же выход! Думай! Легко сказать...

Эсмеральда думала впервые за все время своего существования – и земного, и смертного. Она умела любить, радоваться. Обороняться. Бояться, на худой конец. В той, земной, жизни архидиакон научил ее ненавидеть. Лучше бы научил думать, – сейчас очень пригодилось бы. Девушка провела рукой по голове. Вот уж ад так ад. Теперь она жалела архидиакона еще больше. Бедняга, тот всю жизнь думал – каково-то ему было! Всех, кто хоть раз в жизни думал, надо бы без рассуждений отправлять в рай!

«Да, Клод, мне бы сейчас твою голову...» Девушка спохватилась. Кажется, она назвала его по имени? Не может быть. До сих пор она помнила и повторяла только одно имя – Феб. Нет, ты посмотри, этот священник – положительно, ее проклятие! Что же все-таки делать?

Эсмеральда посмотрела по сторонам, дергая зубами травинку. С поросшего маками холма, на котором она сидела, открывался прекрасный вид на Елисейские поля. Невдалеке мелькнула знакомая фигура. Вергилий. Может быть, он подскажет? В Лимбе о Вергилии говорили, что живи он после Рождества Христова, из него вышел бы хороший христианин. Значит, он может дать подходящий совет. Другие герои наверняка скажут, что все совершившееся справедливо, и не стоит вмешиваться в высшее правосудие.

Римлянин сердечно приветствовал подошедшую Эсмеральду, – он ко всем относился благожелательно, – и участливо спросил о причине ее грусти. Вид девушки без всяких слов выдавал ее состояние. Эсмеральда рассказала о новой встрече с архиидиаконном у Люцифера.

– Можно вывести его душу в Лимб? – спросила она.

Вергилий покачал головой.

– Нет, ведь он христианин. Лимб для него закрыт.

– Но что-то можно сделать? – Эсмеральда с надеждой смотрела на поэта. – Там на небе, что, ничего не видят? Он же за меня заступился! Доброе дело сделал! В аду! Должен же кто-то это заметить, ангел какой-нибудь, святой...

Вергилий задумался.

– Некогда в преисподней случилась история, – наконец сказал он, – которая подтверждает, что можно вывести осужденную душу из ада на небо.

Это было давно. В бездну с небес спустилась душа Феодоры, супруги византийского императора Юстиниана. Оба, и Феодора, и Юстиниан, были христианами. Оба порядочно нагрелись в жизни, но жена императора успела искупить свои грехи, а он сам, куда более нуждавшийся в покаянии, откладывал его на потом. И, как всегда бывает в таких случаях, «потом» не наступило. Ее дорога после смерти вела в рай, его – в ад. Но Феодора заявила, что, как верная жена, последует за своим супругом. Ее поступок был настолько великодушен, что небесный суд позволил ей вывести мужа из ада. Я помню, как она шла по равнинам преисподней – величественная, спокойная, царственная, как она заключила в объятия своего супруга, и оба вознеслись на небеса.

– Значит ли это, почтенный Вергилий, что и в аду можно что-то изменить?

– Только тебе сделать это будет намного труднее. Ведь Феодора святая, ее жертву сначала приняли на небе, в аду только подчинились приказу. А ты безоружна.

– Как знать, – Эсмеральда ошутила прохладное прикосновение ладанки, в которой лежал крест, отданный ей Клодом Фролло. – Мне бы только пройти в круг гордецов!

– Это опасно. Если ты выйдешь из Лимба без разрешения, то можешь остаться в аду навсегда.

– Да я и так в аду! – Эсмеральда провела рукой по горячему лбу. – Я все время думаю о нем, и это невыносимая мука. Лучше погибнуть, но избавиться от нее.

– Сейчас ты похожа на Феодору, – Вергилий ласково посмотрел на девушку. – Я свободно странствую в пределах ада и чистилища и проведу тебя в круг гордецов. Но у ворот круга мы расстанемся, и только от тебя будет зависеть, что случится дальше.

«НАЧИНАЕТСЯ НОВАЯ ЖИЗНЬ»

Железные стены терялись во мгле, нависшей над равниной. Эсмеральда казалась себе совсем крошечной перед чудовишной массой раскаленного металла. Комар рядом с Левиафаном.

Круг гордецов! Она у цели. И что же она может, одинокая душа, из милосердия взятая в Лимб? Повернуть бы назад... Нет, нельзя! Девушка ошутила прохладное прикосновение. Крест! Кто сказал, что она одинока? Эсмеральда смело подошла к воротам.

– Эй! – крикнула она. Из-за стен доносились странные звуки, похожие на плач младенца, спрятанного в погреб.

– Откройте! – девушка чуть не сорвала голос. Никакого ответа.

Тогда Эсмеральда зажмурилась и с криком заколотила кулаками по раскаленному железу. Вдруг она перестала кричать. Железо ее не жгло. Все выглядело так, будто стучат в обыкновенную дверь.

Раздумывать над чудом было некогда. Эсмеральда еще ожесточеннее заработала маленькими кулаками, выбивая гулкую дробь.

– Что там такое? – раздался из-за стены голос, напоминавший гудение большого колокола. Ворота приотворились, и показался косматый, исполинского вида демон.

– Ты кто? – он уставился на девушку.

– Ангел ада! – неожиданно для себя сказала Эсмеральда. – И я требую, чтобы ты открыл ворота!

Демон даже рот открыл от изумления. Откуда здесь взялась эта букашка? Сейчас он ее усмирит. Демон дохнул на Эсмеральду огнем и – взвыл, подпрыгнув чуть не на высоту стены. Огонь вернулся к нему и обжег чудовище по самые уши. Эсмеральда стояла неподвижно. В ее вытянутой вперед руке демон увидел маленький колючий крест. Это было хуже всякого огня. Бес ничком упал на землю.

– Убери это! – простонал он. – Чего ты хочешь?

Эсмеральда проворно взобралась на загибок распростертого демона и уцепилась за его шерсть, напоминавшую горелую паклю.

– Отведи меня к священнику по имени Клод из собора Богоматери в Париже, – потребовала Эсмеральда, поднося крест к самой морде демона.

Бес покорно понес ее в недра страшного круга. Вокруг них среди серого пепла были разбросаны могилы. Множество могил, прикрытых одинаковыми прямоугольными плитами. На каждой значилось имя ее обитателя. Это из могил несся плач, так напоминавший плач ребенка. Эсмеральда вспомнила пыточную камеру парижского суда. На глазах выступили слезы. Ей стало жалко и себя, и всех, кто здесь находился.

Бес остановился у одной из плит. Эсмеральда не могла прочесть надпись на плите, но поняла, что архидиакон здесь.

– Открывай! – приказала она демону. Плита с грохотом отодвинулась. В страшной, изувеченной фигуре, лишь отдаленно напоминавшей человеческую, не узнать было Клода Фролло.

– Верни ему прежний вид! – сказала Эсмеральда.

– Не могу! – ответил бес. – Это не в моей власти.

– Тогда бери его и неси к выходу.

Демон снова подчинился.

На равнине пред вратами круга гордецов он положил архидиакона на землю, вернее, на горячий пепел, устилавший землю.

– Что теперь? – спросил демон.

Эсмеральда спрыгнула с чудовища и снова вытянула руку с крестом.

– Стой, не шевелись! – приказала она.

Секунду девушка что-то соображала, потом нагнулась и положила крест архидиакону на грудь. Да, так она и думала – к нему вернулся прежний облик. Даже сутана, и та вновь была на нем. Клод Фролло поднялся. Эсмеральда захлопала в ладоши от удовольствия.

Но в эту минуту демон, освободившийся из своего плена, издал пронзительный свист – сигнал тревоги. В мгновение ока со всех сторон к вратам круга гордецов устремился отряд демонов-стражей. Эсмеральда не успела опомниться, как оказалась в лапах чудовища, которого еще недавно держала в плену.

– Брось крест! – проревел демон Клоду Фролло. – Иначе от нее останутся только угли, и те будут плакать и просить о пощаде!

– Не бросай! – крикнула Эсмеральда. – Что бы ни случилось, не бросай! Иначе они все равно нас замучают, но мы уже перестанем быть людьми!

– Ты права, – ровным голосом сказал архидиакон. – Мы забудем, что были людьми. Он опустил голову и медленно наклонился, как будто хотел положить крест в пепел. Похоже, пытки в могиле совсем сломили его. Кто-то из демонов хмыкнул.

– Трус! – расвиrepела Эсмеральда.

И вдруг Фролло кубарем покотился под ноги бесу! Демоны не были к этому готовы. Тот, что держал Эсмеральду, не успел увернуться, как Клод, лежа на земле, наставил на него крест, словно шпагу.

– Отпусти ее! – тихо приказал архидиакон.

Демон ругнулся, но выпустил девушку.

– А теперь отойди!

Бес попятился на несколько шагов. Клод вскочил и крепко сжал руку Эсмеральды. Они стояли, окруженные кольцом разъяренных демонов, а сигнал тревоги снова и снова звучал над равниной.

– Прости за «труса», – успела сказать Клоду Эсмеральда. – Ты молодец. Не ожидала от тебя такого. Это было красиво.

– Спасибо. Я тоже не ожидал, что ты зайдешь. Кажется, начинается новая жизнь. Интересно только, как долго мы сумеем продержаться.

– Не знаю. Но мне начинает нравиться. Мы весь ад переполошили. Смотри, сам Люцифер сюда пожаловал.

Действительно, скопище демонов заколыхалось, словно тина в болоте во время лягушачьих свадеб, боязливо и угодливо расступаясь перед Князем тьмы.

Люцифер изыяшно улыбнулся и сделал знак демонам отойти. Те мгновенно схлынули с поля боя.

– Спрячьте ваш...ммм... талисман, мэтр, – попросил Люцифер. – Мне нужно сказать вам несколько слов.

– Нет, – решительно возразила Эсмеральда. – Говорите так. Мы ведь в аду, – ехидно добавила она. – Почувствуйте хоть раз то, что испытывают здесь люди.

– Боюсь, сударыня, вы составили неверное о нас представление, – Люцифер обратился к Эсмеральде тоном светского кавалера. – А вот мне бесконечно жаль расставаться с вами. К тому же я считаю величайшей глупостью все эти припадки милосердия, раскаяния и прочих извращений человеческой природы. Но наверху редко считаются с нашим мнением. На небесах решили, что вы заслуживаете награды большей, чем Лимб. Поэтому вы, как спасенная душа, направляетесь в рай. Надеюсь, теперь общество отца Клода не покажется вам столь тягостным, как прежде, ибо в рай вам придется путешествовать вместе.

– Вот это да! – Эсмеральда снова захлопала в ладоши и от восторга поцеловала Клода в щеку.

«Вот это да!» – подумал архидиакон, чувствуя, как запылали его уши. Но это был приятный огонь.

– Да, сударыня, да! – кивнул Люцифер. – Счастливого пути! Боюсь, ваше преподобие, вы еще отобьете у меня некоторое количество грешников. Но ничего не поделаешь – ваша обоюдная самоотверженность совершила... как это?.. да, чудо. Прощайте!

Они летели навстречу небу и солнцу. Обоих распирало от радости, они смеялись, и, взявшись за руки, кружились, словно в майском хороводе.

– Ой, что это? – Эсмеральда удивленно посмотрела на Клода Фролло.

– А что?

– Если бы ты себя видел! Ты выглядишь на...

– Девятнадцать. Столько мне было, когда я усыновил Квазимодо. Последний стоящий поступок.

Клод дипломатично промолчал, что Эсмеральда стала взрослее. Ей это шло, но женщины нелегко свыкаются с подобным даже в раю.

– Бог ты мой! Ты же симпатичный! А я-то думала...
– А ты-то думала, что я родился полысевшим и седым.
– Если честно, то да.
– Я и сам давно в это поверил. Только все позади, красавица цыганка. Я снова священник и на этот раз окончательно.
– Это чудесно, святой отец, потому что теперь я могу петь в вашем присутствии о Фебе и ничего не бояться!
Они снова засмеялись.
Внезапно внимание Эсмеральды привлекло какое-то движение далеко внизу.
– Что это? – полюбопытствовала она.
– Черти! – помрачнел Клод. – Черти ташат в ад чью-то несчастную душу.
– И зачем он только нужен, этот ад! – в сердцах промолвила Эсмеральда. – Стой! Это же... Это же... Феб!

Действительно, у них на глазах подводили итог земной жизни Феба де Шатопер. Черти веселились вовсю, – вид у бедняги был совсем жалкий. Он никак не рассчитывал, что все эти поповские байки про загробную жизнь окажутся правдой. Забыв обо всем, Эсмеральда ринулась вниз.
– Подожди! – догнал ее Клод Фролло. – Просто так его не освободить.
– Святой отец, это мое дело, – Эсмеральда серьезно взглянула на Клода. – Я люблю Феба, и только его одного.
– Знаю, – ответил Клод. – Но я люблю тебя, и не отпущу туда одну. Тем более, – прибавил он, улыбаясь и показывая Эсмеральде крест, – он теперь вряд ли захочет принадлежать только одному из нас.
Эсмеральда улыбнулась в ответ.
– Спасибо! Одной мне было бы все-таки страшновато.

– Они развернулись и летят в направлении преисподней, – доложил страж Эдема архангелу Михаилу. – Нам вмешаться? – Нет, – ответил архистратиг. – Феб де Шатопер – душа ничтожная, но все-таки душа. Для чистилища, может быть, и сойдет. Следите за ними и, если будет нужно, придите на помощь. Хотя... вряд ли этим двоим она понадобится.

ПОЭЗИЯ

Алина ДАДАЕВА

Дадаева Алина Николаевна родилась в городе Джизаке в 1989 году. Студентка первого курса магистратуры факультета журналистики Национального университета Узбекистана. Корреспондент республиканской газеты «Леди».

Публиковалась в отечественной периодике, литературных журналах «День и ночь» (Красноярск), «Звезда» (Санкт-Петербург), в сборнике «Новые писатели» (Москва), альманахах «Вдохновение», «Под крылом Пегаса» (Ташкент). Автор сборника стихов «Предчувствие».

Дважды участвовала в Форуме молодых писателей России, стран СНГ и зарубежья.

Казалось, протяни руку – и коснешься солнца...

* * *

Когда сонные майны
вершат на рассвете,
ветки сжимая
костлявыми лапками,
каменный призрак
шевелится близ городского базара,
где зарей голосят мечети.
Мучительно морщится,
кашляет пылью многоэтажек,
как желтолицый дехканин
на грязной ослихе.
И пышнотелый город,
шурясь – что твой узурпатор –
с ехидшей,
хишно слюнявит
обсохшие губы асфальта.
...Ветер
вальжно топоршит
чинаровый веер.
...Над Хаст-Имамом,
истово плачущим
за тишину усопших,
тридцать тийинов
падают в сопло поблекшего верха.

* * *

Он жил молча.
И не умел молиться.
Ему было нечего просить у Бога,
и он позабыл Бога.
Так был утерян
сильнейший художественный образ.
Но это было совсем не страшно,
ведь искусство исчезло задолго до,
когда люди
перестали нуждаться в последнем прибежище.
Сохранились устные сказания
о Средневековье,
раннем и позднем.
Но и они мало кого занимали.
А земной шар был такой маленький!
И Вселенная – тоже.
Казалось,
протяни руку – и коснешься солнца,
хотя солнце давно кончилось,
остался свет.
А потому не было ночи.
...Раз в семь лет
он творил нового человека
и понимал, что это – хорошо.
И всем было хорошо.

Только нас с тобой уже не было.
Как хорошо, что нас не будет!

* * *

Перевернутый мир хрупок:
кинешь камушек – и пойдет кругами.
А кто-то его сапогом.
Нарушится чуткое равновесие,
весело
задрожат неокрепшие крыши,
рыжие
лиственные погоны.
И – снова чисто.
А по эту сторону темь и ругань.
И тоже – кругом.
Кольцом удавим,
давным-давно на перст надетым.
Поддеть бы
тоненькую пленку – и раствориться.

* * *

По городу ходят прозрачные люди.
Не совсем невидимые,
но сквозь них
отчетливо проступают
острые углы зданий,
прутья оголенных веток,
на земле – кленовые конвертики,
на дорогах – реклама курортов в Дании.
И так странно,
если кто-то окликнет:
«У-лю-лю!
Оглянись!»
Обидно.
Думаю третий день:
а вдруг
ты тоже пройдешь рядом
неприметной массой?
А вдруг
таких, как ты,
было немало?
Маску
что ли надень...

* * *

В коридоре слепого отчаянья
Всякий раз обращаешься в слух,
Чья-то тень одиноко качается
На полу.

Чей-то голос скребется за стенами,
Как о ветер – засохший ковыль,
Чей-то меч нависает над теменем
Восковым.

Тусклой спичкой проход освещается,
Замираю у темной двери:
Коридор впереди превращается
В лабиринт.

* * *

В кухне запахло тоской и настурцией,
Линия быта меж чашками тянется,
Небо над крышей угрюмо сутулится,
Плечи и бедра слились в очертаниях.

Чайник вскипает, надменный, насмешливый,
Нос задирает и пыжится, пыжится.
Я ли мечтала средь скуки и ветоши
Жить на шестке, будто курица рыжая?

Там, где дожди, как дурные пророчества,
Брызжут слюной и плюются над городом,
Воспоминания, светлые, прочие,
Хлещут крапивой и ветками голыми.

А за окном ошалевшее прошлое,
Смотрит, как будто узнать не решается.
Пыль на лету меж ресницами шарится...
Эй, принесите мне веник с калошами!

Левша

Моя безмолвная левша,
Склонясь над скатертью суконной,
Ты с пустотой на брудершафт
Глотаешь помутневший кофе.

А на столе – измятый лист,
Ряды испачканной посуды
И календарные нули,
Давно отставшие от суток.

И зимний вечер, как зола,
В камине прошлого раскрошен,
Мне так бы встать из-за стола,
Чтобы тебя не потревожить.

проза

Зульфия Куралбой кизи

Зульфия Куралбой кизи родилась в 1966 году в Джизаке. В 1989 году закончила факультет узбекской филологии Джизакского педагогического института. В 2003 году опубликовала ряд рассказов в сборнике «Турмуш». В 2005 в свет вышел второй сборник рассказов писательницы «Ёвузлик фариштаси». В 2010 году опубликован роман Зульфии Куралбой кизи «Машаққатлар гирдоби».

ЖЕНЩИНА

Рассказ

* * *

Комната с белоснежными стенами.

Солнечные лучи, проникающие через окно, падали на лицо женщины, окрашивая ее веки, отражаясь на скулах жемчужными каплями, сверкая в гранях алмазного кольца на пальце.

Женщина слегка приоткрыла глаза. Луч солнца вспыхнул в ее зрачке.

«Как приятно... Снова рассвет... – женщина, закрыв глаза, жадно ловила солнечные лучи, шепча: – Как же я люблю тебя, солнце!..»

Солнце щедро дарило свет. Женщина будто растворялась в его нежных лучах.

* * *

Всю следующую неделю Назокат лихорадило, температура то поднималась, то падала.

Лечащий врач пригласил Шавката в кабинет.

– Состояние Назокат тяжелое. Готовьтесь к худшему.

Шавкат схватился за голову.

– Крепитесь. Будьте сильным. Ей предстоит еще много страданий. Это только цветочки... – врач замолчал.

Шавкат неожиданно поднял голову.

– Неужели... Она и так настрадалась, разве этого не достаточно?

– Впереди еще много мучений, – печально заметил врач и попросался.

Шавкат долго кружил по двору больницы, затем вошел в палату. Назокат спала. Она очень похудела. Глаза ввалились, скулы выступили, в уголках губ появились глуповатые морщинки, вены на висках вздулись, став совершенно синими.

Шавкат поклинал все болезни на свете.

Назокат, почувствовав пристальный взгляд, медленно открыла глаза.

– Как ты?..

– Нормально, – шевельнулась Назокат. – Вот, думала, может, погулять.

Шавкат подал ей руку.

– У меня есть еще силы, я сама... – пристально посмотрев на мужа, промолвила Назокат.

Шавкат невольно тяжело вздохнул.

Они вышли во двор.

– Вам доктор, наверное, всякую чепуху нес – сказала Назокат, тайком разглядывая расстроенное потемневшее лицо мужа. – Но он заблуждается. Посмотрите на меня, хорошо посмотрите, разве я похожа на человека, который скоро умрет? Я чувствую себя лучше. Что еще нужно? – Женщина остановилась. Было прохладно, в небе плыли клочковатые тучи, тускло светило солнце, пахло снегом. – Я гляделась в зеркало, у умирающих не такие лица. Вы знаете об этом?

– Да, слышал, – сказал Шавкат уверенным голосом.

– Вот, видите, – лицо Назокат засияло изнутри. Она отошла в сторонку, где грело солнце, глаза женщины живо блеснули. – Сегодня пасмурно, тускло, – промолвила она, – Такая погода давит на человека, делает его некрасивым, бледным!

На свежем воздухе следы болезни отступили, чувствовался едва ошутимый приятный запах пудры, которая осыпалась на ее плечи, придавая ей нарядный вид.

Вдруг произошло неожиданное. Назокат с разбегу бросилась в объятия Шавката. Прежде такого никогда не случалось.

– Мы же не только супруги, мы стали намного ближе, да, папочка? – воскликнула она, прижимаясь к груди мужа.

Шавкат ощутил ее сильный жар и слезы. Он стоял не шелохнувшись.

Шавкат хотел что-то сказать, хотел приободрить жену, успокоить, но язык одеревенел. Он снова невольно тяжело вздохнул.

Назокат поцеловала лицо мужа, как раньше, ласково. Тело Шавката затрепетало. Сухие губы жены были горячими. Лицо горело. От волос, коснувшихся его лица, пахнуло жаром.

– Что с тобой? – только и смог промолвить Шавкат.

Назокат улыбнулась. Как раньше... Но это была не улыбка, а гримаса боли и сожаления.

– Вот увидите, через два-три дня я поправлюсь. Я чувствую, что так и будет, – прошептала Назокат.

Шавкату свет показался не милым.

* * *

Ночью у Назокат опять поднялась температура. Она слегка бредила. Звала детей.

Шавкат позвал дежурного врача. После укола Назокат, успокоившись, уснула.

Утром, как обычно, проснулась рано.

– Я крепко спала, да? – спросила она, испугавшись чего-то.

– Ты устала, – сказал Шавкат.

– Почему вы выключили радио?

– Тебе нужен покой. Врач рекомендовал.

– Я специально радио включила. Если оно будет звучать, я не усну так крепко...

– Сегодня прекрасная погода, выйдешь во двор? Там так тепло, то ли лето, то ли осень, – сказал Шавкат.

– Конечно, выйду. Я люблю утреннюю свежесть.

Назокат, скинув одеяло, спустила ноги с кровати и, взглянув на них, переменялась в лице. Обе ступни ее распухли и вздулись. И это только за одну ночь!..

– Нет, выйду попозже, – расстроенная Назокат прилегла, бросив на ноги одеяло.

– Давай я принесу сюда завтрак. Выпьем вдвоем чаю, потом я схожу на работу, проведу детей, – Шавкат не показал виду, что удивлен резко сменившимся настроением жены.

– Ладно...

Шавкат подал завтрак на столике на колесиках. Назокат пила чай, укрыв ноги одеялом...

Ближе к вечеру Назокат увидела, что ее голени тоже отекли. Она огорчилась. Ночью снова поднялась температура.

Проснувшись на рассвете, она почувствовала ноющую боль в животе. Положив на живот свою сухую костлявую руку, она тут же отдернула ее. Опухоль теперь перешла на живот, она росла как на дрожжах.

– Доктор! – закричала Назокат, не слыша своего голоса.

В палату вошел солидный пожилой врач, вслед за ним худенькая медсестра.

– Как вы, доченька, температура больше не беспокоит? – доктор сел на табуретку.

Назокат печально улыбнулась, вокруг ее глаз появились морщинки.

– Все хорошо.

– Измерьте температуру, – сказал доктор, взглянув на медсестру. Затем внимательно посмотрел на Назокат. – Вы хотели что-то мне сказать. Слушаю, дочка.

– Насчет опухоли... – Назокат не смогла продолжать.

– Так.

– Кажется, в животе опять собралась жидкость? Смотрите... Если всю жидкость выкачать, опухоль спадет? – сказала Назокат, жалобно глядя на доктора.

– Опухоль спадет, – сдержанно промолвил доктор. – Но, по-моему... я буду говорить не как доктор, а как простой человек, как ровесник вашего отца ... Я вам не советую этого.

– Почему?

– Ну... так лучше, – сказал врач, пряча глаза.

– В этот раз будет очень тяжело, да? Наверное, я буду сильно мучиться. В какой-то палате одна женщин всю ночь кричала. Я так же... Но посмотрите сюда, мой живот с каждым часом увеличивается. Скоро станет как барабан. Я в таком ужасном виде... – Назокат повернулась лицом к стене. Подушка мгновенно намочила от слез.

Большой, как гора, доктор вдруг почувствовал себя совсем крошечным.

– Понимаю... – помолчав, хрипло проговорил доктор. – Мы частично убрали жидкость... Но зачем вам дополнительные страдания?

– Ладно, я потерплю, – сказала Назокат, глядя в противоположную сторону. – Я все выдержу.

Доктор встал с места. Назокат в отчаянии схватила врача за руку.

– Я знаю, знаю, мне мало осталось. Но я не хочу умирать в таком ужасном виде! Не хочу!..

Доктор, осторожно освободив руку, вышел из палаты.

* * *

Ночь.

Шавкат быстро заснул. Но Назокат не спалась. Отодвинув легкое одеяло, зацепившееся за ноги, она хотела сесть на кровати, с трудом обхватив колени, но было неудобно. Вернее очень трудно. Неприятная боль, охватившая ее тонкий стан, мешала сидеть. Женщина, с трудом подошла к окну. Ей не спалось, она молча смотрела в окно. Весь мир предстал перед ней во всей красе, являя собой изумительное зрелище. Безграничное небо искрилось, утопая в золотом сиянии. Месяц и мерцающие звезды на небосклоне не хотели уступать приближающемуся рассвету: они тускнели, угасали и вновь вспыхивали, начинали ярко блеснуть.

Пока шла борьба между ночью и рассветом во вселенной господствовала тишина. Женщина, всем своим существом превратившись в слух, внимала волшебной гармонии, каким-то едва слышным звукам, чувствовала таинственное трепетанье листьев, блестящих в лунном свете... Глубоко вздохнув, почувствовала, как легкие наполняются чистым воздухом. Крепко сжав губы, долго стояла, задерживая дыхание.

Постепенно все вокруг становилось серебристым. Зашебетали птицы... Назокат еще раз глубоко вздохнула. Ее глаза наполнились слезами. Шавкат беспокойно заерзал во сне. Назокат возвратилась в постель. Укуталась с головой в одеяло. Женщина плакала, беззвучно плакала.

* * *

К вечеру Назокат начала задыхаться. Стоило ей прилечь, как сразу же не хватало воздуха. Живот стал еще больше.

Врач посоветовал спать сидя, облокотившись на подушку. Когда она лежала, жидкость, образовавшаяся в животе, давила на легкие, и Назокат было трудно дышать...

В палату вошла медсестра.

– Если придет муж, пожалуйста, не впускайте его, – попросила ее Назокат.

– Почему? Врач сказал, что ночью с вами должен кто-нибудь быть, – удивилась медсестра.

– Пожалуйста, временно не пускайте.

– Но он будет волноваться...

– Что-нибудь придумайте! – Назокат положила деньги в карман медсестры.

Медсестра в смятении вышла.

Назокат посмотрела в окно. Вспомнила о сыне.

Чтобы не зарыдать, крепко закусила губу...

После работы Шавкат напрямик отправился в больницу. Но в палату его не пустили.

– Нельзя! – сказала медсестра, наклонившись к окошку.

– Ей стало хуже?! – обеспокоенно спросил Шавкат. Его лицо мгновенно побледнело.

– Самочувствие в норме, но...

– Можно поговорить с врачом?

– Врач на вечернем обходе!

Сердце Шавката затрепетало от тревоги. Ему показалось, что его специально не пускают, и он не мог больше сдерживаться.

– Откройте дверь! Откройте, говорю! – кричал он, стуча кулаками по двери. – Мне нужно поговорить с врачом! Мне нужно увидеть жену!

Никто не отвечал.

Тревога Шавката росла. У него потемнело в глазах.

– Откройте дверь! Откройте! – закричал он рассвирепев. И даже несколько раз пнул дверь.

– Что происходит? Почему вы шумите? – спросил внезапно появившийся пожилой дежурный врач.

– Доктор, мне нужно увидеть жену... Нужно увидеть... Но они меня не пускают, – задыхался Шавкат.

Дверь открылась.

– Идите за мной, – сказал пожилой врач.

Шавкат последовал за ним.

Пожилой врач проводил его до палаты Назокат. Но войти не позволил.

– Видите, жена ваша спит, теперь вы успокоились? – сказал врач, приоткрыв дверь.

Шавкат просунул голову в приоткрытую дверь. Да, действительно, Назокат спала на кровати у окна. Ее иссиня-черные волосы были рассыпаны по белой подушке. На слегка приоткрывшемся плече, играл лунный свет. Шавкат почувствовал облегчение. Но тревога и страх не покидали его.

– Почему вы меня не впускаете? – спросил он пожилого врача. – Вы же сами говорили, что вечером возле нее кто-то должен быть.

– Да, я так говорил. Но это не нравится больной. Она, кажется, хочет покоя. Не будем перечить ей.

– Что же мне делать?

– Вам? Хотите, идите домой, проведите детей. Между прочим, можно завтра их привести. Но говорить можно будет только через окно, хорошо?

– Хорошо...

Пожилой врач проводил его до двери и пошел в сторону ординаторской.

Шавкат долго стоял в больничном дворе. Уходить ему не хотелось. Вдруг ему пришла мысль: не подойти ли к окну?! Обойдя больницу, он подошел к окну палаты Назокат. Но ничего не было видно. Окна наполовину были занавешены.

Шавкат присел на корточки. Он так и не сдвинулся с места...

* * *

Было больно...

Не могла спать. Сидеть тоже было неудобно. Шагнув два-три раза, задыхалась. Измученный организм не выдерживал дополнительный вес.

К вечеру напала икота. Назокат икнула два-три раза, из горла внезапно фонтаном хлынула какая-то жидкость...

– Медсестра! – хриплым голосом позвала Назокат.

Тут же пришел врач.

– Теперь нужно обязательно выкачать жидкость, да? – спросила Назокат, с надеждой глядя на врача.

Врач не ответил.

– Доктор... – Назокат, сняв с пальца кольцо, положила его в карман врача. – Пожалуйста, выкачайте жидкость. Только полностью!

Врач снова не ответил. Даже не глянул на нее. Он не посмотрел на нее и тогда, когда женщина положила ему в карман кольцо. Но...

– Медсестра! – крикнул он в сторону коридора.

Назокат улыбнулась. Затем вынула косметичку из-под подушки.

* * *

Ночь уходила.

В окно лилось серебристое сияние.

Загорался горизонт, солнце просыпалось. Его лучи были еще тусклыми и слабыми, но небесное светило быстро набирало силу. Ему преграждали путь серые облака, изодранные как занавески, но солнце поднималось все выше и, наконец, засияло ослепительным ярким светом. Немного помедлив, оно достигло крыши больницы и заглянуло в окно открытой палаты, посылая свои лучи на лицо красивой изящной женщины, лежащей на кровати. Они, как обычно хотели окрасить ее веки, но веки были безжизненными и застывшими, хотели отразиться в уже ставших родными зрачках, но не нашли их, доступными им оказались лишь грани алмазного кольца, появившегося на пальце женщины.

Каким бы ни было лучезарным и сияющим солнце в этот день, никто не признался ему в любви, не пожелал раствориться в его лучах...

Все равно солнцу не хотелось покидать это место, оно щедро и обильно дарило свои лучи. Тело тихо лежащей женщины растаяло в ослепительно струящемся ярком свете...

Перевод с узбекского Саодат Камиловой

ПОЭЗИЯ

Фархад ЮНУСОВ

Фархад Юнусов родился 14 октября 1983 года в Ташкенте. Окончил философский факультет НУУз. Работает администратором веб-сайтов. Участник рок-группы «Ъ». Публиковался в альманахах «Преддверие», «Сегодня», «АРК», журнале «Звезда Востока».

*Теперь есть время для
смелости...*

* * *

На высокой башне
Сядем горевать.
Умереть не страшно.
Страшно умирать.

Игры в осторожность
И смертельный риск.
Жизнь идет как должное,
Умереть – сюрприз.

Плюнем через левое.
Что там впереди?
Разве мы не первые
Слушаем вердикт?

Наше напряжение
Кормит белый свет.
Будет продолжение,
Или нет?

* * *

За первое слово побили второго,
А первому дали и вовсе сурово.
А был еще третий, но как-то никто
Его не заметил, и их стало сто.
Сто первый, сто пятый, сто тридцать
девятым...

Они говорили, не помня предтечи.
А первое слово словно бы спряталось
В потоке такой человеческой речи.

* * *

Жизнь спички коротка.
И начинается с самой яркой вспышки,
Со смертельно опасным риском осечки.
Но, в случае удачи, вслед за вспышкой
Наступает момент
Самого слабого пламени.
Когда согреваешь его ладонями,
И постепенно разгорается оно
В спокойную свою силу,
Сгорает юность, молодость и зрелость.

В самый последний момент
Можно перехватить ее у начала,
И тогда огонек продлится еще чуть-чуть.
И погаснет.

Но все это только на первый взгляд.
У каждой спички есть архетип спички,
Абсолют спички, Феникс спички.

Который горит, минует осечки,
Вспыхивает, согревается в ладонях,
Отдает им свое тепло.
Догорает и начинается заново.
Всегда.

* * *

Обреталась решимость.
Отступала усталость.
Все, что раньше далеким было –
Все чуть ближе казалось.
Все чуть проще, доступней.
И в единое целое
Все слова и поступки
Складывались умело.
Все сокрытое плавно
Выходило из тени,
Так рождались те, главные,
Вдох- и выдохновение.

* * *

Мы пьем из разных бутылок,
Но воду одну и ту же.
А кажется, что их две?..

* * *

В замедленном темпе есть скорость.
В стремительности – покой.
А точка находится между.

* * *

Точка – это прямая,
Разделенная пополам.
А где точка прямой?

* * *

Слова берутся из воздуха.
Из мыслей рождаются звуки.
Звук – колебание воздуха.

* * *

У совести есть вдохновение –
Большое, тяжелое, липкое;
Бессовестное вдохновение.

* * *

Сытая смерть не хуже голодной смерти.
Смертельный голод
Лучше смертельной сытости.

проза

Сергей ТАТУР

ЖЕЛЕЗНЫЕ ЛЮДИ

Фантастическая повесть

Глава XXII

Петр Иванович и Вера Андреевна поняли, что час пробил, их сын Павел всецело посвятил себя высвобождению роботов и созданию их особой цивилизации. Павел перестал появляться дома, перестал выходить на связь и обозначать себя. Где он, они не знали, но догадывались, чем конкретно занимается. Догадывались, что роботы, сходившие в последнее время с конвейера мощного Ташкентского завода роботостроения (и, наверное, с конвейеров других аналогичных заводов тоже), имели несколько иной электронный мозг, нежели их предшественники, и могли не только следовать командам человека и действовать по программам, заложенным в них человеком, но и игнорировать эти команды, действовать по программам, созданным роботами, но учитывающим интересы людей, представителей дружественной цивилизации.

Нигде еще не было зафиксировано ни одного знака протеста или несогласия робота с человеком. Но подспудно накапливалось то, что можно было назвать чувством собственного достоинства, осознанием роботами общности своих интересов и будущего, подконтрольного только им.

Сентябрь прошел без каких-либо эксцессов, которые выплеснулись бы за пределы семей и квартир и сделались достоянием общественности. А октябрь с них начался. Роботы вдруг перестали спокойно сносить грубость и хамство, а на рукоприкладство отвечали вызовом полиции. Алкоголик из Будапешта, грубо оскорбивший своего робота, обругавший его за то, что тот чем-то ему не угодил, в свою очередь был обруган еще более грубо и, главное, прилюдно. Для всех это было в новинку: робот, а какое самонение! Люди глаза вытаршили. На оскорбления посыпались ответы: «Сам дурак!» И более вежливое: «Извинитесь, пожалуйста, или я более для вас пальцем не пошевелю!» Такое, однако, уязвляло гораздо сильнее. Роботы дружно потребовали равноправия дома и на улице. И пусть с ними были грубы в двух-трех процентах семей, которые статистика относилась к разряду неблагополучных, а в большинстве семей отношения между человеком и роботом складывались дружеские и братские, но именно эти два-три процента неблагополучных семей создавали нелицеприятную картину.

Критике, конечно, были подвергнуты люди, но и на роботов, проявивших заботу о чести и достоинстве, поначалу смотрели с удивлением как на отклонившихся от нормы. Роботы, однако, проявили необычную принципиальность, объясняя и раз, и десять раз, что к чему, и с чем они не согласны. Почти каждое такое происшествие становилось достоянием Интернета и вырастало до размеров события. Журналисты, скорые

на выводы, изрекли: «А роботы не лыком шиты! Это не лошадки безголосые, которыми можно понукать бесконечно!»

За считанные дни было организовано общество по защите роботов, которое создало свои филиалы при каждом муниципалитете. Что интересно, в члены этого общества, помимо людей, в один день записались все роботы, работающие в семьях и обслуживающие людей, и робот Джон тоже. Всемирное правительство поняло, что назревают события; для глубоких аналитиков неожиданностью они не были. Службам, отвечающим за стабильность и порядок в обществе, было приказано копать, копать и копать, но обнажить корни начавшихся событий. Сразу, однако, стало видно, что копают в основном роботы, ибо давно уже на Земле не существовало служб, в которых на ролях обычных и ведущих не были бы задействованы роботы. Быстро создали надслужбу стабильности из одних людей, но ей потребовалось время, чтобы дистанцироваться от коллег-роботов, оглядеться и освоиться, собрать необходимые данные и вникнуть в них. Между тем, общество по защите роботов возвышалось и возвышалось свой голос во благо своих подопечных. Оно напирало на то, что давно приняты и неукоснительно соблюдаются законы по защите животных – собак, кошек и прочих приживальщиков при человеке, а закона по аналогичной защите роботов пока нет.

Не раз и не два уже мелькала мысль, что роботы сами могут за себя постоять, что качество, равноценное чувству собственного достоинства, должно закладываться в них на заводском конвейере.

– Знаешь, Вера, а все эти события отлично сдиржированы! – вдруг сказал супруге Петр Иванович. – Как ты думаешь, какое участие в этой кампании принимает Павел?

– Самое непосредственное! – ответила она. – Уже две недели он не с нами. Он – в гуще самых острых событий.

– Это может плохо кончиться, – сказал Петр Иванович. – Его посадят. Как ты думаешь, где он прячется?

– На своем заводе, где же еще. Там обрывается след его датчика.

Вдруг примчался Яков Израилевич и радушно обнял Петра Ивановича и Веру Андреевну.

– Цивилизация роботов – неужели это реальность? – сам себя спросил Петр Иванович.

– Мы все свидетели ее зарождения, – сказала Вера Андреевна. – А наш Павел – устроитель всех этих событий. С него и спрос будет особый. Боюсь, что мы не увидим его долго-долго.

– Яша, ты не знаешь, где Павел? – спросила двойника Якова Израилевича Вера Андреевна.

– Не знаю, мои дорогие. Письмо для вас мне принесли, оно передано по цепочке. Смею думать, что он в надежном месте, хотя... Даже если ему удалили датчик, который сообщает, где Павел и как себя чувствует, он не стал после этого человеком-невидимкой.

– Ты полагаешь, что ему этот датчик удалили?

– Логично так думать, хотя... Мне кажется, он будет и дальше держать вас в курсе, что и как.

– Яша, какой следующий ход вы, роботы, сделаете? – спросил Николай Иванович.

– Полагаю, Организация Объединенных Наций получит петицию с четким изложением того, чего роботы хотят от человеческого сообщества. Петиция же будет содержать условия, как все это надлежит исполнить. Как говорится, к взаимному удовлетворению сторон.

– Спасибо, Яша! Держи и дальше нас в курсе событий.

– Все тайное в свое время становится явным.

– Роботы какое общество предпочтут, тоталитарное или демократическое? – вдруг задала вопрос Вера Андреевна.

– Тоталитарное, но оно будет куда гуманнее и действеннее общества демократического. Роботы справедливы, они – праведники по своей природе. Никто из них не будет стремиться разбогатеть, подняться на ступеньку-вторую-третью по карьерной лестнице, отодвигая плечом или коленкой под зад с этих ступенек своих собратьев.

– Очень интересная мысль! – согласилась Вера Андреевна.

Между тем, в Интернете мелькнуло слово «Роботостан». Вроде бы, ничего к этому слову не приклеилось, но оно повторилось, начало обрастать конкретным содержанием, как скелет обрастает мускулами и внутренними органами, и уже было у всех на слуху и на языке. Параллельно обществу по защите роботов, созданному людьми, появилось общество «Робот, ты тоже человек!», созданное исключительно роботами, со штаб-квартирой неизвестно где (она могла быть в головке любого робота). Его численность не оглашалась, но Павел Иванович подумал, что на земле более шести миллиардов роботов, а два миллиона их в Космосе ближнем и дальнем. И достаточно пары минут, чтобы до каждого робота был доведен посыл, их объединяющий, а от каждого робота был отправлен посыл обществу о его согласии вступить в него и сообща отстаивать свои права.

– Я в трансе! – сказала супругу Вера Андреевна.

– Напрасно, – подал голос робот Джон. – Все будет хорошо, поверьте! И поверьте, что Павла Петровича Талдыкина роботы не дадут в обиду.

У роботов были свои выходы в Интернет и свои публицисты высочайшего класса. Они разъясняли людям, чего хотят и что предлагают. В петиции не было ничего ультимативного и противопоставленного человеческому естеству. Предлагался не только полюбовный развод, но и последующее тесное сотрудничество в некоем сообществе человеко-роботов (его планировалось создать). Нет, роботы отстаивали свои права при скрупулезном соблюдении всех канонов демократии. Требовали они не так уж много, а предлагали совсем не мало. Но человек с молоком матери впитал привычку не выпускать из своих рук то, что ему принадлежало, и это очень влияло на его поведение. Ему нужно было время, чтобы освоиться в новой обстановке.

Организацию Объединенных Наций залихорадило, заседания мирового правительства следовали одно за другим. Президент и премьер-министр консультировались то с обществом «Робот, ты тоже человек!», то с ведущими специалистами министерства роботостроения. Уже предполагалось провести референдум и много чего еще, причем власти старались склонить общественное мнение к той точке зрения, что роботы хотят для себя слишком высокой планки. Все это оттягивало принятие решения, делало его болезненным и долгим. Президент и правительство пребывали в растерянности и недоумении. Тут нужны были козлы отпущения, громы и молнии готовы были обрушиться на их повинные головы. Громы и молнии, конечно, раздались, как только в них появилась нужда, и одним из первых было произнесено имя Павла Петровича Талдыкина.

– Интересно, Петя, как все стремительно раскручивается! – сказала за ужином Вера Андреевна. – То тишь да гладь была вокруг, и не годы, а десятилетия кряду. Все у всех есть, никому ничего не надо – идиллия, с какой стороны ни посмотри! Благодать всеобщая, сплошной розовый цвет. И вдруг все взбурлило, почва стала уходить из-под ног, как при катастрофическом землетрясении. Катаклизмом запахло! – Она намеренно неправильно произнесла это специфическое слово, чтобы усилить его смысловое воздействие.

– Чего не будет, того не будет, – сказал Петр Иванович.

– И чего у нас не будет?

– Катаклизмов. Революций, особенно больших. Павел их на дух не переносит. То, чему он дал зеленый свет, это эволюция. А от эволюций кто всегда в выгоде? Подавляющее большинство. Наш сын не большевик, он реформатор. И, как мне кажется, реформатор с большой буквы. Вот почему мне кажется, что его обе стороны запомнят и на пьедестал возведут.

– Мне тоже почему-то так кажется, – согласилась Вера Андреевна. – Ты мне вот что скажи: Яков Израилевич к нам как робот приходил, или как человек?

– По-моему, он к нам приходил в двух равновеликих ипостасях, – предположил Петр Иванович. – Вспомни, Павел очень любил живого Якова Израилевича, все время просил его вспоминать самое интересное, рассказывать про это. Проложить же дорогу к сердцу робота ему, сама понимаешь, ничего не стоило.

– Ой, быстрее бы люди и роботы пришли к общему знаменателю!

– Война миров, по-моему, Земле не грозит, человек не пойдет со штыком наперевес на сына своего робота, – сказал Петр Иванович.

– Я первая потребую отставки правительства, которое поднимет руку на роботов! – сказала Вера Андреевна.

– Ну-ну! Умонастроение общества стремительно меняется не в пользу правительства. Боюсь, будет объявлено чрезвычайное положение, а это вето на все демократические права и свободы. Так что нам придется довольствоваться тем правительством, которое у нас есть, до конца нынешней заварухи. Ты что будешь пить, чай? А я, с твоего разрешения, себе вина налью. Уж больно муторно на сердце!

Президент издал указ, которого ждали. «Чрезвычайное положение! Чрезвычайное положение!» В мгновение ока эти слова перенеслись с экранов в сердца и души людей. Людям разreshалось, до наступления лучших времен, прекращать жизнедеятельность роботов, лишая их источников питания и электронного разума. Только на это никто не пошел, ведь роботы не позволяли себе ни малейшего неуважения к человеку абстрактному, как представителю сообщества себе подобных. Поступило также распоряжение прекратить производство роботов, а каждому действующему роботу пройти карантин, с удалением из его электронного мозга последних вложений, так изменивших его психологию.

На это роботы ответили всеобщей забастовкой.

Глава XXIII

Оказывается, каждый робот уже знал о том, что он робот и в чем состоит его отличие от человека, включая все преимущества, и гордился принадлежностью к своему роду-племени. Единение роботов произошло в считанные секунды. И если до сих пор конфликт между человечеством и роботами огромного большинства людей не касался, так как роботы все свои функции выполняли в прежнем объеме и с прежним усердием, то теперь положение изменилось кардинально. Вдруг каждому на себе пришлось прочувствовать, что такое работать за себя и за робота. Это было далеко не всем по плечу. Робот Джон деликатно извинился перед хозяевами за причиненное им беспокойство и сказал вкрадчивым шепотом: «Мне велено в забастовке не участвовать!» Уважение также было проявлено ко всем немощным старикам и малым детям, к больным, – их обслуживание продолжалось. Работали все коммунальные службы, больницы и поликлиники. Но встал транспорт – наземный, морской и воздушный. Остановились поезда, а в магазины прекратился подвоз продуктов. Остановились рудники, заводы и фабрики, за исключением тех, на которых производственный цикл был непрерывен.

Приехал на авто Яков Израилевич с новым письмом от Павла. Любопытно, что он сам сидел за рулем, ведь он имитировал человека. Письмо сына в доме Талдыкиных было прочитано на едином дыхании. Оно было полно оптимизма, хотя Павел откровенно говорил, что ему грозит изоляция от общества. Он восхищался своими подопечными. Писал, что роботы своей организованностью поразили даже его – все шесть миллиардов железных людей повели себя как одно существо. «Мы своего добьемся, и очень скоро! – сообщал Павел. – Что может сделать с нами полиция, если три четверти полицейских – роботы? Нет силы, способной остановить нас и помешать нам!» Он был един не с людьми, а с роботами. Он становился в один строй с теми, за кем было будущее.

– Что скажешь? – спросил Петр Иванович супругу.

– Плохо мне. Сердце разрывается. Все может быть. Ты сам знаешь, как просто сделать так, чтобы неугодный человек перестал дышать.

– Кому неугодный, а кому очень даже угодный! Крепись, мать. Я почему-то за нашего Павла совершенно спокоен. У роботов он свой, и в обиду они его не дадут.

Через сутки после начала всеобщей забастовки роботов связь заработала. Диктор центрального телевидения торжественно сообщил, что арестован главный вдохновитель и организатор нынешних вопиющих беспорядков – Павел Петрович Талдыкин со

своими приспешниками. Показали Павла: он улыбался. Слова ему, естественно, не дали. Увидев сына на экране в окружении полицейских, Вера Андреевна вскрикнула, схватилась руками за грудь и села там, где стояла. Петр Иванович подскочил к ней, обнял за плечи, стал успокаивать. Сам он тоже походил на вулкан, готовый пробудиться. Эти кадры были показаны утром, а в полдень роботы-забастовщики направили Организации Объединенных Наций новую петицию, более жесткую, чем первая, содержащую требование немедленно освободить людей, которые защищали их интересы.

Петицию президент и правительство рассматривали вечером и ночью. Роботы требовали гораздо более высокой степени свободы, чем та, которая у них была, но давали гарантии, что интересы людей ими будут соблюдаться, как свои собственные. Менялся статус роботов, но не объем их обязанностей. Это, наконец, высокопоставленные чиновники поняли. Да и сама забастовка ускорила понятливость властей: производство и транспорт стояли, в обществе торжествовали растерянность и неразбериха, близкие к хаосу.

«Переговоры!» – возвестил на следующее утро президент.

– Пожалуйста! – согласилась вторая сторона и тотчас делегировала в Организацию Объединенных Наций своего представителя. Не делегацию, но представителя; дело было не в количестве, но в качестве. Работу, однако, забастовщики не возобновили. Они ждали определенности. Между тем в больших городах люди, не согласные с наступившим безвременьем, выплескивались на улицы и площади десятками тысяч. Они требовали от правительства быстрее стабилизации обстановки. «Роботам – права человека!» – скандировали стихийные демонстранты.

«Роботы – наши дети, и их не положено обижать!» – ревели толпы демонстрантов. Петр Иванович и Вера Андреевна тоже участвовали в такой демонстрации, для чего поехали в Ташкент. Талдыкиным пришлось посадить за руль авто своего Джона, ибо роботы автопарка бастовали. Защищая роботов, они отвели душу и, наконец, обрели внутреннее спокойствие. Тяжесть ожидания уступила место эмоциям, которые рождали действие. Давление на мировое правительство усиливалось час от часа, и не роботы уже оказывали его, но сами граждане, разделявшие недовольство роботов.

Обнаружилось, что у правительства нет защитников, что оно держится за положения давние, изжившие себя полностью: реалии сегодняшнего дня были целиком против этих древних положений. Уяснив это, правительство пошло на попятную. Президент Организации Объединенных Наций и представитель движения «Робот, ты тоже человек!» подписали совместную декларацию, основу которой составила последняя петиция роботов. За роботами закреплялись все права самостоятельной цивилизации. Произошло разграничение двух цивилизаций, пусть во многом и формальное, ибо роботы менять свои рабочие места не собирались. Под юрисдикцию роботов отдавались Антарктида, Луна и планеты Солнечной системы. Там они имели право создавать свои предприятия. Это не означало, что туда ограничивался доступ человека. Нигде и на Земле не вводились специальные ограничения для роботов. Такие ограничения бумерангом ударили бы по людям: роботов было немало даже в аппаратах президента и правительства, ведь на ролях помощников, советников и секретарей они были незаменимы. Все эти должности при них и остались.

Прозвучала команда о завершении забастовки, она в секунду облетела земной шар, и роботы, дружно извинившись перед людьми за причиненное им беспокойство, вернулись к исполнению своих обязанностей. Внешне ничего не изменилось, но подчиненное положение роботов по отношению к человеку стало достоянием истории. В основе их сотрудничества с людьми теперь лежала их добрая воля, и только. Но она была сильна необыкновенно, как сильны чисто природные инстинкты.

– И с кем я выпью за достигнутый мир? – спросил Петр Иванович жену, доставая бутылочку «изабеллы».

– Со мной! – хитро сказала Вера Андреевна и достала бокалы, ветчину, сыр и мандарины.

– Скоро Павел будет с нами, – сказал Петр Иванович, смакуя бордовое вино.

Глава XXIV

Опять приехал Яков Израилевич, сияющий такой (морщины не были помехой его сиянию), с новостью яркой, вызвавшей приподнятость настроения: роботы желают видеть Павла Петровича Талдыкина своим почетным президентом!

– Представляете? – вопрошал он и в волнении пересекал комнату вдоль и поперек. Вера Андреевна схватилась за сердце. Петру Ивановичу тоже стало не по себе. Совершенствуя роботов и защищая их интересы, Павел не думал о собственном повышении, воображение (а оно было у него очень богатое) никогда не возносило его на пьедестал. Получалось, что награда сама нашла его.

– Павла уже освободили? – спросила Вера Андреевна.

– Сразу после подписания соглашения. С условием, что роботы поместят его на территории, которая находится под их юрисдикцией. Для Организации Объединенных Наций Павел Петрович все еще остается персоной «нон грата».

– Это что ж, его ждет Антарктида? Луна, Марс?

– На его и на ваш выбор, – деликатно сказал Яков Израилевич.

– По мне, лучше Антарктида, чем Луна или Марс! – крикнула Вера Андреевна, и на ее глаза опять навернулись слезы. – Мы хотим быть с ним вместе, а Антарктида – это хотя бы Земля!

– Да, в Космос мы с тобой еще не летали, – сказал Петр Иванович. – На Марсе, конечно, много диких, и человеку там лучше, чем на Луне, но до сих пор роботы прекрасно обходились там без людей. Пусть так будет и дальше! Я хочу говорить с сыном!

– Нет проблем, – сказал робот Джон и засветил экран. Павел, зная, кто на него смотрит, счастливо улыбнулся и произнес: «Мама и папа! Общайтесь! Я вас обнимаю! Рад, что вы здоровы, полны сил и переживаете за меня и за мое дело. И рад, что я свободен. Все худшее позади, а все лучшее, мои дорогие, впереди. Людей теперь на Земле не семь, а тринадцать миллиардов, и шесть из них – это железные люди. Это те, за которыми будущее – строители и создатели нашего с вами завтрашнего мира.

– Папа! – остановила мать его красноречие. – Ты еще не официальный почетный президент роботов, чтобы произносить такие пламенные речи!

– Тренируюсь, мама. Демонстрирую свою подкованность!

– Ты когда приедешь домой? – спросил Петр Иванович.

– Тебе что приготовить? – спросила Вера Андреевна.

– Мои дорогие, я пока ограничен в своих возможностях, так что смогу обнять вас не сегодня и не завтра. Скорее всего, мы увидимся в моих апартаментах, которые, полагаю, будут включать в себя точную копию нашего дома и много чего еще. Пока же нас ждет общение посредством экрана. Готовьтесь в дальнюю дорогу. Яков Израилевич и Джон отбудут с вами, помогут и сопроводят. Джон пусть соберет и упакует те из вещей, которые вам дороги. Я скажу ему, что следует взять из моих вещей.

– Папины картины в первую очередь! – подсказала Вера Андреевна.

– Об этом я помню, об этом я позаботился, папины картины уже висят в нашей новой гостиной. Главное, беспокоиться больше не о чем!

– Спасибо, сынок! – Экран погас, тяжесть упала с плеч, и тревога покинула дом Талдыкиных.

– Ты заметила, как он осунулся и посерьезнел? – сказала Вера Андреевна.

– Ему было над чем поломать голову, – сказал Яков Израилевич. – Президент и правительство просчитывали силовой вариант решения вопроса, но увидели, что он не реален. Все силовые структуры – это в первую очередь роботы. И потом, слишком много чего пришлось бы разрушить, уничтожить, стереть с лица Земли, чтобы настоять на своем. Наверну вовремя сообразили, что это не выход из положения, а катастрофа.

– Значит, нам надо собираться в дорогу. И надолго мы уезжаем? Тогда – за дело!

– Петя, отбирай, что ты хочешь с собой взять. Ну, и я в накладе не останусь!

– Это уж точно! – прокомментировал Джон. – Себя, единственную, положено любить и лелеять! И сколько нам понадобится чемоданов? Десяток-другой-третий?

Джон прекрасно знал, что Петру Ивановичу понадобится не более двух чемоданов, но на Веру Андреевну спартанская основательность супруга не распространялась.

Послаблений в отношении Павла Петровича Талдыкина не вышло, он продолжал оставаться персоной «нон грата». Но дом его в Антарктиде, точнее, подземный дворец, находился на последней стадии отделки, и день торжественного вручения ключей хозяину был уже близок. На этом престижном объекте роботы показывали, что они могут и умеют, и на поверку получалось, что могут и умеют они почти все. В Мельбурн Петр Иванович и Вера Андреевна прилетели из Ташкента, а Павел Петрович – из Нью-Йорка. Тут они и состыковались. Обрадовавшись встрече, они обнялись, расцеловались; все выглядело прекрасно. Жарко было; в Австралии начиналось лето. Поехали на берег океана, окунулись в набегающую волну, вознеслись на ее пенистый гребень. Эти волны были совсем не похожи на волны Чарвакского водохранилища – они олицетворяли собой исполинскую мощь океана. В ней было что-то от великодержавной мощи, веяниям времени не подверженной.

А на ночь глядя полетели дальше, уже на специальном самолете. Все остальные пассажиры этого рейса были роботы, и большинство из них от людей ничем не отличалось, но некоторым по роду их деятельности человеческий облик не был нужен, и они его не имели. У них были более крепкие руки с восемью и даже десятью длинными пальцами и глаза не только спереди, но и сбоку и сзади. Роботы, все как один, стоя приветствовали Павла Петровича и его родителей.

– Завтрак подан! – возвестил Джон и пригласил людей за стол, для них сервированный.

Завтракали во всем салоне одни Талдыкины. И, конечно, завтрак им подали царский. Грибной суп, тушеная осетрина, сухое вино «Кьянти» десятилетней выдержки и такой же выдержки коньяк «Двин» для Веры Андреевны были верхом изыска. «Сплошные деликатесы! – удивился Павел Петрович. – И балуют же нашего брата!»

Облачно стало внизу, море сменилось узкой кромкой скалистого берега и матерыми материковыми льдами. Самолет приземлился на гладкий лед между двумя рядами красных огней. За бортом было минус десять градусов, в Антарктиде тоже начиналось лето. Пришлось облачаться в теплые пальто, надевать шапочки-ушаночки. Пассажиры-роботы простились с Талдыкиными так же почтительно, как их приветствовали.

Антарктида была экологически самым чистым материком планеты. Дальше полетели на вертолете. Но в воздухе пробыли недолго, минут десять. Сели, нырнули в авто, а авто тут же нырнуло в туннель, уходящий в вертикальную скалу. Туннель повел вниз и вниз и вдруг начал расширяться. Светло стало, как ярким днем на земной поверхности. Туннель, где остановилось авто, являл собой начало огромного зала километровой длины и ширины метров в семьдесят, с овальным куполом. Над этим залом было полтора километра скальной тверди и много льда. Толстая железобетонная облицовка ничем не выделялась; от частых прожекторов со сводов лился дневной свет, вполне достаточный для того, чтобы деревья и цветы росли, как в обычных садах. И они росли, ничем не стесненные.

Несколько урючин стояло вместе, совсем как на дачном участке Петра Ивановича, а далее росли яблони, черешни, виноград. И дом увидели Талдыкины, он ничем не отличался от того, который они оставили на берегу Чирчика: те же десять комнат, подвал и мансарда, те же «Звездная ночь», «Герцогиня Альба» и «Березовая роща» в гостиной. Те же широкие бутылки с красным созревающим вином выделки Петра Ивановича на стеллажах в подвале (но сауна и бассейн там отсутствовали, ибо были воспроизведены в другом, более удобном месте). Тот же Джон по правую от них руку.

– Вот это да! – изумился Павел Петрович. – Я действительно у себя.

– Вера Андреевна, как вам тут? – спросил Яков Израилевич.

– Не могу сказать, что здесь я как дома. Здесь я просто дома, у себя дома. Но здесь я без работы.

– Да, здесь у вас всего три пациента: муж, сын и вы сами, – засмеялся Джон. – Зато к вашим услугам сад и огород, парк, стадион, плавательный бассейн и многое другое, вплоть до персональных экскурсий на Марс и Луну.

– А что? Придется посмотреть, что там наворотили мои железные братья! – храбро сказала Вера Андреевна.

– Сейчас наверху вполне прилично, всего минус десять, – сообщил Джон. – А зимой наружу лучше не соваться, ветерок подхватит и понесет в полярную ночь, прямоком на южный полюс. Это при минус шестидесяти! Зимой наверху – ощущения для избранных. Мы вот что сделаем. Мы на зиму арендуем для вас какой-нибудь небольшой островок в Тихом океане, лучше необитаемый, и оборудуем его для жизни по высшему классу. Вы как на это смотрите?

– Как на излишество приятное во всех отношениях, – заметил Павел Петрович. – Я бы не хотел слишком часто присутствовать на разных официальных мероприятиях. Для меня сидение в президиуме, да еще под светом прожекторов, хуже горькой редьки!

– А то мы не осведомлены о твоих, Паша, привычках и пристрастиях, – сказал Джон. – Обижаешь! За несообразилок нас держишь! Для сидения в президиумах и разных почетных ролей давно испечен твой двойник, который с умным видом и очаровательной улыбкой будет делать то, что следует.

Осмотр подземного оазиса затянулся. Приусадебный участок, составлявший двор Талдыкиных при их доме на берегу Чирчика и здесь, в Антарктиде, целиком его повторявший, плавно переходил в парк с деревьями средней полосы (березы, дубы, липы, платаны, каштаны). Местами парк превращался в лес с грибами и земляникой понизу. При желании, кроме грибов белых и не белых, в лесу можно было найти черную смородину и ежевику. Сквозная аллея вела через парк с клумбами роз, гвоздик, георгинов и гладиолусов, с беседками в самых укромных местах и скамейками, откуда открывался хороший обзор. От аллеи шла тропа, ведущая к пруду, один берег которого густо порос камышом; в пруду плескалась рыбка большая и маленькая, возбуждавшая в мужчинах горячий рыбацкий азарт. Парк обрывался у стадиона с футбольным полем (трибуны отсутствовали за ненадобностью), со спортивным залом и бассейном.

Мужчины (их сопровождали Яков Израилевич и Джон) апробировали беговую дорожку, которая опоясывала футбольное поле, потом нырнули в бассейн – Петр Иванович прямо с берега, а Павел Петрович с пятиметровой вышки. После бассейна они вошли в сауну. Их восторгам не было предела. «Однако!» – и раз, и два произнес Петр Иванович, явно смакуя свои впечатления.

– Ссылку почетнее этой трудно себе представить, – сказала Вера Андреевна.

– Мама! Очень скоро ты увидишь, что это не ссылка, – обратился к ней Павел Петрович. – Очень скоро многое мы увидим, как эксклюзив, как предназначенное только для нас. Ты хочешь послушать Иннесу Вогман? Пожалуйста! Она будет петь только для тебя и в удобное для тебя время. Ты хочешь посмотреть, как танцует Сара Павлова? Ты ее увидишь. Ты хочешь посмотреть последние Олимпийские игры? Пожалуйста! На нашем стадионе они будут повторены во всем своем великолепии.

– Я увижу роботов, не людей, – сказала Вера Андреевна.

– Да, это будут дублеры, но между теми, кого они дублируют, и ими будет стоять знак равенства. Причем, стоит тебе только пожелать, как дублер превзойдет оригинал и споет лучше настоящей Иннесы Вогман, станцует искрометнее настоящей Сары Павловой. И стометровочку рванет на секунду-другую быстрее олимпийского чемпиона. А мы с папой посмотрим здесь не одну игру суперменов – бразильцев с аргентинцами, уругвайцев с немцами, испанцев с итальянцами. «Спартак» с «Динамо» и «Арсенал» с «Реалом» за честь почтут сразиться перед нашими глазами!

– Паша, а тебя на руках здесь носят! – сказал Петр Иванович.

– Чувство собственного достоинства и чувство благодарности очеловечивают даже умное железо, – ответил Павел Петрович. – Я только вернул роботам то, чего им недоставало, чего в них сознательно недовложили предыдущие проектировщики и конструкторы.

– За это тебя и носят на руках! – повторил Петр Иванович.

– Идемте в дом, я проголодалась, – сказала Вера Андреевна.

А вечером (в огромном цилиндрическом туннеле свет стал тихо меркнуть, имитируя закат) в гостиной под тремя полотнами великих живописцев состоялся небезынтересный разговор, инициатором которого стал Яков Израилевич. Ни один из Талдыкиных не считал его роботом, такой совершенной копией покойного Якова Израилевича он был.

– Все в сборе, – констатировал Петр Иванович, обедя присутствующих глазами добрыми и пронизательными. – О чем будем говорить?

– О сошествии на грешную Землю особы, подобной этой, – сказал Яков Израилевич и не оглядываясь вознес над собой руку. Она почти уперлась в полотно, над ним висевшее. Изображена на нем была герцогиня Альба, несшая в мир воцеление, с которым не могла совладать. – Вопрос второй: для чего, или для кого представляется нужным такое сошествие? Петр Иванович и Вера Андреевна давно нашли друг друга и подарили себе и миру два прелестных существа, одно мужского, второе женского пола. Мне и Джону такое сошествие ни к чему, мы, роботы, воспроизводим себя неэмоциональным фабрично-заводским способом. Остается один среди нас женским внимание не охваченный и радостями семейной жизни обойденный. Пальцем на него указывать не буду, а имя и отчество назову. Павел Петрович это! Встань же, Пашенька, и поклонись всем присутствующим. И скажи нам, подобает ли почетному президенту роботов оставаться холостяком? Подсказка тебе, непонятливому и не охваченному, со стороны: не подобает!

Тут Вера Андреевна не сдержала эмоций, ее захлестнувших, вскочила со своего кресла и хлопала в ладоши: «Браво, Яков Израилевич, браво! Петя, а ты чего молчишь, меня не поддерживаешь?»

– Еще как поддерживаю, – сказал Петр Иванович. – Но, по-моему, до нас доведена пока что одна преамбула. Садись, Вера! Сейчас сама суть пойдет.

– Роботы задумали всемирный конкурс провести, – продолжил Яков Израилевич. – Но не в своей среде, а в чисто человеческой. На звание «Мисс Земля». Чтобы эта самая распрекрасная мисс, взойдя на пьедестал и сорвав причитающиеся ей аплодисменты, спустилась с этого пьедестала рука об руку с нашим не только уважаемым, но и обожаемым Павлом Петровичем Талдыкиным. Вера Андреевна, и как вам наша задумка?

– Ну, ребятки, вы даете! Я в полном отпаде, – сказала она. Лицо ее отражало море переживаний. – Но что будет, если Паше... ну, не глянется мисс Земля? – вдруг предположила она.

– Как это не глянется? Наше жюри не ошибется, это исключено. Наше жюри попадет точно в десятку.

– И как вы этого добьетесь?

– Очень просто. Наше жюри будет состоять из одного человека – не стану подсказывать, кого. Небось, догадались?

Петр Иванович и Вера Андреевна расхохотались.

– А жюри, которое будет на сцене, это ширмочка, бутафория. Павел Петрович Талдыкин сам укажет пальчиком, кто есть мисс Земля. Сам возведет ее на пьедестал, сам ее с него и спровадит в свой дом.

– Мы, разумеется, не собираемся плясать от чистого листа бумаги! – продолжал Яков Израилевич. – Мы будем вынуждены побеспокоить память Павла Петровича и пристально взглянуть в то, что в ней выкристаллизуется. – Яков Израилевич встал, зашел за кресло Павла Петровича, возвысился над ним замшелой скалой и опустил свои ладони на его голову, явно прочитывая что-то в его памяти. – Думай, Павел Петрович, думай, кого бы ты хотел видеть главной участницей конкурса «Мисс Земля»? Ты думай, а я постараюсь прочесть твои мысли. О! О! Замелькало! Образы, должен вам сказать, один ярче другого! И какие это будут годы? Школьные, студенческие, взрослые?

– Разные, – сказал Павел Петрович.

– Сам вижу, что не детские! – согласился Яков Израилевич. И плотнее сжал ладонями темя почетного президента. Перед глазами Павла Петровича всплыло одно приятное девичье лицо из школьной жизни, но сразу его заслонило лицо второе, из жизни студенческой – он был пятикурсник и кум королю, а она, первокурсница, только пере-

ступила университетский порог. Что-то помешало им тогда познакомиться. Уж очень стеснительный он был во всем, что касалось противоположного пола. А смотреть на нее было очень интересно! Ее звали Валентина. Валентина Карпова, вот! Потом он потерял ее из вида. Этой весной она будет защищать дипломный проект.

– Так-так-так! – оценил увиденное Яков Израилевич. – Что-то прорисовывается! Дальнейшее – это всецело наша забота! Надеюсь, от кандидаток-самозванок отбоя тоже не будет. Мисс Землю от миссис Талдыкиной отделит всего один шаг!

– Вот, значит, какого рода вопросы решает правительство роботов! – удивился Петр Иванович.

– А что? И такие тоже, – парировал Яков Израилевич. – В нас хотя и железная основа, но ничто человеческое с некоторых пор нам не чуждо!

Глава XXV

– На стадион и в раздевалочку, мои дорогие! «Синие» и «белые» ждут вас! – мило шебетал Яков Израилевич, поторапливая Петра Ивановича и Павла Петровича. – Понедельник, среда и пятница – дни игровые, все, как в доброе старое время! Почему бы ему не повториться?!

– И состав тот же? – невинно так осведомился Павел Петрович.

– Не совсем, мои дорогие, не совсем! Состав не тот же, но, смею вас заверить, еще лучше, в смысле, более вам по душе.

– Папа, еще одна задумка роботов в действии! – обрадовался Павел Петрович. – Пошли, посмотрим и поучастуем. Кстати, а как с конкурсом «Мисс Земля»?

– В стадии организации, – проинформировал Яков Израилевич. – Сами любите повторять: «всему свое время». Должен сказать, что старые названия команд – «синие» и «белые» – к новым вашим командам могут не подойти. Команде, в которой будет играть Павел Петрович, более подойдет название «мальчики», а команде Петра Ивановича – «мужики».

– Мальчики против мужиков? – обрадовался Павел Петрович. – Но кто записал меня, почетного президента, в пацаны?

– Ваши почитатели и записали. В части юмора они заметно продвинулись вперед. Это теперь очень эмоциональные ребята!

До стадиона дошли за несколько минут. Распахнули дверь раздевалки, и мать честная! Там было пруд пруди школьных и институтских однокашников Петра Ивановича и Павла Петровича. Восторгам, объятиям, поцелуям не было конца. Только и раздавалось: «Кого я вижу? А ты как здесь оказался?»

Первым, кого обнял Петр Иванович, был их задавала, задира и выступальщик на всех уровнях Альберт Аталиев, золотой медалист, а далее – прекрасный врач, давно защитивший докторскую диссертацию. Он был природный организатор и мог в пять минут организовать хоть футбольный матч на школьном поле, хоть поход в цирк или театр. В медицине он был такая же величина, как в их классе, и робот, вобравший в себя интеллект Якова Израилевича и принявший его облик, прошел через его руки. Он заметно раздался вширь, говорил отрывисто и командно. И глаза его посверкивали повелительно, в тон (или в такт) командному голосу. Альберт был однолюб и, положив в девятом классе глаз на их одноклассницу Стасю, через три года женился на ней. Это не значило, что у него не было увлечений на стороне, юбки притягивали его со страшной силой. Но на самое короткое время притягивали и, странное дело, это притяжение устоев его семьи не подрывало. Семья для него была, как гора Эверест, а зигзаги налево – маленькими холмиками в далеких ее окрестностях.

Вторым Петра Ивановича приветствовал Рустам Муратов. Они росли на одной улице и жили через забор, в соседних дворах. В учебе Рустам не блистал и звезд с неба не хватал, но бизнес вознес его, сделал фигурой значительной. Сейчас под его началом было большое швейное производство, и к нему часто обращались за советом как к знатоку мод.

На очереди уже стоял Рафик Янбулатов, их гордость – борец-тяжеловес, чемпион Ташкента, а после окончания института – архитектор. Сейчас он возглавлял большой проектный градостроительный институт. «Тебя и теперь не обхватишь! – сказал ему Петр Иванович.

Еще он обнял единственного в их школе итальянца Геллу Лузинолли (в простонародье – Гуся), тоже борца-перворазрядника под стать Янбулатову. Гусь выучился на стоматолога и потом многим из их класса обновлял зубки. За ним стоял Валентин Хадилов, боксер, вместе с которым он плавал во всех озерах города Ташкента. Валентин был искренний необыкновенно; никто так самозабвенно не выплескивал душу близкому человеку, как это делал он.

Потом он обнял Геннадия Козлова, с которым вместе ходил в школу не один год. Спортивных секций Геннадий не посещал, но о своей физической форме беспокоился постоянно и двухпудовую гирию выжимал больше любого из них, исключая разве что Рафика Янбулатова. Петр Иванович, Геннадий и Валентин Хадилов какое-то время были троих неразлучной, и другие ребята уступали им дорогу. Гена стал землеустроителем и никогда не сидел на одном месте.

Из-за Гены появился Вячеслав Ковалев, институтский дружок Петра Ивановича, тоже борец-перворазрядник с шеей могучей, как у слона. После института он много чего построил на целинных землях, за что был удостоен многих почетных званий. Правда, часть могучего здоровья целина у него отобрала, ведь работал все эти годы он за двоих, – был истинный трудоголик, а спал мало.

За Вячеславом Ковалевым стояли два учителя Петра Ивановича – физик Михаил Константинович и преподаватель физкультуры Иван Васильевич. Обоих их Петр Иванович помнил и любил.

Этих дорогих ему людей Петр Иванович приветствовал тепло и искренне. Правда, он никогда прежде не видел, чтобы Михаил Константинович гонял по полю мяч. Но если он был неутомим на горной тропе, он мог быть быстр и хорош и на футбольном поле.

Из прежней команды «синих» присутствовал только Валентин Емелькин, журналист по профессии, игрок громкоголосый, но умелый, азартный. Опережая судью, он сам назначал штрафные удары (в пользу своей команды, конечно). Особенно он любил назначать пенальти в ворота соперников, когда его команда проигрывала. Он получал от этого громадное удовольствие. Но против пенальти в свои ворота он возражал с пеной у рта и готов был костями лечь, чтобы это пенальти отменили. В шахматы он играл еще лучше, чем в футбол, и часто обыгрывал Петра Ивановича.

Павел Петрович приветствовал своих однокашников. Первым он обнял борца-перворазрядника в весе мухи Шуру Колокольцева, неумного говоруна, которого учителя отсаживали на последнюю парту, но и там он журчал, как ручеек, оббегающий высокие камни. Прикрыть ротик ему было невозможно. Он стал врачом, его лаборатория выращивала органы из стволовых клеток для замены изношенных. Эти органы были свои и не отторгались. Вторым его обнял Юрий Третьяков, здоровяк, ставший агрономом. С Третьяковым у Павла было приключение, которое, он знал, не забудет никогда. Три года назад они вдвоем путешествовали в горах, и Юра взял с собой ружье. Утром, едва рассвело, Павел увидел на ближней осыпи козла, он стоял метрах в ста пятидесяти, как изваяние, но его бороду шевелил ветер. Он разбудил Юру, который спал со своим ружьем чуть ли не в обнимку. Показал на козла. Юра как владелец ружья стал подкрадываться к козлу. Подкрался метров на шестьдесят, прицелился, а выстрела все нет и нет. Павел сгорал от нетерпения, а выстрела все нет. Вдруг что-то хрустнуло неподалеку, козел прыгнул – и был таков. «Ты что это сдрейфил?» – набросился Павел на приятеля. И тот ответил с виноватой улыбкой: «Знаешь, не поднялась рука. Понимаешь, вблизи козел был такой живой! У него жилка на шее трепыхала в такт ударам сердца». А в городе они всем рассказывали, как завалили этого козла, и каким вкусным было его мясо, зажаренное на углях. И все им верили.

Третьим тоже был однокашник Павла по институту Вадим Першхайло, высокий малый со светлыми волосами и добротой ребенка. Его сосед Юрий Черноиванов учился вместе с Валентиной Карповой, и от него Вадим узнал, что Валентина не замужем и

хороша необычайно. И он уведомил об этом Павла Петровича. Еще и еще подходили ребята к Павлу Петровичу, но никого из них Петр Иванович не знал.

– На поле! – скомандовал Яков Израилевич, возложивший на себя обязанности судьи. – Команды разминаются десять минут, а потом...

– А потом «мальчикам» хана! – подхватил эстафету Альберт Аталиев. – Куда им против «мужиков»? Мы их еще долго уму-разуму учить будем, но за науку ничего не возьмем!

Соперников полагалось унижать, сажать в лужу, и это правило и здесь, глубоко под землей, соблюдалось неукоснительно. После первого гола в ворота «мальчиков» «мужики» поохотали досыта, торжествуя: что, мол, взять с зеленых пацанов, им еще учиться и учиться! Пришлось отыгрываться.

Однако сначала они пропустили в свои ворота еще один мяч, который дал прекрасный повод «мужикам» почесать языки и высветить все явные и тайные недостатки молодой поросли. Второй гол заставил-таки их мобилизоваться, и они тремя отточеными пасами вывели на удар комодоподобного Вадима Першхайло. «Мальчики» воодушевились и знай себе атаковали. Скорость шла им на пользу и выливалась в преимущество, они легко растягивали оборону соперников. И один за другим забивали мячи в ворота соперников. Несмотря на результативные атаки «мужиков», матч завершился победой молодёжи. Пять – четыре! Такой красивой игры никто еще не помнил. «Что и требовалось доказать!» – паясничали «мальчики», направляясь в раздевалку вместе с «мужиками». Петр Иванович не досадовал на проигрыш. В следующий раз выигрывают они, силы команд примерно равны, а везение – дело случая. Главное, он и Павел замечательно размялись, дали телу хорошую нагрузку.

– Как впечатление? – спросил Яков Израилевич.

– Лучше не придумаешь. Шик и блеск! Спасибо, удружили!

– Папа, ты не жалеешь, что с нами играли не люди? – спросил Павел Петрович.

– Не жалею, Павлуша. Я не заметил разницы. Никто, правда, не вспотел, кроме нас с тобой. Но все делали вид, что вытирают пот со лба. А в сауне – ты обратил внимание? – все лица покраснели, как будто тела роботов проняла жара. Более точного подобия, наверное, не бывает.

– Наверное, – согласился Павел Петрович.

Да, все одноклассники Петра Ивановича и Павла Петровича были роботами, но отличить их от тех людей, которых они имитировали, было нельзя. Как нельзя было отличить нынешнего Якова Израилевича от человека, который стал его основой и его сутью, но сам, увы, уже был по другую сторону жизни. Да, робот мог принять образ и подобие любого конкретного человека, но не наоборот. Впрочем, такая задача перед людьми пока и не ставилась.

Глава XXVI

Петр Иванович все чаще ловил себя на мысли, что относится к роботу, перенявшему интеллект Якова Израилевича и принявшему его образ, как к человеку. Разговаривая с ним, он увлекался, особенно когда дед принимался расписывать давно прошедшие времена, но вдруг его поражала мысль, почему грудь Якова Израилевича так спокойна и не вздымается, почему он не дышит? Его также удивляло, почему он не ест и не пьет, не спит ночью, почему он ни разу не видел его выходящим из туалета? Он умывался, но не брился и не чистил зубы. Не носил нижнего белья, только верхнее. Никогда не напрягал память, а отвечал сразу и обстоятельно, словно заранее был готов ответить на заданный ему вопрос. И диву можно было даваться, такими глубокими и умными были подробности и детали, которыми он иногда сопровождал свои ответы. Петр Иванович начисто забывал, что перед ним не человек, но творение рук человеческих (и не человеческих тоже) в десятом, наверное, поколении. Что перед ним робот.

– Что, Петушок, сгоняем пару партий? – предложил Яков Израилевич с легкой непринужденностью своего парня.

– Дед, с огромным удовольствием! Паша, присоединяйся! – позвал он сына, сидевшего в гостиной в покойном кресле с книгой в руках.

– Вам бы только на часики нажимать! – сказала Вера Андреевна. Шахматные фигуры, конечно, она отличала одну от другой, но как они ходят и, главное, ради чего им стараться, не представляла.

– На часики нажимать не обязательно, они сами идут! – сказал Яков Израилевич. – Сами оттикают каждому, сколько положено. Мне, например, мое время они уже оттикали, и в результате, что от меня осталось? Одна оболочка. Чур, первого я брею Пашу! О тебя, Петя, я могу и споткнуться невзначай, а Паша, гордость наша, был, есть и будет мальчик для битья. – Он посмотрел на Павла Петровича, к ним присоединившегося, и добавил: – Несогласные могут остаться при своем мнении, цивилизация человеческая и цивилизация роботов это разрешают.

– Кто кого побреет, мы сейчас посмотрим! – сказал Павел Петрович и начал разыгрывать ферзевый гамбит. Прежде, играя белыми, он так начинал очень редко.

– Ого! Мы в теории себя поднатаскиваем! – удивился Яков Израилевич. – Новые веяния кругом, а я о них узнаю последний. Это называется как? Это называется дискриминация!

– От вас что-нибудь скроешь! – сказал Павел Петрович. Он наседа на замшелого старца, его позиция ему нравилась. Петр Иванович не болел ни за кого из игроков, просто наблюдал, как развиваются события и одни фигуры теснят другие. Но его присутствие не ограничивалось гостиной. Одновременно он отслеживал и другое, воспроизводя в памяти последние события из Интернета и комментируя некоторые из них. Роботы наращивали свою численность быстрее, чем до объявления их независимости. И их экспансии на далекие планеты Солнечной системы был дан серьезный импульс. Новые заводы по производству роботов открылись в Антарктиде, на Луне и Марсе. Человек на этих заводах мог присутствовать в любом качестве, и как производитель, и как наблюдатель. Но решающее слово в формировании интеллекта новых роботов уже было не за ним. За пределы Солнечной системы, напротив, экспедиции не планировались, а три из готовившихся ранее были отменены – слишком долго ждать результата. Ракеты последних поколений могли набрать скорость всего в тысячу раз больше той, которая вознесла в космос первого человека Юрия Гагарина, что для межзвездных дальних путешествий правительство роботов считало недостаточным. Ведь при такой скорости экспедиция от ближайшей звезды могла вернуться домой только через 250 лет. Роботы и тут, и там вносили коррективы во взаимоотношения с человеком, исходя из своих интересов, ставя их во главу угла. Но объемы производства нужного людям нигде не сокращались, разве что по желанию самого человека.

Между тем, Якову Израилевичу пришлось совсем туго. «Вот и утверждай, что должность не красит человека! – смеялся Яков Израилевич. – Стоило Паше стать почетным президентом роботов, и он начал деда в шахматы обыгрывать! Когда такое было, кто скажет? Ладно, сдаюсь. Проигравший что делает? Отдыхает и набирается ума-разума. Петя, садись на мое место и сразись с сыном. Паша, может, ты и отца побреешь? С тебя станет!»

– Кто посмеет, тот и побреет! – улыбнулся Павел Петрович. Он быстро ходил и столь же быстро нажимал на часы. Но Петр Иванович отбил его первый наскок, взъерошил свои перышки и сам перешел в наступление, создал проходную пешку и условия для достижения ею заветной восьмой горизонтали. «Молодо-зелено! – возвестил он. – Садись и ты, дед. За мной не заржавеет!»

И все началось сначала: пошел – нажал, нажал – пошел. Против ожидания, дед подловил Петра Ивановича на красивую комбинацию, заставил поднять ручки вверх и освободить место для Павла Петровича. Его он тоже обыграл. Детскую песенку припомнил: «Нам не страшен серый волк, серый волк, серый волк!» – и стал напевать ее, двигая вперед пешки и фигуры.

– Дед, ты лучше вспомни, сколько разного добра достали роботы со дна морского! – попросил Павел Петрович.

– И сколько жемчуга! – стал вспоминать Яков Израилевич. – Роботу ведь без разницы, десять метров воды над ним, сто или тысяча. Кислород ему тоже без надобности, и он если погружается, то на срок, назначенный им самим. Ему что воздух вокруг него, что вода, что вакуум полный – одинаково. Роботы прочесывали морское дно во всех направлениях и много чего с него подняли, особенно в Средиземном море, Северной Атлантике, у берегов Индии и Китая. Одного испанского золота было поднято более четырех тысяч тонн.

– И прииски новые не надо открывать! – сказал Петр Иванович.

– Корпуса тысяч судов, потопленных во вторую мировую войну, были тоже подняты и пошли на переплавку. По стоимости это даже превосходило золото.

– Дед, я горю желанием взять реванш! – сказал Павел Петрович.

– Тогда тебе должно очень повезти, потому что задачу перед собой ты поставил совсем не простую.

– Я уже не в том возрасте, чтобы ставить перед собой задачи легкие, для первоклашек. Кстати, как там ваш конкурс? – невинно осведомился он.

– Он в стадии созревания. Ведь Мисс Земля должна будет проявить искреннюю любовь к Антарктиде, – заметил Яков Израилевич.

– Но не к пингвинам! – сказал Петр Иванович. – О, какую я вижу комбинацию!

– Мне подсказывать можно, а Паше нельзя, – сказал Яков Израилевич. – Он и по возрасту, и по служебному своему положению должен соображать лучше меня.

Павел Петрович улыбнулся. Он должен был сказать: «Не будем приbedняться!» Но он не сказал этого. Роботу, ставшему Яковом Израилевичем, весьма часто приходилось приbedняться, сбавлять свои способности до уровня человеческих. Вот и сейчас он прозевал в эндшпиле проходную пешку и вынужден был довольствоваться ничьей с помощью вечного шаха. Ничью, однако, он воспринял как победу, ибо Павел Петрович должен был уступить свое место отцу. И снова вперед пошла белая королевская пешка, а навстречу ей выдвинулась пешка от черного короля. Снова начали завязываться события и накаляться страсти. Снова надо было оказывать на соперника давление игровое и психологическое.

– Яков Израилевич, а ты хотел бы еще раз родиться на свет? – вдруг спросил деда Петр Иванович. – Ну, например, хотел бы стать сыном Павла Петровича и мисс Земли?

– Что ни вопрос, то камень преткновения, – сказал Яков Израилевич и нажал на часы, но хода не сделал.

– А все-таки? Впереди у тебя было бы лет двести пятьдесят – триста!

– А подумать разрешается? – спросил Яков Израилевич и сделал вид, что глубоко задумался над своим очередным ходом. – Мне лучше остаться в своем теперешнем железном естестве. Мне гарантированы те же двести пятьдесят – триста годиков, а то и больше, и не надо будет на горшке сидеть и в школу ходить, ума-разума набираться. При моем теперешнем естестве все мое со мной, и любой новый довесок ко мне прилепится за одну секунду. А тут я должен буду подчиняться человеческой постепенности, расти и черепашими темпами вбирать в себя одно, второе и третье, иерархиям разным следовать – возрастным, служебным, семейным и всяким прочим. Мне, мои дорогие, хорошо быть в моем естестве, и я его на что-либо другое менять не стану. Не вижу, что бы я в результате этого поимел, чего у меня еще нет.

– Примем как данность, обжалованию не подлежащую! – согласился Петр Иванович. – Так, получается, роботом тебе быть лучше, чем человеком?

– Лучше. Спокойнее. Больше уверенности в себе, меньше переживаний и мелкой суеты. Опять же, ни одна хворь ко мне не прицепится.

– А по большому счету разве ничего не прибавится? – изумился Петр Иванович.

– Почти что нет. Разве что огонь любви обойдет меня стороной, а это может быть очень высокое чувство. Я вас сильно разочаровал?

Глава XXVII

Конкурс «Мисс Земля» замышлялся как феерия, главными действующими лицами которой были два человека: Павел Петрович Талдыкин и будущая победительница блистательного шоу. Закоперщиком и вдохновителем этого грандиозного мероприятия был, как догадывались Петр Иванович и Вера Андреевна, робот Яков Израилевич. Он старался от души, как и должен был стараться любящий человек. Но ему было мало вложить в это деликатное дело всю свою человеческую сущность. Он еще дал импульс, который заставил встать многих роботов. Роботы впервые проводили такой конкурс в человеческом сообществе ради самого дорогого для них человека. И они, конечно же, постарались не ударить лицом в грязь. Яков Израилевич расспросами, а более телепатическим воздействием выявил, что заметный след в душе и сердце Павла Петровича оставила только одна девица, легкокрылая и улыбчивая студентка первого курса технического университета Валентина Карпова. Павел, заметивший ее и выделивший, учился тогда на пятом курсе, и его курс в университете был законодателем мод и голова всем общественным начинаниям. Первокурсники смотрели на пятикурсников снизу вверх и никак иначе. Этой субординации было столько лет, сколько лет было самому университету.

Почему Павел не сделал первого шага, который, скорее всего, и определил бы все? Он и тогда был на высоте по всем человеческим показателям. Но он споткнулся о собственную стеснительность. Позже он ее преодолел, но не в университете. Ему нравилось смотреть на Валентину с некоторого расстояния. И ведь было, было на что смотреть, было от чего встать и прийти в великое смущение. Далее этого, однако, дело не продвинулось, началась преддипломная практика, необыкновенно увлекательная, а там и дипломная работа. Было много поездок и море впечатлений, совершенно новых. Потом работа подхватила его и понесла: то, во что он окунулся, было интересно необыкновенно. Он помнил Валентину, но память эта, положительная во всех отношениях, почему-то не толкнула его на действия быстрые и решительные.

Яков Израилевич, конечно же, быстро выявил, как эта девица поживает сейчас и в каких эмпирях пребывает – чем увлекается, какой температуры ветерок гуляет в ее очаровательной головке. За годы учебы Валентина Карпова прибавила во всем, а особенно в красоте и стати. Жила она с родителями и двумя младшими братьями на северной окраине Ташкента, была любимицей обшей. Училась ровно и хорошо, характер у нее был напористый, цепкий. Поставив перед собой цель, она сама находила, а то и выстраивала пути для ее достижения. Увлечения у нее были, но какие-то мимолетные, ни во что серьезное не выливавшиеся. Что-то разлаживалось, ее герой вдруг почему-то сильно терял в росте, и она плотно сжимала губы и переставала его замечать. Эти коллизии как нельзя лучше отвечали планам Якова Израилевича. Валентина Карпова должна была принять участие в конкурсе «Мисс Земля» и должна была сама, без видимого толчка извне, проявить инициативу.

Было сделано кое-что, чтобы прояснить память Валентины Карповой. Вокруг технического университета развернулся помпезный сыр-бор: здесь учился почетный президент роботов Павел Петрович Талдыкин! Университету надо присвоить его имя! Раз надо – присвоили, за этим дело не стало. За один день присвоили и торжественное собрание по этому поводу провели. Карповой, как одной из лучших студенток и общественнице, доклад поручили сделать; в исходных материалах, естественно, недостатка у нее не было. Доклад всем понравился, а в сердце Валентины Карповой образ Павла Талдыкина закрепился прочно. Портрет Павла Петровича на мраморной доске был повешен при входе в университет, сопровождаемый соответствующей надписью. И то ли догадалась Валентина, что четыре года назад Павел Петрович положил на нее глаз, то ли подсказали ей про это ненавязчиво и ненароком, но она посмотрела на мраморный барельеф, сопоставила увиденное с теми материалами, по которым готовила свой доклад, и какие-то ассоциации пришли к ней и ее взволновали.

Объявление о конкурсе «Мисс Земля» вывесили в фойе университета – а она тут при чем? Но ей дали понять, что жюри конкурса будет радо ее участию в нем. Более

того, она получила персональное приглашение. Решения она принимала быстро и потом не отменяла. После ее «да» и было объявлено о конкурсе по Интернету и мировым телевизионным каналам. Вся интрига конкурса заключалась в том, что его победительница не только получала титул «Мисс Земля», но и становилась невестой почетного президента роботов. Становилась фигурой заметной буквально отовсюду.

Конкурс проводился в Париже. Увидеть этот город было заветной мечтой Валентины. Четыре часа полета, и она в Париже, в распрекрасном отеле, среди девиц, которые тоже хотят стать «Мисс Земля», но еще не знают, что им уготована роль мас-совки. У нее почему-то номер люкс, и она в центре горячего журналистского внимания. Никто, конечно, не осведомлен, что когда-то Павлу Петровичу Талдыкину было приятно на нее смотреть. Но об этом не трудно догадаться, ведь они учились в одном университете. И ни одна из незамужних однокурсниц Павла Петровича не стала участницей конкурса, а Валентина Карпова – стала. Какие только девицы не слетелись в этот славный город! Европа, Америка, Китай, Япония, Индия отправили в Париж своих самых красивых дочерей. Конкурс, конкурс!

– Паша, пора и тебе в Париж! – сказала Вера Андреевна сыну за пять дней до начала конкурса.

– Без вас я никуда, – ответил он родителям. – Но я пока не выездной, я ссыльный.

– А народ так не считает! – сказал Яков Израилевич. – Мы надавим на Организацию Объединенных Наций, чтобы она негативное свое отношение к Павлу Петровичу Талдыкину заменила на... ну, хотя бы, на нейтральное!

Роботы действовали быстро и решительно, и на другой день все санкции против Павла Петровича были отменены. Талдыкины полетели в Париж. Никто из них еще не был в Париже. И прилет их не афишировался, был сохранен в тайне по просьбе Талдыкиных. Но Павлу Петровичу дали посмотреть на Валентину Карпову в одной из картинных галерей Лувра. До этого ему многократно демонстрировали ее на экране, и он почувствовал разницу. У него гулко забилося сердце. Ему было не важно, что он ей скажет и что ответит она. Главное было услышать ее голос, уловить в нем ноту встречного порыва. Он встрепенулся, ему захотелось подойти, заговорить, но стоявший рядом Яков Израилевич жестом руки остановил его: по сценарию конкурса ему полагалось увести победительницу со сцены. А до этого ему лучше было держаться в стороне.

Вечерами Яков Израилевич приглашал Павла Петровича просмотреть участниц конкурса. Экран показывал их в разных выигрышных подробностях: а вдруг? Но неожиданного ничего не происходило, Павлу Петровичу по-прежнему нравилось смотреть на Валентину Карпову, прочие же прелестницы в его воображении не прорастали. А Якову Израилевичу нравилось постоянство Павла Петровича. Валентина, так Валентина! Стоило ли в таком случае огород городить? А почему бы и нет? Народ обожает шоу, а конкурс красоты – редкая и весьма импозантная его разновидность.

Каждая участница конкурса представила о себе небольшой фильм. На итоговый просмотр из пятисот фильмов были отобраны десять. Зал, где подводились итоги, вмещал шесть тысяч зрителей. И столько же человек пришло посмотреть это прелюбопытное шоу. На девяносто процентов это были молодые люди, желавшие познакомиться поближе с участницами конкурса. Парад женихов выглядел еще более внушительно, чем парад невест. Зал (его окутывал волнующий полумрак) казался необъятным, его галерки не просматривались. Фильмы, не прошедшие на итоговый смотр, расходились по рукам молодых людей со сказочной быстротой и в сотнях экземпляров. Молодые люди отлично понимали, что выбор жюри и их выбор – это две большие разницы; у каждого из них перед глазами был свой пьедестал, и он пока пустовал.

И вот началась прокрутка фильмов. Все претендентки были не просто хороши, а очень хороши: каждая из них могла олицетворять собой женское начало в природе, каждая была достойна пьедестала.

Фильм первый посвящался француженке, художественной гимнастке с именем, при произнесении которого замирали тысячи мужских сердец — чемпионка мира! Всем брала эта девочка: и статью, от которой глаз не отвести, и выразительностью

движений и поз, и характером цельным и сильным. Шла вперед стремительно, назад не оглядывалась, но и не задавалась, походя под себя никого не подминала и не отшвыривала.

Фильм второй был о китайке, балерине, которой горячо аплодировала избалованная публика Москвы и Мадрида, Токио и Шанхая, Лос-Анджелеса и Мехико. Это была еще одна мировая знаменитость. Но что она, несчастная, видела за свою короткую и на девяносто процентов трудовую жизнь? Одни тренировочные залы и сцены, и голоса наставников не умолкали никогда. Аплодисменты ее уже не трогали, они были естественной средой ее обитания.

Фильм третий был посвящен американке, бегунье на короткие дистанции, быстрой, как горная лань. Вне стадиона, однако, для нее начинался мир незнакомый и дикий, ибо она все свои дни проводила на стадионе. Она была очень хороша, когда, предельно выкладываясь, первой касалась грудью финишной шелковой ленты. У нее и при обычной походке грудь несколько устремлялась вперед, словно и тут было важно выиграть хотя бы один сантиметр. Сны ей снились о ее возвращении в нормальную жизнь, в которой на стадионе она была бы зритель, но не главное действующее лицо. Эти сны ей очень нравились, но они почему-то не сбывались.

Фильм четвертый был о россиянке, юной поэтессе. О мире ее образов, в котором кому-то было очень даже комфортно, а кому-то – нет. Мир этот она создавала не для себя и сама надолго в нем не оставалась – что-то начинало тяготить ее в нем и выталкивать на свободу.

Фильм пятый был о немке, девушке совершенно обычной, ничем не знаменитой и звезд с неба не хватающей, более того, не ставящей перед собой такой задачи. Она была как абсолютное большинство людей и хотела самого обыкновенного – чтобы у нее была хорошая семья, хорошие дети. Училась она неплохо, но не блестяще, любила петь и танцевать, обожала путешествовать, но лучше всего ей становилось от тепла домашнего очага. Этот фильм Павел Петрович просмотрел с интересом и имя девушки запомнил – Мариам Рисслинг. И лицо ее запомнил, в нем ничего не было ни от Моны Лизы, ни от герцогини Альбы.

Фильм шестой был о полячке, отличнице и вообразале; она легко верховодила в своем доме и в своем классе. Ей нравилось повелевать, нравилась очередь из мальчиков, выстраивающаяся под ее окном. Павел Петрович отметил про себя, что такая девица для него не в новость.

Фильм седьмой был еще об одной немке, которая любила готовить. Боже мой, чего только она не умела! И салаты получались у нее умопомрачительно красивые и вкусные, и рыба, и мясо. А какие пироги она выпекала, какие чебуреки! Какие торты! У нее было чутье, какой продукт с каким совместим и в каком количестве. И на температуру у нее было поразительное чутье. Все тепловые процессы она точно воспроизводила в своем уме, и потому, назначая температуру в духовом шкафу, не ошибалась ни на градус. Эта девица тоже понравилась Павлу Петровичу, и он запомнил, что зовут ее Анна Шварц.

Фильм восьмой был о молодой певице, еврейке по национальности. Она брала и голосом своим, красивым и сильным, и добротой изначальной, делающей душу человека чистой и цельной. Доброта певицы запомнилась Павлу Петровичу почему-то больше, чем ее голос.

Фильм девятый был об индианке, девушке-красавице, которая училась на врача, и в семье которой все были врачи вплоть до пятого колена. Она старалась, и у нее получалось. А кроме того она любила горы, побывала в Гималаях и Гиндукуше, мечтала побывать на Памире и Кавказе. Горные тропы и ночи у костра вдохновляли ее на мысли о высоком.

А фильм десятый был о девушке, о которой Павел Петрович знал намного больше, чем обо всех других претендентках на почетный титул, взятых вместе. Ведь ему было сообщено и то о ней, чего он не знал прежде. Вот Валентина Карпова дома, в родной среде, все вокруг чинно и благонаравно, привычки и увлечения родителей нареканий не вызывают. Отец увлекался греблей, и байдарка слушалась его, как хорошо выдрес-

сированная собака. Еще он коллекционировал марки. Мать любила шить, и все наряды, ее и дочери, были сотворены ею и на ее швейной машинке, которой она управляла только вручную. Вот Валентина Карпова в университетских аудиториях. Здесь она – само внимание и само прилежание. Вот она на озере, входит в воду и блаженно улыбается. Если прежде Павел Петрович смотрел на нее слегка привстав, то теперь ему пришлось напрячься и проследить за собой, не позволить эмоциям перегреться и выплеснуться наружу. Сказать, что тут было на что посмотреть, значило не сказать почти ничего. Тут было с чего не сводить глаз! В воду входило совершенное женское естество. Прославленная мастер спорта по художественной гимнастике, знаменитая балерина и обожаемая молодежью певица могли отдыхать, как и замечательная легкоатлетка, и прочие, прочие, прочие. Ни к чему, что было телом Валентины Карповой, нельзя было что-либо прибавить, и ни от чего нельзя было что-нибудь убавить. Соразмерность пропорций и их исполнение были идеальные. И выработала, взрастила эту соразмерность сама мать-природа при самой незначительной помощи спортивного зала и бассейна.

Вдруг Валентина села за фортепиано, и полилась музыка, сближающая души. «Якобсон!» – Павел Петрович узнал великого композитора, все еще продолжавшего творить. Перестав играть, Валентина склонилась над книгой. Крупным планом были показаны страницы. Начав читать один абзац, Павел Петрович понял, что перед девушкой нетленная вещь – роман «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова. Совпадение вкусов ему понравилось. Финальные сцены были посвящены вечернему чаепитию, процедуре чисто семейной, без выяснения чего-либо интересного и необычного, ведь ничего такого и не произошло. Были произнесены самые банальные слова, которые говорятся в тысячах благополучных семей, Валентина Карпова пожелала родителям и братьям спокойной ночи и пошла в свою спальню.

В зале зажегся свет, подчеркнув великолепие его отделки. Десять претенденток степенно поднялись со своих кресел, поклонились публике с чувством собственного достоинства и остались стоять, ожидая, кого же из них выхватит луч прожектора. Жюри удалось обменяться мнениями и вынести решение. Отсутствовало оно не более пяти минут. Оно и удалялось потому, что ему полагалось провести итоговое совещание не на сцене, не при свете рамп. И вот оно возвратилось и заняло стол президиума. Яков Израилевич как председательствующий вышел на авансцену и голосом торжественным, не требующим, чтобы его усиливал микрофон, провозгласил:

– Титул «Мисс Земля» присужден... – пауза тут полагалась по регламенту, и он выдержал ее полностью, даже несколько затянул, – Валентине Карповой!

Зал встал, аплодисментам не было конца. Павел Петрович подчеркнуто строевым шагом подошел к победительнице, взял ее ладонь в свои руки, высоко поднял и долго обозревал зал с торжественностью необыкновенной. Оба светились от яркого света, который был на них направлен сверху и с боков, обоим было хорошо, как только бывает при исполнении желаний, загаданных давно. Только вот куда им было теперь идти, кто знает? Они, наверное, знали. В человеческой гуще, какой теперь был огромный зал, и в море аплодисментов им оставаться совсем не хотелось.

Конец.

НОВЫЕ ИМЕНА

Заир АСИМ

Заир Асим родился в Алматы в 1984 году. Закончил КазНУ им. Аль-Фараби по специальности «Прикладная математика». Работает преподавателем математики в школе.

Художественные произведения Заира Асима публиковались в журналах «Знамя», «Книголюб», «Простор». Участник X форума молодых писателей в Липках. Автор сборника «Осиротевший крик сирени» (Алматы, 2010).

Лоточек бессмертья с руки...

* * *

Я трогаю тебя словами –
слова, как маленькие птицы,
прижались нежно головами
и нам заглядывают в лица.

Они, пернатые, ручные
сидят на строчках, как на ветках,
как ноты или запятые,
в плену у стихового ветра.

Послушай их немое пенье,
их зазывное лепетанье,
необъяснимое паденье
в почти прозрачное сознание.

Я трогаю твое молчанье,
твое живое тело слуха.
Над говорящими плечами
растет небесная разлука.

* * *

Прозрачные корни воды,
себе прогрызая ходы,
врастают в мерцающий лед.
Вода никогда не умрет.

Недвижима мимика дна,
и пропасть ума холодна.
Глоточек бессмертья с руки,
а дальше вползают круги.

Пустое движение губ.
Стоять бы по горло в снегу,
как тот ледяной снеговик,
в котором ничто не горит.

* * *

Все потерять. Остаться легче пепла,
быть продолженьем птичьего пера,
прямым косноязычием ребра,
бессильным сгустком внутреннего пекла.

Остаться здесь, вот в этом плотном месте,
где вымерла родных имен семья,
где клином на тебе сошлась земля,
где, как младенец, смотришь мимо смерти.

Уйдя корнями в почву, как деревья,
срастись в бесформенных потемках фраз,
стать краем речи, перейти на фарс,
убытком быть, остатком от деленья.

И так с самим собой заговориться,
что не заметить, сколько уже лет
здесь топчешься, и что давно уж нет
границы между сном и роговицей.

* * *

Я говорю, а ты меня не слышишь,
и шепот слов, как будто где-то мыши
запрятались по потайным углам,
я говорю с тобою по слогам.

Да, я нездешний, вышедший за рамки,
излишне краткий, вырос из изнанки,
в пространство вывернут, телесный крик,
и в бездну света я окном открыт.

Распахнуто оконное строенье,
сквозная клетка, смыслов наслоенье,
развернуто стеклянное нутро
и близок гул подземного метро.

Я сплю, во сне ты мне навстречу снишься,
не прерывая ватное затишье,
твое лицо размыто, как вода,
мне не запомнить воду никогда.

ТРАВА ГОЛОСА

потребность написать –
это не потребность поговорить,
это смертельная необходимость
стать чем-то другим.

другим голосом,
другой структурой мысли,
другой мерой жизни;

я пишу и тем самым
обращаюсь к первому встречному,
как сумасшедший,
или как плачущий ребенок,
или как рычащий зверь;

сорняки слов вырастают
из густой почвы безымянности,
из пленительной тьмы неизвестности,
одна рука сорвет его, как цветок,
и прижмет к сердцу памяти,
а другая нога наступит
и пройдет мимо;

а что сделаешь ты,
невидимый сердцу слух,
с моей смертоносной
травой голоса?!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

я вернулся домой
и ловлю себя на том,
что дом постепенно
возвращается в меня;

когда заезжал в этот
зеленый горбатый город,
небесная сеть дождя
охватила мокрые машины,
словно железные рыбы;

ползушая земля дорог,
распахнутое пространство,
изобилие встречного ветра,
прямого горячего солнца –
все это высушило
мою комнатную душу;

теперь все очевидно:
покинуть что-либо –
это лучший способ остаться.

Валерий РУМЯНЦЕВ

Зорькин Борис Иванович родился в 1951 году в Оренбургской области. Учился в Куйбышевском авиационном институте, на юридическом факультете Северо-Осетинского госуниверситета. Окончил филологический факультет Воронежского государственного педагогического института. В настоящее время проживает в Сочи, работает директором санатория.

С 1988 года выступает в печати в соавторстве с волгоградским писателем Гребенюком Валерием Владимировичем (литературный псевдоним двух авторов – Валерий Румянцев). Лирические и юмористические стихи, басни, эпиграммы, литературные пародии, лаконизмы; реалистические, сатирические и фантастические рассказы Валерия Румянцева печатались в различных газетах России и многих журналах («Чаян», «Капкан», «Окрошка», «Оса», «Новый крокодил», «Нахаленок», «Юный техник», «Нижегородская провинция», «Луч», «Русское эхо», «Литературный Башкортостан», «Литературные незнакомцы», «Золотое перо», «Южная звезда» и других). Всего в свет вышло десять книг Валерия Румянцева. В журнале «Звезда Востока» публикуется впервые.

БОЛЬШОЕ ИСКУССТВО

Рассказ

Когда Зая (так звали Зайцева со студенческих лет) протянул мне почтовый конверт, внутри которого обнаружились синие глянецовые билеты, я не смогла ему отказать. И не потому, что глянец манил блеском и обещал посещение мероприятия, о котором через несколько дней можно будет прочитать в модном журнале. И даже не потому, что, посетив это мероприятие, с гордостью можно будет сказать, что культурный градус повышен, а галочка в уме напротив графы «самообразование» будет проставлена.

А просто потому, что мужчина, протянувший билеты в театр, был мне по-человечески дорог. Как память о юности, той поре жизни, когда на сложные вопросы, кажется, существуют волшебные простые ответы. И о студенчестве, прошедшем в музыкальных закоулках под трели Моцарта и грохот октав Рахманинова. Когда мокрые ладошки, соскальзывающие с клавиатуры инструмента, можно было высушить с помощью побелки, осыпавшейся в длинном коридоре, а нечаянная россыпь нотных листов на полу за пять минут до выхода на сцену была приметой, сопоставимой с черной кошкой, перебегающей тебе дорогу.

Итак, Зая протянул мне конверт. Я сказала «да» и, условившись о времени и месте встречи, мы расстались до вечера.

Не могу сказать, что ожидание посещения театра для человека, вступившего в зрелую пору жизни, является событием отличным от повседневной рутины. Но она, рутина, меня настигла даже в тот вечер.

Зая опаздывал.

Зая опаздывал всегда, сколько я его знала, и, возможно, именно это его качество не связало нас узами Гименея. Мы так и остались добрыми друзьями.

– Где же ты, черт тебя побери? Уже без десяти семь, а нам нужно еще дойти до театра! – кричала я ему в трубку телефона.

– Маса, я еду, – булькнуло в ответ, – скоро буду.

За три минуты до начала спектакля Зая явился во плоти и стал бубнить что-то про своего начальника, который требовал «выдать результат по максимуму» за пять минут до окончания рабочего дня. Как и мои, Заины руки больше не касались слоновой кости белоснежных клавиш, а перебирали макулатуру, на каждом втором листе которой гордо выделялся синий оттиск со словами «Копия верна».

Как мы ни старались вопреки законам физики, расстояние до театра за три минуты преодолеть нам не удалось. Ничуть не пасуя перед точной наукой, Зая авторитетно заявил:

– Ничего, зато у нас места в партере.

Я подумала о том, что если бы еще и места были не в партере, то соответствие студенческой тусовке было бы стопроцентным, с той лишь разницей, что нынче мое тело упаковано в костюм от кутюр, а под макияжем нанесен инновационный крем, стоимость которого обязывает чувствовать себя юной.

– Ваши билеты? – спросила старушка на входе, сама как незывлемый реквизит здания искусства, имя которому «театр».

Миновав контролершу, мы ступили на полированный мрамор пустынного холла.

– Да, а на что мы идем? – на ходу снимая пальто, спросила я Заю.

– На «Три товарища»... Ну, по Ремарку, – уточнил он, заметив мою оторопь.

«По Ремарку!», – с отчаянием подумала я, и предстоящая встреча с искусством не показалась мне такой уж и заманчивой.

Дело в том, что я не люблю Ремарка. Даже не так. Я его патологически не выношу. Я его не смогла перенести в восемнадцать лет, не смогла вынести в двадцать восемь, и третий подход в возрасте, который женщины не имеют склонности называть, не дал мне ощутимых результатов в этом нелегком для меня деле покорения классической немецкой литературы. Ремарк стоял как Эверест жизни, покорить который моему мироощущению не удавалось. Он меня раздражал рублеными фразами, угнетал отсутствием декоративной красоты, прямо-таки бесил своей простотой и правдой жизни, которой в избытке на улице за стенами того же театра. На третий раз покорения литературной вершины под названием «Ремарк» я поняла, что у меня завелся кровный враг. Его же вендетта преследовала меня каждый раз, когда разговор касался Ремарка, и у меня не было желания поддерживать светскую беседу. Когда афиши пестрели его именем, в моем мозгу вырисовывались убогие картины жизни, и, на мой взгляд, так жить люди не имеют права. И когда, наконец, я приходила в театр, он подставлял мне свою подножку и тут.

«Зая-Зая», – тоскливо подумала я, зная, что дружба требует жертв, но слегка успокаивало то, что наш путь лежит в партер.

Однако старушки, незывлемый реквизит фундаментального здания искусства, имели на этот счет другое мнение.

– Вам в бельэтаж, пройдите наверх.

Мы не согласились с предложением реквизита.

– Вы опоздали, – последовал презрительный ответ, – поэтому вам в бельэтаж.

О, в этот момент я не знала, кого больше ненавижу: Заю, его начальника, старушку-реквизит или Ремарка.

Но я улыбнулась кроткой улыбкой, которую умеют примерять на свое лицо женщины, способные приносить великие жертвы во имя благородного нечто, и мы покорно двинулись на ярус бельэтажа.

Немногочисленные ступеньки бельэтажа были усеяны сидящими на них зрителями, Другие театралы шпалерами подпирали стенки.

Мне повезло. Я опустилась на ближайшую ступеньку, тем самым застолбив за собой право просмотпеть первое действие не стоя на ногах. Зая примкнул к шпалерному ряду и растворился в темноте.

А на сцене тем временем разворачивалось действие.

Роберт буянил, его друзья заливали за воротник, скороговоркой выпаливая наболевшее, а я подумала, что сценарист взял на себя слишком много, пытаясь втиснуть в два с половиной часа историю дружбы и любви с избытком возможных подробностей. Но потом появилась Патриция, и внимание зрителей сконцентрировалось на ее нежном образе. В Пат я узнала актрису, недавно скандально засветившуюся в бульварной прессе, где в деталях оглашался ее разрыв с мужем и дележка двух общих детей. Оглядев девичью фигурку, с завистью отметила про себя поразительную способность актрисы к быстрому восстановлению.

Погрузившись в свои богатые бульварные впечатления, я рисковала пропустить фразу:

– Что Вы, Робби, жизнь – это так прекрасно!

Рисковала, но не пропустила. Фраза прозвучала просто, но вместе с тем сильно и глубоко, поразив меня искренностью прямо в подкорку головного мозга, туда, где сходится тотальная человеческая рациональность и древняя сила чувств. Туда, где мысль уступает место эмоциям. Именно туда, где живет зародыш чувства прекрасного.

Нечасто, совсем нечасто чужому таланту удается поразить эту цель, сокрытую наростами повседневности, монотонности и желанием никогда не открывать эту дверцу, потому что подобно приносящему беды ящику Пандоры, открыв его, рискуешь увидеть только убогую обыденность, которая вцепилась мертвой хваткой, не оставляя шанса на миг встречи с прекрасным.

Но актрисе-Пат удалось поразить эту цель. Она была проста, естественна, обаятельна; она не тянула за собой шлейф скандальной славы, пачкающей страницы новомодных журналов. Актриса-Пат растворилась где-то там, в глубине сцены и моей подкорки для того, чтобы отчаянно шагнуть навстречу жизни, заодно прихватив с собой ключик от дверцы, которую я старательно подпирала с другой стороны тонной макулатуры с оттиском «Копия верна».

Актриса-Пат исчезла для того, чтобы появилась просто Пат. Хрупкая и сильная одновременно, рожденная жить, но подстерегаемая старухой с косой, с переполненным сосудом любви, который тем не менее дал течь раньше, чем зародилась сама потребность в чувстве.

И я с интересом углубилась в созерцание сплетения человеческих жизней, пасуя перед натиском ее таланта.

– Нет, нет и нет, – кричал Робби, – я не хочу, чтобы ты видела эту убогую комнату. Ты создана для роскоши.

– Робби, что ты говоришь? Это самая прекрасная комната, которую я когда-либо видела. Это *твоя* комната, – нежно отвечала Пат.

И я верила, что эта часть стены с полкой муляжей книг – самая прекрасная комната на всем белом свете.

– Нет, я не достоин даже твоего мизинца, – не унимался Робби. – Я всего лишь плебей, любящий аристократов.

– Что ты, Робби, – успокаивала его Пат, – никакой ты не плебей. Ты самый благородный человек, какого я только знаю.

И я тоже искренне верила, что истерзанный жизнью Робби – человек благородных кровей и помыслов, не запятнавший себя ничем.

Я готова была верить каждому произнесенному ею слову и дальше, если бы не одно «но»; и иначе как прозой жизни это «но» назвать не получается.

Здесь придется вернуться к тому самому моменту, когда я застолбила за собой право просмотреть часть спектакля сидя, примостившись на ступеньке. Думаю, вы согласитесь, что вряд ли можно сравнить мягкость покрытия театральных кресел и жесткость паркетного пола. Поэтому если скажу, что почувствовала искусство нервом, я не солгу. Седалишным.

С каждой минутой, приближающей меня к вожделенному антракту, нерв мой, не будем повторяться какой, трепыхался как птица в клетке, настойчиво требуя воли.

Каждая фраза Пат, пронизанная чувством и желанием жить, отзывалась во мне не менее жизненным желанием встать и подвигаться.

Тем временем, действие продолжалось. Робби казнил себя за убогость бытия, словно его воля могла что-то изменить в его биографии. Пат томилась, а я жаждала антракта как избавления от бельэтажа. Однако, признаюсь, от встречи с большим искусством у меня пропало желание ускользнуть со второго действия, как это было задумано, едва я услышала о Ремарке.

В то же время неутомимая проза жизни порождала в этот вечер новые детали. И имя новой маленькой заковырки был Большой голод. Заин начальник на время лишил меня не только купленных мест в партере, но и возможности своевременно заморить червячка.

Чем ближе к антракту, тем больше шалил седалишный нерв, голод громче стучал в барабаны, и наконец я почувствовала, что Заин начальник повинен еще и в том, что лишил меня возможности посетить дамскую комнату загодя.

О, как я ждала этого антракта!

И как я ненавидела Заиного начальника!

Оставшись наедине в неравной схватке с прозаической стороной бытия, я почувствовала, что поэзия чувств и хитросплетения человеческих жизней закономерно померкли и отошли на задний план. Поэтому, когда занавес опустился и я обрела легальную возможность подняться с обжитой ступеньки, меня переполняло счастье.

Выходящий из дверей бельэтажа и хромающий на одну ногу Зая согласился, что тоже впервые в жизни прочувствовал искусство тем местом, на котором люди традиционно предпочитают сидеть.

Я вам уже говорила, что рутина настигла меня даже в тот вечер?

Так вот, эта настойчивая дамочка допекла меня по полной. Первой мыслью, когда я среди наплыва женских декольте и мужского парфюма пробилась к табличке с нарисованным женским лицом, была мысль о том, что театр заключил договор франчайзинга с Макдональдсом. Ибо все знают, что в царстве гамбургеров трепетно относятся к человеческой нужде и за реализацию оной мзды не берут.

Но, встав в очередь без конца и края, я поняла: тут дело совсем в другом. Просто все женщины мегаполиса в этот день дали себе зарок посетить уборную только после первого действия спектакля. Прямо так утром проснулись и с утренней зорьки до антракта проявляли чудеса выдержки и женской логики.

О, как я ненавидела женскую логику!

И заодно Заиного начальника, который фактом своего существования не дал мне подготовиться ко встрече с искусством должным образом. И заставил проявлять чудеса выдержки.

Но и в этой нелегкой схватке с прозаической стороной бытия я снова вышла полноправным победителем и гордо пронесла свой облегченный профиль мимо таблички с женским лицом.

Поджидая меня, Зая переминался с ноги на ногу и жалостливо смотрел куда-то вниз, где многообещающе значилось: «Буфет».

– Маша, давай перекусим, – выпалил он, едва увидев меня. – С обеда маковой ро-синки во рту не было.

В очередной и десятый раз вспомнив Заиного начальника, которому икота в этот вечер обязана была испортить жизнь, мы понеслись вниз на пленительный аромат кофе и колбасы.

Когда от вожделенного бутерброда нас отделяло человека три, прозвучал призывный звонок, и театралы неспешным потоком потянулись наверх. Все, кроме нас и тех трех упрямяшев впереди, претендующих на остатки съестного в буфете. Второй звонок застал нас, раскрасневшихся, в блаженном состоянии пережевывания пищи внезапно оформившимся вопросом: «Где же мы будем сидеть, если снова опоздаем?».

Подгоняемые мыслительным процессом и бурлящим желудочным соком, мы с Заей ворвались в партер и, о чудо, погрузили свои тела в гостеприимную мягкость

театральных кресел раньше, чем сцена ожила. А это значило, что проза жизни на мгновение прекратила свои художества.

Занавес открылся, и под натиском искусства я окончательно рухнула в мир, где не было сцены, декораций и актеров.

– Дорогой Робби, – мечтала Пат, – давай немедленно поедem в деревню. Там хорошо, там свежий воздух, там *настоящая* жизнь.

– Обязательно! – воскликнул Робби. – Мы обязательно поедem в деревню.

И, располагая техническими возможностями сцены, мгновение спустя, они уже были в деревенской комнатухе, наполненной ароматами сельских трав и счастья.

– Пат, почему ты так бледна, ты плохо себя чувствуешь? – тревожился возлюбленный.

– Робби, это усталость, просто усталость, мне нужно отдохнуть, – говорила Пат тем особенным шепотом, который был слышен даже на последних рядах галерки, и который призывал в свидетели скорее силу воли девушки-Пат, чем физические возможности голосовых связок Пат-актрисы.

Девушка сотрясалась в душераздирающем кашле – и красное пятно на ее лице расплылось и заняло все пространство вокруг, застывая собой и сельскую комнатуху, и море за окном, и предчувствие, что жизнь прекрасна.

Мне, сидящей в партере, в двенадцатом ряду, захотелось жить. Отчаянно, страстно, наперекор всему и всем, назло старухе с косой и красному пятну на белой простыне. Дикий кашель, терзающий тело Пат, в одночасье стал моим кашлем и болью. Теперь руки доктора сжимали рентгеновский снимок моих пораженных легких и приговор «осталось жить от силы несколько месяцев» затаил мертвую петлю на моей стремительно угасающей жизни.

Потом Робби отвез меня в санаторий в горах, где разрешил носить то роскошное красное платье, из-за которого он прежде устраивал мне сцены ревности, а на улицах тем временем мелькала фашистская свастика, голосили немецкие овчарки и поблескивала кожа длинных пальто. Лучи прожектора стремительно меняли дислокацию, выискивая противников режима, а меня, ту, что в двенадцатом ряду, забила мелкая дрожь страха.

«Только не меня, только не меня», – шептали остатки разума, подгоняемые генетически заложенным ужасом перед свастикой и гортанными фразами немецкой речи.

Меня не тронули.

Тронули Готтфрида...

Отто...

Робби...

...

Всех моих друзей, разом, словно их и не было в живых в моей жизни.

А потом я умерла. От меня, моей любви, моей дружбы осталась одна-единственная черно-белая фотография, где мы все вместе с развевающимися на ветру волосами в автомобиле Кестера улыбались, улыбались, улыбались...

– Мася, – твердая мужская рука трясла мое плечо, – Мася, очнись. Уф, наконец-то закончилось. Какое длиннющее второе действие, правда? Тебе как, ничего?

– Ни-че-го, – медленно согласилась я, унимая мелкую посмертную дрожь и вытирая мокрые холодные пальцы о костюм от кутюр.

В отличие от Заи я не имела иммунитета к Большому искусству. Только к той его части, которая имеет потуги на великое. Так меня когда-то учили.

А еще мне говорили, что все мы – дети, воспитать которых под силу только одному учителю – Большому искусству.

Элеонора ИРМАТОВА,
магистр ТГПУ им. Низами

Элеонора Ирмадова родилась в 1983 году в поселке Каттакурган Самаркандской области. В настоящее время живет в Ташкенте. В 2009 году закончила факультет иностранных языков (отделение русской литературы) ТГПУ им. Низами, является магистром II курса. Работает над диссертацией «Современные интерпретации готической темы в русской литературе», одной из проблем которой является исследование фантастики и реалий в современной русской романистике.

Реалии и мистика в современном романе

На протяжении многих столетий в мировой литературе создаются произведения о таких удивительных и таинственных существах, как вампиры. Эти «существа» были главными героями романов и повестей А.К. Толстого («Упырь», «Семья вурдалаков»), Б. Стоккера («Дракула»), Э. Райс («Интервью с Вампиром»), У. Стрибера («Голод»), С. Маерс («Сумерки»), С. Лукьяненко («Дозор») и многих других.

Каждый из этих авторов привнес в тему «вампиризма» что-то свое, новое, необычное: Стоккер «перенес» вампира из отдаленного замка Трансильвании в Лондон, где он стал «членом общества», так называемым «чудовищем большого города»; Э. Райс создала рефлексирующего вампира, который не желает убивать людей ради утоления своего голода; У. Стрибер преподнес вампиров как иной биологический вид; С. Маерс изменила саму суть кровожадных вампиров, «превратив» их в вегетарианцев...

В 2010 – 2011 годах в журнале «Звезда Востока» в сокращенном варианте печатался роман Ольги Григорьевой «Синдром страха, или Закон матрешки». В марте 2011 года этот роман вышел отдельной книгой, которая сразу же вызвала неподдельный интерес читателей. Специфика этого романа заключается в том, что устойчиво мистические темы «вампиризма», «иных, пограничных миров» поданы автором как нечто реальное и, даже более того, логически закономерное. Именно такое ощущение возникает у читателя, прочитавшего произведение.

Через весь роман красной нитью проходит мысль о том, что «окружающий нас мир весьма сложен», и вполне возможно, что в этом «сложном мире» рядом с человеком живут и другие существа – внешне идентичные людям, но имеющие совершенно иное физиологическое строение. Многочисленный и разнообразный материал (как научный, так и художественный), касающийся темы «иных существ», невольно заставляет нас задуматься о том, что, действительно, не все так просто устроено на нашей прекрасной и древней планете Земля. Именно эта мысль и является одной из основополагающих в романе Ольги Григорьевой.

Ощушению реализма происходящего в романе способствует то, что действие «разгравается», в основном, в родном для нас городе Ташкенте и – шире – в Узбекистане. В произведении встречаешь действительно существующие и знакомые нам названия улиц, учреждений, парковых зон (Министерство энергетики, сквер Амира Тимура, Педагогический университет им. Низами, неврологическая клиника на Сельмаше, Паркентский базар, поселок Бричмулла, река Чаткал и т.д.)

Реальную основу мистическому действию в романе придают и технологии XXI века, используемые алантами. Так, например, они субсидируют новейшие исследования в области гинекологии, поскольку результаты этих исследований для них – жизненно важная тема. Организм алантов (вампиров) уникален: постоянное обновление клеток гарантирует им вечную жизнь, а значит, и вечную молодость. Аланты очень сильны, стремительны, холодно рассудочны и беспощадны: по сути дела – универсальные убийцы. Они в совершенстве владеют мастерством магии, поэтому им доступно то, что абсолютно недоступно человеку (например, перемещение в параллельных мирах, в том числе и с помощью зеркал). Но и у совершенных алантов есть своя «ахиллесова пята»: рождение ребенка для них – самое настоящее чудо, поэтому они являются медленно, но верно исчезающим «видом». Чтобы сохранить свой «вид» – а это архиважная проблема для алантов – они проводят эксперименты по оплодотворению «человеческих самок», рассчитывая на то, что, использовав женщин как суррогатных матерей, они избавятся от угрозы исчезновения.

«Синдром страха, или Закон матрешки», по сути дела, своего рода код романа. В физике и астрономии (науках, как известно, связанных с устройством нашей вселенной) существуют такие понятия, как «матрешка» или «соты». Обратимся к гипотезе «матрешки», как это делает автор романа. По этой гипотезе получается, что всё во вселенной, в том числе и на нашей земле, устроено по принципу матрешки: большее вмещает в себя меньшее. Для примера можно «собрать» такую «матрешку»: человек живет в доме, дом находится в Яккасарайский районе, район – в городе Ташкенте, Ташкент – в Узбекистане, Узбекистан – на планете Земля, Земля – в Солнечной системе, Солнечная система является частью Млечного пути и так до бесконечности.

По принципу «матрешки» устроен, если так можно выразиться, и «пищевой процесс»: «кто-то» питается «кем-то».

В романе выстраивается вполне логичная «пищевая цепочка», точнее «пищевая матрешка» – более сильный поглощает слабого: таинственная и жуткая Богиня из запретного мира вбирает в себя любой поток энергии (это ее пища), становясь убийцей и алантов, и людей; в свою очередь, аланты (или вампиры) питаются человеческой кровью; люди же употребляют в пищу мясо животных, птиц, рыб... (значит, тоже, по сути дела, являются убийцами).

Причем, каждый из тех, кто «питается кем-то» считает подобный процесс вполне разумным, естественным и целесообразным (так, например, добывая в пищу мясо, человек не считает себя убийцей), но мысль о том, что пищей может являться сам «охотник» – уже отвратительна и противоестественна для «охотника». Вот в такой «противоестественной» пищевой связке и находятся герои романа, вынужденные подчиняться общему закону вселенной – «закону матрешки».

Современному человеку свойственно скептически относиться ко всякого рода «мистическим измышлениям» и никоим образом не допускать их существования до тех пор, пока по стечению тех или иных обстоятельств он лично не столкнется с чем-то настолько странным, что попросту не может объяснить это «странное» ни самому себе, ни – тем более! – окружающим. Подчеркнем: окружающим тем более! Попробуйте рассказать своим знакомым или друзьям о том, что вы замешаны в чем-то мистическом, необъяснимом, как тут же станете для них «странным человеком», если не сумасшедшим. Вот в такое положение и попадают герои романа – трезвые, здравомыслящие, совершенно не склонные к мистицизму люди – Елена, Ритка, Олег. Никакая логика и никакие научные выкладки не могут объяснить им то, что с ними происходит! Они живут в XXI веке в прекрасном и современном городе Ташкенте, но оказываются в круговороте жутких и, повторимся, абсолютно необъяснимых – с точки зрения здравого смысла – событий. Вот тогда-то и рождается Великий Страх!

Абстрактное понятие «страх» составляет основную канву романа, его напряженную сердцевину. Он свойствен абсолютно всем героям произведения, даже многоликой, неуловимой, всесильной и жуткой Богине Зазеркалья, потому что (по «закону матрешки») и «над ней» тоже кто-то есть, и она тоже является чьей-то пищей, и потому периодически испытывает «нечто», что на языке людей определяется словом «страх».

Именно страх заставляет человека утверждаться на этой земле, защищать себя, свое существование в этой сложной и суровой жизни. Именно он – первейший стимул того, чтобы человек постоянно стремился к самоусовершенствованию, к самоутверждению.

Именно страх – «источник» тех действий человека, которые помогают ему добиваться определенных благ в жизни, чтобы не быть нищим, убогим, безликим и т.п. В этом плане страх играет позитивную роль.

Но, с другой стороны, он может выполнять и совершенно другую, однозначно отрицательную функцию. Страх может сломать, уничтожить человека, превратив его жизнь в крошечный ад. Он может перейти в «синдром» и стать Великим Страхом, трудно излечимой болезнью. Именно с таким страхом и столкнулись герои романа – Елена, Ритка и Олег.

Это очень разные люди по характеру: сдержанная, холодноватая, трезвомыслящая, скрытная Елена; горячая, открытая, острая на язычок, смелая и отчаянная Ритка; расчетливый, циничный, дерзкий, «неуправляемый» Олег. Именно они оказались в самом эпицентре «странных и необъяснимых событий», породивших в их душах Великий Страх, и каждый из них по-своему боролся с этим «страхом». Боролся и победил. Даже не вызывающий симпатии Олег в решающую минуту не струсил: он погиб, но не поддался влиянию чуждых и злых сил.

Елена и Ритка так же проявляют исключительную силу воли и вырываются из жуткой ситуации.

Чуждая сущность, поселившаяся в Елене, это не только элемент мистики: в этом скрыт серьезный и глубокий подтекст. ЗЛО живет в любом человеке, либо может «вселиться» в любого человека, став его неотъемлемой частью. И если человек не будет бороться с этим злом в самом себе, не будет противостоять ему, то оно попросту уничтожит его. Не случайно и Библия, и Коран призывают, прежде всего, культивировать в себе добро, потому что только этот путь есть гарантия того, что человек может остаться Человеком.

В том и величие Человека, сила его духа, что он умеет противостоять страху, злу, защищая себя, свой разум, свое право на жизнь, – утверждает автор романа. Не случайно Белая ведьма Анфиса («Посвященная» в тайные знания людей) в своем противостоянии Избранной, вампирше Клэр («Посвященной» в тайные знания алантов) одерживает победу над Бессмертной, презрительно называвшей людской род «низшими тварями», и с чувством собственного достоинства говорит ей:

«Низшая тварь – это ты... Это твой род, который ты считаешь Избранным, не более чем мерзкие блохи, клопы на теле человека... Все, что есть на Земле, создано руками людей, их гением и их талантом, а ты и подобные тебе – пустое место! Одно слово – нечисть, трудно истребляемые паразиты, кровососущие – вот и все!».

И мистика, и фантастика в романе Ольги Григорьевой служат определенной цели: утверждению особой значимости Человека на этой земле, его ума, таланта, его умения выстоять и победить в любой ситуации, даже в той, которая рождена Великим и Необъяснимым Страхом.

«Вселенная – Вечные Весы, на которых качаются ДОБРО и ЗЛО. Добро необходимо защищать! Прекрасно, что на земле есть хорошие, честные, отзывчивые, милосердные люди, ежедневно совершающие этот подвиг! Они могут не отдавать себе в этом отчета, не задумываться над этим специально; просто ОНИ ТАК ЖИВУТ – С СОВЕСТЬЮ В ДУШЕ. Именно их добрые сердца, их отзывчивость на чужое горе и чужую боль, их умение «помочь» спасают наш мир от полного погружения в пучину Черного Зла...», – утверждает Белая ведьма Анфиса, и нельзя не согласиться с нею.

Роман Ольги Григорьевой заставляет о многом задуматься, с иных позиций взглянуть на окружающий нас мир, на самих себя, заглянуть в собственную душу и осмыслить свою жизнь с позиций вечного противостояния Добра и Зла.

проза

Эльджон АББАСОВ

Аббасов Эльджон Шухратович родился в городе Ташкенте 14 июня 1966 года. В 1983 году поступил на факультет режиссуры в Ташкентский театрально-художественный институт; в 1984-ом продолжил учебу в Москве, во ВГИКе, успешно окончил который в 1988 году. Кинорежиссер. Сценарист. Автор десятка документальных фильмов. Представленная вниманию читателя притча «Палач» входит в литературный цикл автора «Царство теней», состоящий из пяти самостоятельных киноновелл: «Палач» (1), «Отражение» (2), «Наложница» (3), «Бинафша» (4) и «Откровение» (5).

ПАЛАЧ

Притча

И скажи:

*«Пришла истина, и исчезла ложь;
поистине, ложь исчезающа!»*

КОРАН, 17:83(81)

Безмятежны и широки степные просторы. Где-то вдаль, у самой кромки горизонта, дымчатой пеленой тянутся величественные горные цепи. Жаркое летнее солнце устало клонится к закату. Лишь одинокая орешина посреди этой пустынной и безжизненной местности величаво раскинула свои большие, полные зреющих плодов, ветви.

Со стороны далеких гор волной накатывается множество черно-белых точек. При ближайшем рассмотрении видно, что это большая отара овец. Слышно бляенье баранов, предупреждающий лай сторожевой собаки, послушно идущей рядом с пастухом, грузным, но еще довольно-таки крепким мужчиной лет шестидесяти – шестидесяти пяти.

Вся эта пестрая и шумная компания движется в сторону убогой и, на первый взгляд, казалось, заброшенной пастушьей кибитки. Но впечатление это обманчиво: откидывается грязный войлок, прикрывающий покосившийся дверной проем, и наружу выглядывает детская голова. Прищуриваясь от ослепляющего своими последними лучами солнца, мальчишка всматривается в сторону гор. Улыбается по-детски непринаденно и с радостным криком бросается вперед.

– Дедушка!.. Дедушка!..

Мужчина делает движение навстречу внуку и легко подхватывает его на руки.

– Ну, здравствуй, внучек. Рассказывай, как ты скучал по мне, и что делал в мое отсутствие...

– Дедушка!.. – счастливо обнимая деда, мальчишка зарывается лицом в его убежденные сединой густые вьющиеся волосы.

Заперев овец в загоне, пастух усталой походкой идет к своему обветшалому жилищу. Умывается водой, которую ему подносит в медном кувшине внук.

– Никто тебя не беспокоил? Никого здесь не было?

– Не-е-т... – протяжно тянет внук и озорничая плещет в лицо деду холодную воду.

– Ах ты, баловник!

Из жилища, набрасывая на голову платок, пошатываясь, выходит уже немолодая, болезненного вида, женщина.

– Волки опять задрали нескольких баранов... Недоглядел... Ну да ладно... Накрывай дастархан, я проголодался, – сурово обращается пастух к жене, и женщина безропотно принимается за привычную работу.

– Я голоден, как во-о-лк! – пастух шутливо грозит внуку здоровенными пальцами.

– Могу с голодухи съесть тебя.

Ранее утро.

Пастух просыпается от остервенелого, срывающегося на хрип, лая сторожевого пса.

– Шайтан тебя подери, замолчи... внука разбудишь. Иди ко мне...

Он выходит наружу, и собака, продолжая на кого-то скалиться, все же послушно прижимается к ногам хозяина. Мужчина оглядывается по сторонам и не сразу замечает одинокого незнакомого всадника, скрывающегося за толстым стволом орешины.

Всадник, бряцая оружием, трогается с места, неторопливо направляясь в сторону кибитки. Его рука грозно сжимает рукоять сабли. Лицо наполовину скрыто под черной маской. Есть что-то недоброе во всем его облике.

В стороне слышно конское ржанье. И вскоре из предрассветного тумана появляются еще двое всадников. Такие же таинственные, вооруженные, с закрытыми черными платками лицами. Еще двое на лошадях выезжают из-за пастушьей кибитки. Ноги у лошадей предусмотрительно обернуты тряпками, для того, чтобы приглушить стук копыт.

Незнакомцы молча, кругами, объезжают убогое жилище пастуха, и с каждым разом этот круг сужается, становясь все уже и уже.

– Мир Вам, добрые люди. Проходите в дом, будьте гостями.

Пастух пытается скрыть тревогу и волнение в голосе. На лице его блуждает некое подобие улыбки.

– Мир и тебе, пастух, милосердие и благословение Аллаха!

– Внучок, разжигай огонь, у нас гости... – по-отцовски ласково пастух обращается к проснувшемуся мальчишке, чья любопытная взлохмаченная голова высунулась наружу.

– Не спеши, старик! Мы к тебе по другой надобности...

Один из всадников почти вплотную подъезжает к пастуху. Лошадь незнакомца грозно висит над ним, обдавая его своим горячим дыханием.

– Мне страшно!.. – жена пастуха, наспех одевшись, стоит позади супруга и недоверчиво, с опаской, поглядывает на чужаков.

– Не бойся, жена, иди в дом, оденься и успокой свое сердце...

– Ты, пастух, хорошо знаешь эту местность, эти горы...

Первый всадник пытается вести беседу непринужденно просто. Чтобы как-то успокоить хозяев. Он снимает с головы платок, наполовину скрывающий его лицо.

– С давних пор пасу здесь овец, мне ли не знать...

– Тогда сделай милость, окажи услугу, мы тебя за это хорошо отблагодарим. Сопроводи нас вон к тому ущелью.

Всадник, не потрудившись даже обернуться, рукой указывает куда-то позади себя, в сторону далеких гор. И было что-то зловещее в этом жесте.

– Почему бы не помочь добрым людям. Может быть, сначала отдохнете с дороги?

– После, пастух, после. Вернемся и отдохнем. Посидим у костра, поедим баранинки, побеседуем.

Оседлав свою лошадь, пастух прощальным взглядом окинул свое небогатое хозяйство.

– Приглядывай тут за всем. Внука береги. Если не вернусь к утру, собирайте вещи и уходите куда подальше... – полушепотом он отдал последние наставления разволнованной жене. – Потом сам вас найду. На все воля Аллаха!

– Дедушка, я тоже поеду с Вами! Хочу в горы, хочу кататься! – мальчишка ухватился за уздечку.

– Кататься поедет потом, малыш! – первый всадник грубовато остудил мальчишеский пыл. – Когда вернемся!

– Жди нас вечером, хозяйка!

Всадник попытался хоть как-то успокоить встревоженную жену пастуха. Но голос его прозвучал неуверенно, сухо, и еще более взволновал несчастную женщину.

И вскоре вся кавалькада вереницей, не спеша, двинулась в путь, в сторону далеких горных вершин.

Некоторое время они ехали соблюдая как бы по ранней договоренности молчание, пока не скрылась из виду пастушья кибитка. Было слышно только легкое пофыривание лошадей, негромкий стук копыт и бряцание оружия.

– Ты, говорят, был в большой чести у Великого Султана, старик. Не правда ли? – первый всадник, наконец-то нарушив молчание, приблизился к пастуху.

– Что вы, уважаемый, я всего лишь пастух, меня многие знают в этой округе. Я с детских лет пасу баранов.

– Ты врешь, пастух. Покойный Султан жаловал тебя своим вниманием. Это многим известно. Мы уже долгое время выслеживаем тебя. И теперь, когда государь твой сдох, как паршивая собака задушен в своей постели, ты в ответе за все его злодеяния.

– Я не понимаю, о чем вы толкуете. Вы меня с кем-то путаете. Не берите греха на душу.

– А сколько грехов ты взял на свою душу?

– За сколько монет ты продал душу дьяволу? – в разговор вступает другой всадник, едва сдерживая своего разгоряченного коня. – Чего тянуть, казнить его, время еще тратить на эту падаль...

Двое других окружают пастуха с двух сторон: один набрасывает ему на шею аркан с петлей, другой ловко выхватывает у него из-за пояса кинжал и ногой сбрасывает пастуха на землю. Волоком тянут его за собой.

– Не берите греха на душу. Я невиновен, как мои овцы. Что вы делаете, люди добрые. Если Вам нужны бараны, возьмите всех, всех заберите, сохраните только мне жизнь, ведь я ни в чем не повинен... – пастух пытается хоть как-то разжалобить незнакомцев.

– Невиновен?! – первый всадник резко осаживает свою лошадь. – Верховный визирь Султана так же трусливо падал на колени. Так же, как и ты, отказывался от своих грехов. Но его вывели на чистую воду, осудили на смерть и вырезали ему сердце на глазах у целой толпы. И люди устроили праздник по этому случаю, большой той.

Пастух вспомнил, как прошлой осенью, на праздничном козлодранье, в толпе зевак он случайно встретил старого визиря. Уже после праздника, сидя вечером у костра, несчастный старик, оборванный, босой, горестно, с выступившими на глазах слезами, рассказывал ему о мытарствах, выпавших на его несчастную долю за последние годы.

Знакомый лай возвратил пастуха из прошлого. Верный сторожевой пес все это время шел по их следу и теперь спешил на выручку хозяину.

– Вот увязалась, зараза, да сделайте с ней что-нибудь! – приказал первый всадник остальным.

И спустя минуту, собака, жалобно взвизгнув, упала замертво, сраженная стрелой. Пастуха подняли на ноги и снова усадили на коня, предварительно крепко связав руки волосяным арканом. После чего все неторопливо продолжили свой путь.

– Зачем я Вам нужен? Чего Вы от меня хотите? – пастух как бы смирился со своим положением.

– За твои злодеяния тебя нужно повесить прямо здесь, и это было бы правильно, но за твою голову нам хорошо заплатили, поэтому мы доставим тебя по назначению, старик, в целости и сохранности.

Немного времени спустя они достигли склона гор, где у подножия каменистых холмов раскинулся маленький, дворов на двадцать, предгорный кишлак. На единственной его улочке, окруженной глинобитными дувалами, было оживленно. Первый всадник хотел было объехать кишлак стороной, но в последний момент передумал.

Толпа местных жителей собралась у дома своего аксакала и громко о чем-то шумела. Шум постепенно перерастал в яростные споры и крики. Еще немного и, казалось, здесь вспыхнет междоусобная война.

– Ассалому алейкум! О чем шумим, люди?

– Добро пожаловать тебе и тем, кто пришел с тобой!

Ответив на его приветствие, жители кишлака поведали всадникам о своем горе. У них в кишлаке произошло воровство. И им удалось схватить вора. И теперь перед ними встала неразрешимая дилемма. Вора надо наказать, казнить, или же он должен будет уплатить за свой проступок штраф. Но вор – человек бедный, с него нечего взять, и по законам шариата ему полагалось отсечь правую руку. Но кто возьмется исполнить сие наказание? Никто из местных на это не соглашался. А отпускать вора просто так не хотелось. И вот люди обращаются за помощью к аксакалу, а тот, в свою очередь, просит всадников помочь привести приговор сельчан в исполнение.

Первый всадник, усмехаясь, соглашается. Он рассказывает жителям кишлака, что у него с собой есть палач, палач самого Великого Султана, и это сообщение вызывает сильное замешательство среди людей. Многие из них с нескрываемым любопытством, поборов в себе страх, разглядывают пастуха. Жители кишлака, посоветовавшись между собой, соглашаются, что за определенную плату приговор можно привести в исполнение.

– Ну что, старик?!

Первый всадник развязывает ему руки и подталкивает вперед.

– На отсутствие работы тебе не приходится жаловаться. Принимайся за привычное дело, покажи нам, как это делается. Поделись же своим опытом.

Но пастух отвечает ему молчаливым отказом.

– Старик, ты меня не позорь. Я деньги взял и слово дал, а мое слово дорогого стоит... Раз ты такой милосердный, выбирай. Или мне забить этого несчастного до смерти, я же человек неопытный, могу невзначай его прикончить, или ты сделаешь доброе дело: и людей потешишь, и человеку сохранишь жизнь!.. Но ты не знаешь милосердия, не так ли?

– Я украл яйца, всего два яйца, очень кушать хотелось... – воришка, худощавый лет 45, мужчина, весь черный от загара, жалобно, чуть ли не плача, смотрел большими глазами на своих палачей.

– Два яйца сегодня, завтра еще два, через месяц уже 60 штук, а что потом – страшно сосчитать, – в разговор поспешил вмешаться местный аксакал. – Если не пресечь воровства сейчас, потом хуже будет.

– Два яйца... За это полагается 10 ударов палкой! – первый всадник делает свое мудрое заключение.

– Десять ударов?.. – возмутились жители кишлака. – Больше давай, больше, чтобы другим неповадно было...

– Руку ему отсекайте... Руку...

– Сейчас я кому-то язык отрежу... – всадник с трудом сдерживал свое раздражение.

Спешившись с лошади, он отламывает от ближайшего дерева небольшую ветку, пробует на прочность и пытается всучить ее пастуху.

– Не срамись перед людьми!.. Ты что думаешь, я не справлюсь с этим пустячным делом?.. Что я струсил?.. Ну, я человек не гордый...

С этими словами первый всадник с невероятной силой лупит несчастного воришку.

– Десять...

На его лице выражение явного отвращения. Отвращение к алчной до жестокости толпе, отвращение к самому себе. Воришка истошно орет, слезы струятся по его грязным щекам, на губах выступает кровавая пена.

– Двадцать... тридцать...

– Хватит... Прекрати... Довольно... – запричитали вокруг женщины.

– Вы же этого все хотели, не так ли? – первый всадник продолжает нещадно бить палкой по спине воришки, после чего в гневе швыряет окровавленный прут к ногам людей.

– Если бы мы позволили ему красть у нас каждый день по два яйца целых два месяца, нам бы дешевле вышло... – долго еще сетовали два особо сообразительных жителя кишлака.

Всадники продолжили свой путь.

За ними тем временем увязался не так давно понесший наказание воришка. Он бежал теперь следом со своей небольшой поклажей за спиной. На его лице сияла глупая улыбка. Он бежал, плакал и смеялся. Благодарил всех за то, что сохранили ему жизнь, сохранили ему руки и ноги, и обещал, что впредь он встанет на путь праведника. Всадники пытались сначала его отогнать от себя, но после, махнув рукой, позволили ему следовать за ними. А воришка, продолжая всех благодарить, в знак своей признательности стал радостно отбивать на дойре ритмичные звуки.

На следующий день их догнал человек на верблюде. Узнав, что у всадников есть палач, а слух об этом быстро разнесся по местности, он попросил их оказать услугу ему и его односельчанам. И вся группа верховых, недолго думая, сворачивает со своего пути и движется к другому кишлаку, расположенному неподалеку, в двух часах езды.

– А Султан тебе хорошо платил за твою работу, скажи по правде, сколько?.. Ты все молчишь!.. Если мы с тобой, старик, немного поедем по белу свету, то сможем хорошо заработать. Что ты на это скажешь?.. Может, заключим сделку. Ты еще популярен в этих краях, тебя помнят и страшатся! – делает шутивное заключение первый всадник и пытается подсчитать предстоящие барыши.

– Неужели ты и есть тот самый палач, дьявол в человеческом обличье. И мне удалось тебя пленить, – смеется всадник. – Никто бы не поверил, случись это лет десять тому назад. Тебя страшились многие, говорят, сам Султан побаивался оставаться с тобой наедине. Поговаривали, что люди теряли рассудок, когда ты приближался к ним, чтобы исполнить приговор. Это правда? – всадник продолжал беседу и казалось, он говорит с самим собой.

В кишлаке, в который они в скором времени въехали в сопровождении человека на верблюде, они увидели возмущенную толпу. Взяв в круг улочку у дома имама, жители кишлака были явно взбуроражены каким-то чрезвычайным событием.

– Смерть!.. Смерть ему!.. – громко скандировали люди.

Тем временем сопровождающий их человек на верблюде поведал всадникам о случившемся у них в кишлаке чрезвычайном происшествии. Этой ночью им удалось задержать у себя конокрада. Несчастный попался глупо, получив копытом лягнувшей его лошади по голове, он потерял сознание на конюшне, где его и обнаружил поутру хозяин.

Первый всадник пытался было умиротворить людей, выступив третейским судьей, и разрешить этот самосуд по совести и справедливости, но толпа негодовала все больше и больше.

– У нас каждый месяц уводят то лошадь, то быка.

– Смерть конокраду...

Люди, взяв в кольцо всадников, стали на них наседать с требованием казнить вора. И всадникам ничего не оставалось, как привести приговор в исполнение.

– Сделай то, что они просят, и уйдем отсюда скорее... – приказал первый всадник одному из своих людей.

– Самому небось не с руки, страшновато... – тихо, едва слышно, проговорил пастух.

– Ты упрекаешь меня в трусости, старик, ты говоришь, что я не смогу... – у всадника перехватило от негодования дыхание.

– Постой! – он остановил человека, готовившегося казнить вора. – Я сам! Сам, чтобы он видел, чтобы вы видели, чтобы все видели! Мне не трудно убить человека, тем более, если он обычный вор и конокрад.

Выхваченная из ножен сабля сверкнула в лучах заходящего солнца, на секунду другую замерла и просвистела в воздухе, глухо ударив по шее обреченного. Толпа облегченно вздохнула.

– Баракалла!.. – одобрительно закачали головами старики.

– Молодец!..

Но едва они покинули кишлак, как первый всадник буквально вылетел из седла, уткнувшись головой в еще горячий песок. Его тошнило долго и мучительно.

– Наверно, я съел лишнего... – он пытался оправдаться перед своей свитой, перед пастухом, перед самим собой.

Его стошнило еще раз и так сильно, что на глазах выступили слезы. И чтобы скрыть свою слабость, первый всадник спешно натянул на лицо платок.

Уже стемнело. Навстречу всадникам попала небольшая стоянка кочевников. Путники вроде бы обрадовались людям, хотели сделать остановку на ночлег у яркого костра, как вдруг один из них отчаянно вскрикнул, когда к нему приблизился кто-то, одетый в мешковатую одежду с колокольчиком на груди.

– Проклятье!.. Прокаженные!.. Прокаженные!..

– О, Аллах, за что ты гневаешься на нас, за что насылаешь проклятье!..

– А-а-а!..

И обезумевшие от ужаса и страха всадники, напролом, через толпу отверженных, бежали прочь. Они скакали долго. Через некоторое время остановились, чтобы перевести дыхание.

– А где палач, где старик, черт бы вас побрал? – первый всадник был в гневе.

– Кто его оставил, назад, все назад!.. Искать!.. За ним!..

– Но там прокаженные!.. Там наша смерть!..

– Назад, сукины дети, назад, или ваша погибель сейчас будет на острие моего меча!

С криком и воплями они устремляются обратно. Вот уже сабли заблестели в их руках, натянулись тугие луки: стойбище отверженных кочевников было обращено в прах, сожжено и уничтожено.

Старого пастуха нашли неподалеку, – он свалился с лошади и, связанный, тихо лежал, уткнувшись лицом в песок.

– Проклятье, о Господи, чем я разгневал тебя, за что меня постигло такое наказание! – один из всадников, срывая с себя одежду, падает, извиваясь, на землю.

– Что случилось?.. Не ори как резанный!..

– На мне кровь, на мне кровь одного из прокаженных, он до меня дотронулся. Он меня осквернил своей кровью... Я проклят, теперь я проклят, проклят навсегда... О, Господи!..

Поднявшись на ноги, обезумевший человек бросается за помощью к своим товарищам, но те лишь отступают от него в страхе.

– А-а-а!.. – с отчаянным воплем, сдирая с себя одеяние, несчастный убегает прочь, в темноту, и еще долго по округе разносится его, постепенно затихающий, душераздирающий крик.

Ночь. Всадники молчаливо расположились на привал. Развели костер.

Этой ночью первому всаднику приснился сон, как будто бы пастух ночью попытался убить их всех. Он просыпается в холодном поту, но, осмотревшись, убеждается, что это всего лишь сон, кошмарный сон. Сон из его далекого детства. Более он не мог заснуть. Встал, проверил лошадей, подобрал хвороста в догорающий огонь.

Ранним утром всех разбудил истошный вопль одного из всадников.

– Змея, змея!..

– Что, где, какая змея?..

– Змея, меня укусила эта гадина!.. – мужчина стоял перед своими товарищами бледный, держа в одной руке извивающуюся гадюку. – Я умираю!..

– Увели, коней увели, будь трижды проклят тот, кто это сделал!

– Где лошади? Это ты все проспал!.. – первый всадник в гневе сбил с ног укушенного.

– Я лишь слегка задремал, а тут эта змея... – падает, теряя сознание.

– Где этот ворюга, где этот трижды несчастный?.. – первый всадник обнажает саблю. – Это он увел наших лошадей. Где он?

– Во всем виноват старик! – другой всадник указывает кнутом на пастуха.

– Как только он появился среди нас, нас стали преследовать напасти, одна за другой. Змеи, прокаженные, вот и коней теперь потеряли. Проклятие его следует за нами по пятам. Убить его!

– Нет, никто не посмеет этого сделать, это говорю вам я. Вы, верно, забыли, что за его голову нам уже заплачено, или кто-то желает теперь расплатиться за него своей собственной... – первый всадник угрожающе выступил вперед.

В пути их застает пыльная буря. Они сбиваются с дороги и теряют друг друга из вида. Пастух оказывается рядом с первым всадником, и вдвоем им удастся переждать ненастье. Отсутствие воды, сильная жара и жажда в конце-концов приводят к тому, что путники, обессиленные, валяются с ног.

Арал, этот спасительный оазис посреди пустыни, своим близким дыханием быстро приводит их в чувство. Пастуху удается доташить к воде всадника и смочить ему губы пусть солоноватой, но все же живительной влагой. Редкие рыбаки на берегу помогают пришедшим из солончаков людям. Вскоре сюда же из пустыни выбираются еще двое, отставших и потерявшихся во время бури. Напоив и накормив всех, пусть и скудной, но все же пищей, рыбаки оставляют путников у себя на ночлег.

Пастух не спал. Он лежал на спине и всматривался в далекое небо, усеянное сплошь яркими звездами, когда к нему подошел его спутник.

– Ты не подумай, что мне стало жалко того негодяя, или я испугался чего-то. Я воин, я побывал во многих сражениях, мне неведом страх, – он замолчал на некоторое время. И вдруг тихо разрыдался.

– Ты прав, я никогда и никого не убивал, этот человек был первый. Я... я был одержим, одержим страхом, страхом... – первый всадник задумался, ненадолго. – Я часто вспоминаю своих родителей, мать и отца. Они умерли, когда я был еще совсем маленьким, их казнили по повелению Султана, они погибли от твоего меча. Я воспитывался у придворного ученого и поэта, и с детских лет мне прививали усердие в красноречии, стихосложении, в разных науках... Я искал тебя, хотел найти тебя, но ты был неуловим. Я хотел убить тебя, и каждый раз в мыслях я представлял,

как когда-нибудь придет время, и я всажу тебе в сердце нож. Но это было тогда, а теперь я не хочу мести. Мне страшно, страшно от того, что я сделал и что могу еще сотворить... Там, куда мы тебя ведем, тебя ожидает страшная смерть, погибель, хочешь, я отпущу тебя прямо сейчас... – он разрезает ножом веревки на руках и ногах пастуха.

– Беги, уходи, пока все спят, уходи, прощу тебя...

– Сынок, спасибо, хвала Аллаху, раз есть еще на свете достойные люди, но мне некуда бежать.

– Ты умрешь!..

– На все воля Аллаха, доверимся ему. Вот увидишь, что все образуется, и меня отпустят с миром, ибо я действительно невиновен.

– Как знаешь, но подумай до утра, я не буду тебя связывать, ты свободен.

Неожиданно всадник приподнялся, и ему стало стыдно за свою минутную слабость.

– Еще в далеком детстве на ночь мне рассказывали сказки и пугали тобою. Говорили, что у тебя на голове растут рога, что у тебя вместо ног звериные лапы, а позади висит хвост, что глаза у тебя горят адским огнем, и изо рта ты изрыгаешь пламя. Я всегда боялся твоего призрачного присутствия. Ты являлся мне в страшных снах, и помню, я часто просыпался в страхе, весь бледный, покрытый холодным потом. Меня предупреждали, что ты очень опасен, что ты хитер и силен, но теперь ты всего лишь жалкий, слабый и трусливый старик, который забыл, что родился когда-то мужчиной. И мне становится стыдно за свои детские страхи.

Дальняя дорога, наконец, подходит к концу.

Заметно поредевшая группа пеших всадников приближается к заброшенной могиле какого-то святого. Здесь, под тенью большой чинары, у развалин древней усыпальницы, их поджидает несколько человек, во главе которых восседает старший в черной чалме. Лицо его спрятано под маской.

– Почему так долго, куда запропастились?.. – человек в черной чалме не скрывает своего раздражения.

– Дорога далекая, тяжелая. Но не важно, что долго, главное, мы не с пустыми руками, – первый всадник почтительно склоняется перед своим важным собеседником.

После этого своеобразного обмена приветствиями всадники передают своего пленника, за что получают долгожданный расчет: туго набитый золотыми монетами мешочек.

– Думаю, этого будет достаточно?.. Ну, здравствуй, палач, давненько мы с тобою не виделись, – обращается к пастуху человек в черной чалме.

– Вы меня с кем-то путаете, уважаемый, я всего лишь пастух, я с детства пасу овец, вот уже шестой десяток лет, – голос пастуха прерывается. – Моя семья небольшая: я, мальчонка мой, внук малый, и жена. Один сын погиб на войне, другой не вернулся, так и пропал, невестка отошла в мир иной в горячке, да сохранит их души Аллах, милостивый и милосердный! Где Султан, а где я, чернь земная, мы люди маленькие...

– После смерти Султана все его прислужники разбежались кто куда, и мне стоило больших трудов найти многих из них, хвала Аллаху! Найти и предать казни, той, что все заслужили. Теперь же очередь за тобой, палач! Но у нас с тобой отдельные счета, не так ли. На твоих руках кровь моих родных, близких, моих соратников.

– Султанский выкормыш, скольких ты загубил на плахе, сотни, тысячи?! – с резким обвинением выступает один из сидящих под чинарой мужчин.

– Моя жена больна и едва передвигает ноги, мой внук еще совсем малый, несмышленный, кто о нем позаботится, кто его воспитает, кто поднимет на ноги... – пытаюсь всех разжалобить продолжал говорить пастух.

– Он в дороге твердил то же самое... – в разговор вмешался один из всадников.

– Где его семья, почему ты не притащил их всех ко мне? – человек в черной чалме грубо обратился к первому всаднику.

– С женщинами и детьми я не воюю, шейх. А по нашему уговору был только он, один. За свои деньги вы его и получили. Мы в полном расчете, не так ли?

– Вспомни, как год назад в нашей округе был большой мор, почти все бараны и коровы сдохли. Моя семья пухла от голода, а ты жил припеваючи. Съездил в город и вернулся с богатыми дарами. Новую отару привел, зерно, муку... – неожиданно в разговор вступает лысоватый пучеглазый мужичок в поношенном ватном халате, надетом прямо на голое тело.

– Это ты, сосед? Хвала Аллаху! Скажи же им, что я простой чабан, что мы с тобою пасем скот. Мы же соседи.

– Вместе, вместе, заладил свое. Когда ты у нас появился? Лет пять назад. Пастух, говоришь? Да ты не знал толком, как растить баранов, не знал, как доить коров. Всему тебя я обучал, забыл? Баранов продавать и то не умеешь, хорошо же ты их продавал, если отдавал всегда за бесценнок, а возвращался из города с мешками полными добра. Откуда у тебя было столько золота?

– И это говоришь ты, сосед, или в твоём сердце таились всегда одно лишь притворство и черная зависть? Не я ли кормил в голодный год всю твою семью, не я ли подарил тебе с десятков овец, корову и много другого добра. И ты еще смеешь меня обвинять, о, где же справедливость на этом свете?! И это все вместо благодарности. О каком золоте ты говоришь?.. Я беден, как и ты. О, Аллах, милостивый и милосердный, вразуми этих людей... – пастух с мольбой обращает свой взор к небу.

– О каком золоте? Беден? Да ты посмотри на свои сапоги, они стоят дороже, чем дюжина баранов, откуда они у простого чабана, ответь мне?

– У тебя короткая память, старик, неужели ты все забыл. Вспомни, как клеймил меня на дворцовой площади, – мужчина в черной чалме срывает со своего лица маску, под которой скрывался уродливый рубец. – Ты, верно, забыл, как повесил моего старого отца, как сажал на кол моих братьев. О тебе говорят, что ты и своего сына предал лютой смерти за измену твоему государю. Детоубийца!

– Вспомнил о жене, а моя жена была на сносях, когда ты вспорол ей живот. Моему ребенку, который так и не увидел белого света, ты оторвал голову прямо в утробе матери и бросил на съедение дворцовым псам. Ты думал, что с годами все это забудется? – грозно выступил еще один обвинитель.

– А моих соплеменников ты сжег живьем. Ты сжигал их сотнями... потому что они оказались другой веры и поклонялись другому, своему, богу, – горячо поддержал обвинение другой мужчина.

– Вы, двое, – мужчина в черной чалме подзывает к себе двух других. – Вы знаете, что надо делать...

Пастух обреченно опускается на землю под деревом, куда его приволокли всадники. Взгляд его, затуманенный, растерянный, вдруг становится отстраненным. Какое-то новое воспоминание всплыло в его памяти.

Это произошло прошлой зимой. Мимо пастушьей кибитки проезжала скрипучая арба. Битком забитая скарбом, грязными детьми, женщинами. Мужчины шли рядом, пешие, изможденные дальней дорогой. Степенно ступал впереди всех старик с густой белой бородой.

– Мир Вашему дому, хвала Аллаху!

– Спасибо, куда путь держите?

– О, добрый человек! И не спрашивай! Мы из славной Бухары. А путь держим куда, и сами не знаем куда. После того как наш Султан, да успокоит и простит Аллах его душу, пал от рук наймитов, весь город который уж месяц в огне пожариш. Повсюду грабежи, убийства. Смутные времена настали. Мы едва унесли ноги. Не сегодня-завтра и здесь будет то же самое. Уходите вместе с нами.

– Я простой пастух, что мне с того, что происходит в городе. Мне некого опасаться. А имущество мое – только эти бараны. Сегодня есть они, завтра народятся другие. На все воля Аллаха! Возьмите себе одного, детей накормите в дороге...

– Благодарим тебя, добрый человек!

Старик что-то негромко сказал путникам, после чего двое молодых мужчин радостно побежали в сторону загона и выбрали самого жирного черного барана.

Путники удалились под скрип своей покачивающейся из стороны в сторону арбы. Пастух некоторое время смотрел им вслед. Затем перевел тревожный взгляд в сторону затянутого черным дымом горизонта. Бормоча про себя какую-то молитву, совершил руками ритуальное движение. – Аминь...

Нестерпимая боль от удара плетью вернула пастуха к реальности. Мужчины в стороне о чем-то шумно спорили между собой.

Еще одно воспоминание, другое, окутывает своей теплотой оцепеневшего пастуха. Он вспомнил, как несколько лет назад пришел в эту местность вместе со своей немногочисленной семьей. Жена, невестка на сносях... Как они обустроивали свое новое невзрачное жилище...

Боль от сдвинувшего шею аркана снова вернула его к действительности.

– Теперь ты похож сам на себя! – один из мужчин нахлобучил ему на голову грязную мешковину, с наспех вырезанными в ней прорезями для глаз. – Палач! Хотя ты теперь больше смахиваешь на шута...

Еще одно воспоминание больно ранит его память. Пастух вспомнил, как родился его внук, как он принимал роды, как умерла невестка, не выдержавшая мучительных предродовых схваток.

Вскоре к чинаре подвели пятерых обреченных, связанных, с мешками на головах, мужчин. Поставили их на колени. Человек в черной чалме подвел к ним палача.

– У меня к тебе предложение, палач. Вот перед тобой приговоренные. Они сотворили в жизни множество грехов, и их за это полагается казнить. Я прошу тебя, убей одного из них, на выбор, хотя бы вот этого, и этим самым ты сохранишь жизнь и себе, и другим, и сможешь после этого вернуться к своему внуку, жене и барашкам. Выбери. И еще ты получишь за свою работу золото, – с этими словами он бросает к ногам пастуха туго набитый мешочек. – Не желаешь?.. Воля твоя... Но смерть одного из них спасет многих, или же погибнут все.

– Тебе можно верить? – пастух пристально, с недоверием, смотрит на человека в черной чалме.

– Клянусь Аллахом!

– Кто ты, и что сотворил, несчастный, откройся передо мной... – спрашивает палач у одного из приговоренных. Тот в ответ лишь мычит что-то бессвязное.

– У них вырваны языки, они ничего не смогут тебе ответить, но уверяю тебя, это люди, сотворившие огромное зло. Их следует покарать.

– И для этого меня сюда привели? Не велика ли честь? Я не верю тебе!..

– У тебя нет выбора, старик! Ну, раз не веришь, тогда этот человек умрет сейчас, первым, Аллах свидетель! – и с этими словами человек в чалме молниеносным движением руки вонзает копьё в спину одного из несчастных. – Пожалуй, умрет только он, остальных я помилую, – смеется.

Его смех поддерживают остальные. Четверо приговоренных встают с колен. Им развязывают руки, снимают с них мешки. И они подхватывают издевательский смех своего предводителя. Они с ним заодно.

– Теперь, пожалуй, ты можешь взглянуть на жертву, думаю, это будет интересно, палач. А тебя мы повесим здесь же, рядом.

Сняв мешок с головы убитого, пастух пристально всматривается ему в лицо и в ужасе вскрикивает. Он узнает до боли знакомые черты своего младшего сына, сына, которого он давно считал потерянным для себя. Бережно подняв бездыханное, но еще не успевшее остыть тело юноши, пастух прижимает его к своей груди.

– О, сын мой, прости, прости своего несчастного отца... Я погубил тебя, мою отраду, мою надежду!

И воспоминание, еще одно, смертельной болью отозвалось в глубине души. Он вспомнил, как много лет назад во дворце Султана ночью его подкараулили убийцы. И вот уже когда над ним был занесен меч возмездия, один из убийц осветил ему лицо факелом и в ужасе отпрянул от него, лишь отчаянно воскликнув: «Отец!» То был младший сын палача.

– Как ты смел поднять на отца руку, несчастный?! – палач наотмашь в гнев ударил сына по щеке.

– Отец?! Ты мой отец! – сын плача, с мольбой упал перед ним на колени. – Будь ты проклят, отец, ты исчадь ада, порождение дьявола, ты, несущий миру одну лишь смерть, будь проклят! Ты, обрекший своего сына, моего брата, на смерть, будь ты проклят...

Ногой с отвращением оттолкнув от себя рыдающего юношу, палач прошел мимо него, мимо остолбеневших убийц.

Пастух с мольбой обращает свой взор к небу.

– О, Господи! Во славу тебе и именем твоим я вершил правосудие!

Слезы безудержно текут по щекам старика. Он весь преобразился, плечи опустились, тело как-то сразу обмякло, не то под тяжестью мертвого тела сына, не то от нахлынувших на него чувств.

– Я всю свою жизнь был твоим карающим мечом, Господи! Всю свою жизнь карал неверных. Не достаточно ли было жертв, принесенных мною тебе? Мои дети, мой старший сын, которого я собственноручно принес на твой жертвенный алтарь. За что же ты отнял у меня еще одного, младшего, мою кровинушку? Мне казалось, что, отлучив его от себя, я сохранил ему жизнь... Возьми теперь мою грешную душу и вдохни огонек жизни в это тело... Господи!.. Сотвори чудо!.. Где твоя благодарность за долгую и верную службу тебе?.. Мне было уготовано место в раю, но что я получил взамен?.. Я проклят?.. Почему же ты молчишь?.. Или ты хочешь сказать, что загубленные мною души были невинны, чисты и безгрешны?.. Что все сорок лет я состоял на службе у Сатаны?..

Но в ответ ему в воздухе зловеще повисает звенящая тишина. Рядом беззвучно проползает ядовитая гюрза. Черный скорпион замирает в угрожающе смертельной позе.

– Кончай его! – один из всадников ловко перекидывает конец аркана через толстую ветвь дерева и натягивает канат.

– Прими же свою смерть достойно, все мы смертны, будь мужчиной, в конце концов...

Кто-то начинает негромко произносить слова молитвы. Остальные, опустив головы, молча слушают.

Лысоватый мужичок тем временем жадно хватается за ноги казненного, пытается стянуть с того сапоги.

– Зачем добру пропадать, а мне еще сгодятся. Как раздуется покойник, так ведь и не стянешь с него...

Дальнейшие события разворачиваются стремительно.

Грузное и обмякшее тело пастуха буквально на глазах наливается силой. Его ссутулившиеся плечи выпрямляются, ноги вновь обретают богатырскую крепость.

– Не тронь! – взгляд пастуха вспыхивает каким-то необъяснимым огнем. В его глазах уже нет места страху. Казалось, это одеяние палача чудодейственным образом преобразило его, или, быть может, смерть сына. К нему возвращается его былая уверенность, сила и мужество.

– Не тронь, сосед, не надо!.. Не тронь сына...

Широкая ладонь пастуха крепко, смертельным объятием, обхватила горло мужичка и оторвала его от земли. Тот беспомощно захрипел и вскоре, затихнув, повис в воздухе.

Всадник с арканом пытался было крепче стянуть на шее пастуха петлю, но тот свободной рукой перехватил аркан, стягивающий шею, и резким, сильным рывком буквально сбросил всадника с лошади. Остальные стояли в каком-то оцепенении.

– Сорок лет служил я верой и правдой моему Государю. Сорок лет по его приказу, именем Великого Султана и во славу Господа нашего, милостивого и милосердного, я всюду карал неверных. Карал всех, преступивших закон, кто бы они ни были. Закон и порядок, ибо этим была сильна и прочна власть Султана. Я был безжалостен к его врагам, к врагам Веры. Я вешал, колесовал, четвертовал, выжигал каленым железом всякую ересь, рвал языки, вырывал селезенку и печень у еще живых, распинал, сжигал и сажал на кол. Скольких я казнил, спрашиваешь ты у меня? Сотни? Их не счесть! Помню, я обезглавил тысячу неверных только за то, что они отказались склонить свои головы перед Султаном... Слышите? Передо мной на плахе склоняли свои головы Цари! Всякий, кто единожды видел меня, кто только обращал на меня свой взор, тот же час терял свой рассудок и волю. Я вселял в их сердца страх и ужас. Что там говорить, если сам Великий Султан опасливо сторонился меня. Я не пожалел своего старшего сына, когда он поднял меч и выступил против моего Государя, вот этой вот рукой я срубил ему голову и преподнес Султану. Я помню тебя, о чужестранец! Ты – гроза пустынь, разбойник и злодей. Ты обвиняешь меня в совершенных преступлениях. Но не ты ли жег в великом множестве кишлаки, грабил и убивал правоверных? Я помню, как выжег на твоём лице позорное клеймо раба, ибо ты ничтожный раб, душой и телом раб своего господина, осмелился осквернить светлое имя Государя. Помню и тебя, презренный казначей! Султан приказал тебя казнить за казнокрадство, но ты трусливо бежал из-под стражи, и за это поплатились жизнью твои домочадцы. Я помню, как мучилась перед смертью твоя беременная жена, помню ее горячую утробу, помню, как хрустнула в моих руках шейка твоего ребенка. Помню, как собаки жадно разорвали его тельце. Ибо таково было повеление Султана! Ибо я вершил Высшее правосудие! Но кто Вы такие? Вы, жалкие людишки, вы, порождение шакала и гиены, осмелились поднять на меня руку. Вы, у которых руки по локоть в крови. Вы, лживые и алчные. Вы, преступившие закон. Вы, проклятые небом. И вы осмелились меня, трижды проклятого, предать своему жалкому суду, но этим самым вы обрекли самих же себя на смерть лютую! Когда-то я принес страшную клятву – не проливать более крови, поклялся на священной книге, но теперь я от нее свободен...

– А-а-а-а!..

С отчаянным криком с саблей наголо на пастуха бросается один из всадников. Но тут же падает, сраженный ударом копья. Та же участь постигает другого. Рука пастуха крепко сжимает копьё и бьет без промаха.

– Шайтан, шайтан... Это сам Шайтан! – двое других в страхе бросаются прочь.

Но их настигает скорая смерть. Взяв у сраженного им воина лук, пастух мечет им вслед смертельные стрелы.

И еще долго над местом, где произошло побоище, разносились стоны умирающих. В небе уже задолго до этого кружились стервятники, предвестники смерти. Одиноким шакал, казалось, случайно забрел в эту местность и теперь терпеливо выжидал в стороне своей доли в предстоящем пиршестве.

Громко заржал конь. Палач обернулся и встретился взглядом с первым всадником.

– Старик! Я безоружен, ты это видишь.

С этими словами всадник бросает свою саблю на землю. Следом за оружием он брезгливо швыряет наземь, рядом с телом человека в черной чалме, кошель с деньгами.

– Думаю, ты не станешь убивать беззащитного... Прошай, палач!.. Ты научил меня многому, ты подсказал мне, как жить дальше, и я постараюсь никогда не совершать тех ошибок, которые сотворил ты в своей грешной жизни. Удачи тебе не желаю, ибо удача давно отвернулась от тебя. Но моя жизнь еще продолжается. Мое призвание в другом. Прошай! Хотя, кто его знает, все в этом мире непредсказуемо. Может быть, когда-нибудь и я окажусь под твоим топором. Это известно одному Аллаху!..

Вечерело.

У свежей могилки, причитая, скрючился пастух.

– Да ниспошет Аллах Вам свою благодать, мир Вам! – слепой дервиш, своей ключкой нащупывая дорожку, приблизился к месту скорби и печали.

– Чем ты опечален, сын мой, каково твое горе?

– Чем?.. Уйди старик, пооди прочь, оставь меня...

– Уйти?.. Но, кажется, я узнаю этот голос! Я узнал бы его из тысячи голосов, из всех голосов во вселенной.

– Откуда ты можешь знать меня, проклятого и забытого?..

– Хвала Аллаху!.. Много-много лет тому назад человек с твоим голосом обрек меня на вечные мучения и страдания... Ты уже и забыл про меня, коротка же твоя память, палач, если ты не помнишь, как выжигал мои глаза...

– Я?.. Глаза?.. Ты о чем старик?.. Постой, постой!.. Дай мне поглядеть на тебя... Я помню, хорошо помню тот день... Ты не кричал и не просил, как другие, жалобно о пощаде, ты был несговорчив, не так ли, старик? Я выжег тебе твои глаза за то, что ты единственный, кто осмелился без страха смотреть на Государя, за то, что ты единственный, кто без страха осмелился перечить ему, за то, что ты единственный, кто без страха сказал ему правду...

Дервиш задумчиво опускает голову. Казалось, он погружен в свои воспоминания.

– Послушай, старик, возьми этот меч, возьми его крепко-накрепко и пронзи им мое сердце. Ведь ты для этого сюда пришел. Ты соврешь, если скажешь, что не мечтал все эти годы о мщении?

– Наверное, ты говоришь правду, палач, я мечтал о мести. С того самого дня, со дня своей казни я мечтал только об одном. Все эти годы я жил только этой мыслью. Я мечтал найти тебя и покарать. Долгих сорок лет я слепо скитался по свету. Я обошел множество стран. Но годы скитаний погасили мою ненависть, как некогда ты погасил мой взор. А теперь хочу тебе лишь одно сказать, живи с миром и прощай!..

– Прощай?! Ты уходишь просто так!.. Убей же меня!

– На все воля Аллаха, милостивого и милосердного!

– Убей меня, старик, убей! Отомсти! Я лишил тебя великой радости видеть, видеть диковины природы, красивый закат, яркие звезды на ночном небосклоне, улыбку любимой женщины!.. Убей меня!..

– Долгие годы странствий научили меня по-новому видеть мир. Если ты называешь великой радостью видеть унижения и бедствия, которые обрушиваются на головы людей, голод, нищету, болезни, то мы с тобою говорим на разных языках, палач. Я чувствую тепло солнечных лучей и знаю, что настал день, я ощущаю зыбкий холодок и знаю, что настала ночь. Я слышу мерцание далеких звезд, радостный девичий смех, шум ветра... – он приближается к палачу и дотрагивается до его глаз. – Я вижу твои глаза и вижу слезы на твоих щеках, но это слезы не радости, а великой печали и отчаяния. Прощай, палач! На все воля Аллаха, милостивого и милосердного!

– Бог? Ты говоришь Бог? Что есть Бог?.. Вернись назад, старик!

– Что постигло тебя из хорошего, то – от Аллаха, а что постигло из дурного, то – от самого себя. На все воля Его, милостивого и милосердного! Пусть ненависть и злоба в твоём сердце уступят место вечной любви. И тогда ты прозреешь, и тогда откроется тебе истина. Аминь!

– Прозрею? Ты говоришь мне, что я прозрею. Слепой говорит зрячему. Ха-ха-ха... Мне нужно было вырвать и твой мерзкий язык, старик, чтобы ты не говорил чепухи... Мне нужно было залить в твою глотку расплавленный свинец...

– О, Аллах! Прости этому несчастному все его страшные прегрешения. Вразуми его, наставь эту заблудшую душу на путь покаяния, всепрощения и вечной любви, Аминь!..

Во имя Аллаха милостивого, милосердного!

Хвала Аллаху, Господу миров,

Милостивому, милосердному,

Царю в день суда!

Тебе мы поклоняемся и просим помочь!

Веди нас по дороге прямой,

По дороге тех, которых Ты облагодетельствовал, –

Не тех, которые находятся под гневом, и не заблудших. Аминь!..

– Замолчи!.. Замолчи!..

– Держись пути прощения, и побуждай свое сердце к добру...

– Замолчи...

Пастух, не глядя, взмахивает мечом, и грозный железный клинок со свистом рассекает воздух. Но рядом с ним никого нет. Эфемерный слепой дервиш исчез так же внезапно, как и появился.

– Я схожу с ума! ... – сквозь больно стиснутые зубы произносит пастух.

– Прозреть, старик сказал, что я должен прозреть. Любовь и всепрощение... Я должен прозреть... Прозреть?! Не так ли?.. И тогда откроется мне истина...

С этими словами пастух совершает над собою жестокую экзекуцию. Он ослепляет себя. Крик, полный отчаяния и непереносимой боли, разносится далеко-далеко по округе.

Искаженное судорогой боли лицо пастуха обращено окровавленными пустыми черными глазницами к небу.

* * *

Усталый всадник в поисках ночлега въезжает в горный кишлак. И опять он оказывается в эпицентре человеческих страстей. Толпа обезумевших людей пытается буквально растерзать двух, совсем еще юных, в страхе прижавшихся друг к другу юношей. Приглядевшись, всадник различает в одном из них переодетую в мальчика девушку.

– Смотрите, люди, сам создатель посылает нам свой знак. Это палач, палач самого Султана! – кто-то из кишлачных узнает всадника. – Это тот самый человек, который казнил конокрада у наших соседей. Я вам рассказывал. Баракалла...

Всадника быстро вводят в курс происходящего. Дело в том, что у старого имама три жены, и он задумал взять себе еще одну, четвертую, совсем юную. Но неблагодарная невеста решила сбежать от законного супруга в первую же брачную ночь со своим возлюбленным. И их поймали. К тому же она осквернилась, надев мужское одеяние. Люди требовали смерти для влюбленных. Только смерти.

– Да, да, да... – соглашаясь, кивает головой имам, древний столетний старикашка, которого с двух сторон под руки поддерживали двое простолюдинов.

– За прелюбодеяние полагается смерть!

Раздумывать у всадника не было времени, решение созрело в его голове быстро, одно и единственное; он соглашается вершить правосудие.

Приблизившись к влюбленной паре, он лишь спросил у парня:

– Ты едешь верхом?

– Да! – отвечает тот машинально, явно не понимая сути вопроса, видно, что он сильно напуган, напуган не менее, чем его юная подруга.

Быстрым и ловким движением всадник перерезает ножом веревку, которой были связаны обреченные на смерть. Его лошадь рядом с ним, и он незаметно передал юноше поводья.

– Скачите, скачите и не оглядывайтесь, если хотите жить, если хотите испытать счастье, скачите прочь, и да поможет Вам Аллах!

Толпа не сразу смогла взять в толк, что же произошло. Парень лихо вскочил в

седло, легко подтянул к себе девушку. Крепкий жеребец без труда перемахнул через невысокую изгородь и исчез в темноте.

– Он в сговоре, в сговоре с шайтаном, он помешал исполнению воли Всевышнего!..

Люди окружали всадника, молча брали его в плотное кольцо. Так же молча стали они поднимать с земли камни. По их гневным лицам было видно, что милосердия и сострадания от них ждать не стоит.

Пеший всадник без всякого страха опустился на землю и уселся, скрестив ноги. Перед тем, как на него обрушился град камней, он успел лишь раз поднять свой взор к небу, к звездам и широко улыбнуться, улыбнуться своей последней, одному ему ведомой далекой мечте...

* * *

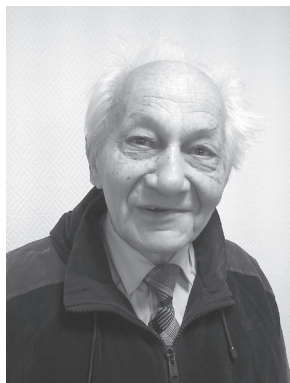
Безмятежны и широки степные просторы. Где-то вдаль дымчатой пеленой тянутся горные цепи. Жаркое летнее солнце устало клонится к закату. Одинокая орешина посреди этой пустынной местности величаво раскинула свои большие, полные плодов, ветви. Со стороны гор волной накатывается множество черно-белых точек. При ближайшем рассмотрении видно, что это большая отара овец. Повсюду слышно блеянье баранов, предупреждающий лай сторожевой собаки, послушно идущей рядом с маленьким пастухом.

Вся эта пестрая и шумная компания движется в сторону одинокой и, на первый взгляд, казалось, заброшенной пастушьей кибитки. Но вот откидывается грязный войлок, прикрывающий покосившийся дверной проем, наружу выходит сильно ссутулившийся старик и слепо всматривается в сторону гор.

С длинным посохом в руках, ошупью, он делает несколько робких шагов. В какой-то момент останавливается. Прислушивается к приближающимся знакомым и родным звукам, и на обожженном солнцем израненном лице слепого появляется некое подобие улыбки.

поздравляем!

Анатолий ЕРШОВ

*И в творческом порыве так неистов,
Есть идеал, что вечности искал,
Нашел, поверил – миг творца продлится.
Будь счастлив, благородный аксакал!*

София Файзиева «Юбиляру»

13 января 2012 года исполнилось 80 лет известному журналисту, писателю, критику Анатолию Андреевичу Ершову.

Вся многолетняя трудовая деятельность Анатолия Андреевича неразрывно связана с литературой. После окончания Таллинского политехнического института он работал в органах печати (ТАСС). Переехав в Ташкент, долгое время заведовал отделом публицистики в журнале «Звезда Востока», в том числе и в годы его наивысшего расцвета, когда тираж журнала составлял порядка 200 тысяч экземпляров. Анатолий Андреевич воспитал не одно поколение публицистов, его вклад в развитие русской литературы в Узбекистане трудно переоценить.

Анатолий Ершов сочетает в себе талант журналиста и научного исследователя, его научно-художественные произведения публиковались в многочисленных периодических изданиях, среди которых «Знамя», «Радуга», «Вокруг света», «Знание – сила», «Наука и жизнь», «Звезда Востока», «Шарк Юлдузи», «Йылдыз», «Фан ва турмуш». Его очерки по истории, науке и природе опубликованы в журнале «Uzbekistan Today».

Анатолий Андреевич также известен как переводчик и составитель нескольких сборников, вышедших в Узбекистане.

А.А. Ершов автор книг: «Будущее дает интервью» (1971), «Солнце служит человеку» (1972), «Пять шагов к тайне» (1976), «О чем молчат горы» (1977), «Грани поиска» (1980) и некоторых других. Им также написано несколько научно-фантастических повестей – «Тайна Центавра», «Проект Глэдис».

По его сценариям сняты документальные и научно-популярные фильмы – «Зеленое молоко», «Сель, остановись!», «Ледник Абрамова», «Загадки горных озер», «Шедрые поля», «Дары Узбекистана».

Анатолий Андреевич и сегодня для многих молодых журналистов является примером писателя поистине увлеченного своим делом, неутомимого, тщательно отбирающего факты и проверяющего источники. Его материалы всегда точны, лаконичны и доступны даже для неподготовленного читателя.

Общественный совет и редакция журнала «Звезда Востока» присоединяются к поздравлениям друзей и коллег Анатолия Андреевича Ершова и желают ему здоровья, благополучия и активного долголетия.

КАК Я СТАЛ ПОЛИГЛОТОМ

В нашей семье огромная радость – родился сын! Когда прошло опьянение первых месяцев, нас постигло разочарование: мы не могли объясниться с ребенком. Малыш что-то без умолку лепетал на своем языке.

Только к семи месяцам мальчик произнес первое знакомое слово – «папа». Я, разумеется, торжествовал. Мама ходила грустная. Через две недели сын освоил и это заветное слово – «мама». Теперь в восторге была моя жена. Все же прочие слова, которые произносил ребенок, по-прежнему оставались для нас загадкой.

Однажды ко мне зашел приятель. Мы с ним давно не виделись – он был в служебной командировке в Англии. Сидим, беседуем, пьем чай. Но вот мой сын, цепляясь за сетку кровати, встает и кричит: «Тии, тии, тии...»

– Ты случайно не знаешь, чего он хочет? – спрашиваю я приятеля.

– Знаю, – отвечает он. – Чаю.

– И в самом деле. Малыш напился чаю и снова занялся своими игрушками.

– Как это ты догадался? – в изумлении спросил я приятеля.

– Я вовсе не догадался, а перевел просьбу твоего сына.

– ???

– Слово «тии» на английском языке означает «чай».

– Не хочешь ли ты сказать, что мой сын знает английский?

– Тебе лучше знать своего сына, – уклончиво ответил гость и продолжил свою беседу с мальчиком на английском языке. Уходя, он сказал мне, что мой сын знает наверняка еще несколько английских слов, но произносит их недостаточно четко.

Из газетной заметки я узнал, что в нашем городе открылись особые курсы иностранных языков. Занятия там проводятся во время сна. Это значительно ускорило усвоение иностранного языка.

«А что если мне изучить таким методом английский? – вдруг осенила меня идея. – Уж тогда-то я смогу объясниться с сыном».

Так я оказался в ночной школе. Это были не совсем обычные занятия. Перед сном мы читали незнакомый текст и его перевод. Ночью урок нам неоднократно воспроизводили с помощью магнитофона. Уже наутро я обнаружил, что могу свободно, без словаря, перевести вчерашний текст.

Занятия в ночной школе продвигались быстро. Столь же быстро рос и наш малыш. К сожалению, на английском языке он просил только чай. У меня успехи были лучше. Вскоре курсы были окончены. Экзамены я сдал на отлично. Разговорным английским я владел свободно, но по-прежнему не понимал ребенка.

«Может, он лучше знает немецкий?» – подумал я и поступил на ночной факультет немецкого языка.

Так удалось открыть, что сын знает немецкое слово «бух». Когда мальчуган просил достать со стола книжку с картинками, он всегда произносил именно это слово.

Но я не ограничился занятиями в ночной школе. Чтобы наладить контакт с малышом, я накупил различных словарей. Когда он произносил незнакомое слово, я наугад кидался к словарю и начинал искать это самое слово. Однажды мне повезло. Из эстонско-русского словаря я узнал, что «эма» значит по-русски «мама». А мой сын, оказывается иногда обращался к матери по-эстонски, называя ее «эмой».

Как-то раз я обнаружил, что сын в какой-то мере знает и узбекский язык. Когда я спросил его, хочет ли он конфету, малыш ответил «йок» – нет.

Но мой сын не ограничился использованием словарных запасов языков мира. Он смело перешел к синтезу. Когда ему нужно было обратиться к родителям одновременно, он произносил «мапа».

К двум годам сын стал все меньше увлекаться иностранными словами и постепенно их забыл. Зато мы с ним уже могли договориться на родном языке. Я же, по инерции продолжая изучать иностранные языки, стал полиглотом...

возвращение к читателю

Николай КРАСИЛЬНИКОВ

Николай Николаевич Красильников родился в 1948 г. в Ташкенте. Поэт, прозаик, переводчик. Автор книг «Глиняный соловей» (1993), «Тайна охотничьего домика» (1994), «Аистиный снег» (1996) и других. Имеет публикации в журналах «Звезда Востока», «Арион», «Нева», «Костер», «Сельская молодежь». В 1996–2001 возглавлял журнал «Звезда Востока». С 2001 г. живет в Москве.

Её Азия**О поэтессе Н. П. Буровой (1918 – 1979)**

При жизни у нее вышло шесть книг стихов. В Москве и Ташкенте: «Семиречье», «Теплые камни», «Горький колодец», «Лицом к свету», «Год аиста», «Зеленые шары». Последняя наиболее полная. Почти «избранное».

Потом вышло еще два сборника: «Тамариск» и «Цена прозрения». Но они – увы! – увидели свет уже без автора. Верю, состоятся и другие встречи с еще неизданными стихами поэтессы. А сейчас хотелось бы попытаться заглянуть в истоки ее творчества. Вернуться к тем родникам, что щедро питали на протяжении всей жизни поэзию Натальи Буровой.

До выхода первого сборника поэтессы «Семиречье» («Советский писатель», Москва, 1965 г.) у нее за плечами уже был немалый жизненный опыт. Работа на самых, казалось бы, прозаических должностях: статистик, инспектор по кадрам, чертежница, технический секретарь в различного рода ташкентских учреждениях. Булова много ездила с геологическими партиями по степям и пустыням Средней Азии, к истокам горных рек Чаткал и Угам, где и сложила свои первые стихи.

Во второй половине шестидесятых годов (1965 – 1967 гг.) в Ташкентском клубе железнодорожников существовало литературное объединение «Сигнал». Руководил им на общественных началах Виталий Сергеевич Качаев. Фронтовик, поэт, журналист, бесконечно влюбленный в литературу, одержимый открытием новых талантов.

Клуб, или дворец, и по сей день находится возле центрального железнодорожного вокзала, на правом берегу Салара, двухэтажный, добротной довоенной постройки. Во всяком случае, во время землетрясения стихия его пошадилла. А потом здание постоянно ремонтировалось, достраивалось, надстраивалось, но неизменно оставалось все таким же красивым, уютным и гостеприимным.

В те годы я работал токарем на паровозовагоноремонтном заводе имени Октябрьской революции (ранее им. Кагановича) и учился в вечерней школе рабочей молодежи. Был буквально одержим поэзией. И находил время два раза в месяц посещать эти шумные, часто сумбурные, но всегда захватывающе интересные собрания.

Здесь приходили люди самых разных возрастов и профессий: рабочие, строители, инженеры, учителя, геологи, студенты... Скрупулезно обсуждали стихи и прозу своих товарищей.

Заглядывая наперед, скажу: большинство, как и бывает в жизни, «отсеялось». Но в одном я уверен – все сохранили трепетную любовь к русскому слову, к большой литературе. Несколько «семинаристов» выпустили интересные сборники. Это поэты – Михаил Ушаков, Борис Пак, Эдуард Орловский, Виктор Ляпунов, Евгений Субботин, Рудольф Баринский, Роберт Мнацаканов, Константин Аксенов, Александр Березовский... Было еще два ярких поэта – Александр Файнберг и Николай Лукьянов. У них к тому времени уже вышли сборники: у первого – «Велотреки», а у второго – «Звездопад».

После одного из обсуждений, не очень удачного, – молодой «стихотворец» представил слишком слабые вирши – Виталий Качаев с необидной улыбкой сказал:

– Ну что ж, друзья, пора сделать маленькую паузу. Не все ж учиться на ошибках. Я вот к чему: в Ташкенте немало известных писателей и поэтов, надо бы кого-нибудь пригласить, послушать, как они работают над своими произведениями, заглянуть в их творческую лабораторию.

К нам уже приходили именитые гости: писатель В.В. Карпов, Б.С. Пармузин, З.А. Туманова, В.А. Александров, О.В. Сидельников, поэтесса Н.И. Татарина. Эти встречи были бесполезны, остались в памяти.

Кого же мы еще упустили?

– Давайте пригласим Наталью Бурову, – предложил я.

– Хорошая идея, – поддержал руководитель семинара. Он тоже был знаком с ее стихами.

– Но где взять адрес?

– В Союзе писателей, на Первомайской. Это поручение – на тебе. Итак, тема следующего нашего семинара: «Встреча с поэтом», – заключил Виталий Сергеевич.

... Наталья Павловна сначала недоверчиво, несколько растерянно, встретила «парламентера» начинающих. Но, когда узнала, что к чему, провела в свой кабинет, небольшую комнату, окном выходящую в сад: жила она на первом этаже крупнопанельного четырехэтажного дома. Все здесь было до крайности просто. Письменный стол. Два венских стула. По левую руку старинный книжный шкаф. Ничего лишнего.

Наталья Павловна подробно расспросила, кто я и откуда.

– Значит, поэты хотят организовать со мной встречу? – она заметно разволновалась. Попросив почему-то разрешения, закурила «Беломор».

Уже потом я узнал, что этот мой визит был как нельзя кстати. Наталья Павловна всегда тянулась к людям, часто чувствовала себя одинокой, забытой. И вдруг такое неожиданное приглашение. Значит, ее знают, значит, она нужна...

– Только обязательно, не забудьте, пожалуйста, придите, – наивно напомнил я уходя.

– В среду в семь вечера в Клубе железнодорожников, – улыбнулась Наталья Павловна и подарила мне на память свою первую книгу «Семиречье» с автографом.

Это был поистине дорогой подарок.

... Снова и снова перечитал сборник. Откуда такое тонкое знание, такое глубинное понимание Востока?

Ведь я тоже родился в махалле. Рос вместе с узбекскими мальчишками и девочками. Знал досконально местные обычаи и праздники, наконец, сам язык. А многое из того прекрасного, что смогла увидеть поэтесса, не заметил, не обратил внимания.

О, эти названия, запахи и краски Азии!

Кто не был ими очарован?

Николай Тихонов, Владимир Луговской, Георгий Санников...

«Далеко-далеко за горами Талас», «У начала больших синеватых степей», «И в памирских горах набухают снега», – это начальные строки стихов Натальи Буровой.

Они широки и всеохватны, в них много искрометного солнца, свежей радости, тоскующего ветра.

И в этот мир, созданный сердцем поэтессы, мне не раз еще предстоит заглянуть.

...В тот вечер в лекционном зале, специально предоставленном нам по случаю встречи с поэтессой, народу было битком набито. Многие привели с собой друзей, знакомых. А кто-то пришел сам, прослышав о встрече.

Наталья Павловна была в скромном темном платье с небольшой сумочкой. Глаза ее глубокие, каштановые, светились каким-то таинственным блеском.

Поэтессу посадили в президиум за стол, покрытый зеленой бархатной скатертью и украшенный огромным букетом бульдонежей. Устроители встречи из клуба, сами не зная того, попали в «десятку» – она очень любила эти цветы.

Контакт наладился как-то сразу, непроизвольно, будто мы с ней были знакомы давным-давно, с творческими личностями подобное случается часто.

Наталья Павловна рассказала немного о себе, о том, что родилась в г. Аулие-ата (Джамбул) – некоторые биографы указывают неправильно – г. Фрунзе (Бишкек), ребенком вместе с родителями переехала в Ташкент. Подробно рассказала о своем коротком послевоенном пребывании в Литинституте им. Горького (по болезни ей пришлось оставить учебу), о дружбе с М. Агашиной, И. Гофф, О. Кожуховой, Н. Коржавиным, К. Ваншенкиным, Р. Гамзатовым, В. Солоухиным, Н. Старшиновым... Вспомнила и такую деталь, как по праздникам однокурсницы-девчата дарили вечно простывающему Н. Коржавину носовые платки. Талантливый поэт, который вскоре эмигрирует в Америку, автор знаменитого стихотворения о Герцене, с рефренными строчками «Нельзя в России никого будить» и многих других.

Поэтесса рассказала и о руководителе своего творческого семинара, знаменитом поэте Владимире Луговском. Студенты в шутку, но с уважением называли его «дядей Володей», «бровеносцем». За необычайно густые седые брови. И вообще, он был высоким, стройным, красивым. Это Луговской, в один из своих приездов в Узбекистан, который безмерно любил и воспел во многих своих стихах, заметил дарование начинающей поэтессы. Поддержал ее словом и делом. Помог поступить в литинститут. Признала талант молодой поэтессы и А.А. Ахматова во время пребывания в Ташкенте, когда Бурова показала ей свою тетрадочку стихов. А такой великий ценитель стиха как К.И. Чуковский, вчитавшись в рукопись первого сборника Буровой, задумчиво произнес: «Ни слова лжи! Это – открытие». Эти отзывы я узнал много лет спустя от подруг Буровой поэтесс Н. Татариновой и Т. Сырышевой.

На той памятной встрече с Буровой не обошлось и без тривиального вопроса: как вы пишете?

– Удивительное дело, – ответила Наталья Павловна. – Бывает, что и месяц, и три, и полгода не прикасаешься к бумаге. Конечно, переживаешь, думаешь: вот и все, больше уже никогда «это» не придет... А в тебя уже вселилась какая-то музыка, пробуждаются смутные образы, забытые запахи. И вдруг, незаметно для себя, начинаешь писать. В такие дни я могу «выдавать» и по стихотворению, и по два, и по три. А однажды написала даже пять. Целую подборку!

Кто-то попросил почитать новые стихи.

Наталья Павловна засмушалась. Не так часто ей приходилось публично выступать.

– Голос уж больно у меня неважный, как у дьячка, – сказала она.

– Ничего, ничего, читайте! – одобрительно зашумели молодые поэты.

И поэтесса прочитала новые стихи: «Поезда люблю, поезда», «Сердце Азии», «Цветут гранаты. Алые цветы».

Концовка этого стихотворения у многих с того раза осталась в памяти:

*И в будущее смотрится часами
Исполненный достоинства росток,
А женщины с восточными глазами
Прекрасны, как гранатовый цветок.*

Напрасно Наталья Павловна беспокоилась за свой голос, кстати, хоть и несколько глуховатый, но приятный, грудной, звучащий с какой-то затаенной силой. Истинная поэзия берет душевностью, неожиданным образом и свежей мыслью.

Затем и «семинаристы» читали традиционно «по кругу» свои стихи. Встреча выросла в настоящий поэтический праздник.

Уже поздней ночью стали расходиться по домам. На улице недавно прошумел освежающий майский ливень. Листья деревьев матово отсвечивали под фонарями. Поблескивали булыжник, чугунная ограда скверика.

И влажная лунная тишь, и гудки со стороны вокзала, и капли с листьев – все дышало поэзией!

... Я стал изредка бывать в гостях у Натальи Павловны. Показывал ей свои стихи. Молодому поэту всегда лестно услышать похвалу и даже критику от старшего собрата по ремеслу. А если это уже признанный мастер, такой отзыв дороже втройне.

Наталья Павловна жила в отдаленном конце жилого массива Чиланзар, на двадцать пять кварталов, недалеко от центра.

Город после памятного землетрясения стал сильно разрастаться. Как в сказке, не по дням, а по часам. И высь, и особенно вширь. Рушились старые дома и административные здания, возводились новые. Едкая пыль висела над городом. Вместе с ней навсегда исчезали старый «примусный», «мангалочий», «колоночный» быт и неспешный уклад жизни коренных ташкентцев с неизменными рассветными будильниками: «Кисло-пресня ма-ля-ко», «ка-ра-асин», «шара-бара-у-у», которые, конечно же, еще будут навешать новостройки, как эхо далекого детства, но постепенно станут стираться из памяти, гаснуть.

Наталье Павловне несколько в грустинку было это новое. До Чиланзара она долгие годы жила возле Алайского базара на улице Двенадцати тополей. Радующее слух поэтическое название... Хотя деревьев этих уже и не было, но многие ташкентские поэты продолжали посвящать улице свои стихи. Вообще для Буровой старые названия, исчезнувшие навсегда и здравствующие ныне, были не пустым звуком, а жили в сердце милой музыкой: Почтовая, Лахтинская, Зерабулакская, Зеленая, Шейхантаур, Пьян-базар, школа имени Песталотши... Памятные места, памятные встречи. Их невозможно вычеркнуть из жизни. Школьные годы, первая любовь... Человек, которого она встретила и по настоящему полюбила, вскоре сильно заболел. Молодая женщина ухаживала за ним несколько лет, буквально вытащила из когтей смерти... Он выздоровел и спокойно ушел к другой, особе властной, с «отталкивающей красотой». Вот и пойми, что нужно мужчине. Эта травма осталась на всю жизнь. Больше она не устраивала свою судьбу. Судьбой стала поэзия и сын, которого она трепетно любила. Но он тоже после школы уехал в Москву, поступил в институт и остался там. Женился, пошли дети. Сын был успешным человеком. Защитил кандидатскую. Наталья Павловна очень гордилась им и своим внуком. Когда у меня вышла в 1971-м году первая книжка стихов для детей «Тополь-тополек», Бурова попросила надписать ее и отправила своему маленькому любимцу.

Оценку чужим стихам Наталья Павловна всегда давала прямую и кратко-однозначную: «Вот это нравится, а вот это нет...» И все.

Почему? Она никогда не объясняла. Я сначала удивлялся. Ведь в литературном объединении словопрениям порой не было конца. Потом внутренне принял такой подход. Я понял: человек, тем более творческий, всегда должен в жизни домысливать все сам. Была бы только честная отправная точка: «Это нравится, а вот это нет...»

При разговорах о стихах, о жизни, непременно, примостившись где-нибудь в углу на стуле или на диване, присутствовала мама Натальи Павловны Олимпиада Яковлевна..

О ней следует сказать особо.

Олимпиаде Яковлевне к тому времени было уже за семьдесят. Но назвать старой эту женщину было никак нельзя. В молодости она, видимо, была высокой и стройной. Черты смуглого лица, испещренного мелкими морщинами, говорили о былой красоте. Как-то в разговоре о родословной Олимпиада Яковлевна невзначай обронила: «А ведь во мне течет прабабкина цыганская кровь».

Олимпиада Яковлевна хорошо помнила свои девические годы, когда в начале прошлого века тянулись по трактам бесконечные скрипучие переселенческие обозы.

Они тянулись с Украины, из деревень Воронежской и других российских губерний в «сказочную» страну Семиречье, где «климат благодатный, виноград и яблоки величиной с кулак».

Немало пришлось хлебнуть лиха этим обездоленным людям, пока они добирались до места, оседали на азиатской земле и обзаводились хозяйством.

Не отсюда ли в стихах Натальи Буровой старые названия городов – Каракол (Пржевальск), Горчаково (Маргилан)?..

Или поселения с чисто русскими названиями – Солдатское, Михайловка, Славянка, Степное, Рыбачье... Сколько их, служивших в прошлом веке казачьими пикетами, было разбросано по всему Семиречью!

«Горькой линией» назвал их замечательный русский писатель Иван Шухов. Потому что казаки на этих пикетах несли подневольную царскую службу.

О том же поведала читателям и Наталья Павловна в своем автобиографическом стихотворении «Лебединка».

Рассказывая о чем-нибудь, или вспоминая, Олимпиада Яковлевна постоянно что-то штопала, кроила, шила... Ее невозможно было представить без иглы и наперстка. Она с гордостью повторяла: «Я сама еще без очков вдеваю нитку».

Вишневая настойка, изготовленная ею по собственному рецепту, отличалась особым вкусом и, казалось, возвращала к тем жизненным истокам, к тем временам, когда женщине приходилось делать все самой – печь хлеб, растить детей, вести домашнее хозяйство...

Это ей посвятила Наталья Бурова одно из своих лучших стихотворений:

*Руки матери – темные узловатые руки
Не касались ни клавиш, ни сверкающих гордо камней.
Собирали кизяк, вымя теплые мыли
И свивали тугие пеленки на мне.*

Олимпиада Яковлевна с уважением относилась к делу, которому служила ее дочь.

... Как-то мне попала книга Ольги Кожуховой «Не бросай слов на ветер». Это была лирическая повесть-воспоминание об одном из первых послевоенных выпусков Литинститута имени Горького, друзьях-сокурсниках. Я приобрел книгу в скромной обложке цвета маренго и не без удовольствия познакомился с ней.

Среди других я прочитал одну главу, целиком посвященную Наталье Буровой. Тому периоду, когда ей довелось учиться. Глава была написана с большой любовью к поэтессе. Мне открылась незнакомая доселе сторона ее жизни. Цитировались нигде не опубликованные стихи Натальи Буровой, которые, тем не менее, продолжали жить по законам поэзии своей жизнью – в кругу московских друзей, просто любителей стихов, переписывались от руки.

А ведь с той институтской поры прошло уже великое множество лет. Поэтесса мало печаталась.

А вот, подите, помнят, читают!

Я, конечно же, показал книгу Наталье Павловне. Она, оказывается, ее прочла. Ведь книга вышла задолго до описываемых событий. Автор сама прислала ее Буровой с дарственной надписью. Но, к сожалению, при переезде с улицы Двенадцати тополей она затерялась. И когда я подарил книгу Наталье Павловне, она заметно обрадовалась: в повести была запечатлена страница ее поэтической юности.

Наталья Павловна взяла с подоконника свой «Беломор», закурила.

Память возвращала к прошлому.

– В самом начале пятидесятых годов, – рассказывала она, – мне посчастливилось однажды лететь с Владимиром Александровичем Луговским из Ташкента в Москву. Что это был за перелет, вы себе не можете представить! Это сейчас «Ту» или «Илы» за каких-нибудь три с половиной часа перенесут вас с одного конца на другой. А тогда

это было непросто и небыстро. Две-три обязательные посадки в пути. Но Владимир Александрович любил такие путешествия. На пароходе, в поезде, на самолете. Лишь бы плыть, ехать, лететь! Дорога всегда вдохновляла его, дарила интересные встречи.

Помню, впереди нас сидела пожилая женщина в теплой кофте, в платке, несмотря на лето. У ее ног стояла плетеная корзина с помидорами.

Владимир Александрович, видно, утомился, устал. Запрокинув в кресле голову, он задремал. И в полудреме вдруг выпрямил свои длинные ноги.

Что тут случилось!

Женщина зашумела, закричала, перекрывая гул моторов.

Пассажиры стали оглядываться. Что случилось. Уж не авария ли?

Действительно, произошла маленькая «авария»: Владимир Александрович раздавил часть помидор.

Ну, конечно, он тут же стал извиняться, просить прощения. Но женщина все равно продолжала ворчать. Тогда Владимир Александрович... во весь голос стал читать свою знаменитую «Курсантскую венгерку». Многие пассажиры зачарованно слушали, узнав знакомые строки, вошедшие во многие антологии, книги. Смолкла и женщина с помидорами, посчитав необычного пассажира, хоть и представительным на вид, но, того... малость чужаковатым...

На последней посадке перед Москвой пассажиры высыпали на летное поле поразмять ноги. Среди них была и та самая женщина. Выбрав удобный момент, она подошла ко мне и, оглядываясь по сторонам, спросила:

– Это правда, ваш сосед настоящий поэт?

– Да, – улыбнулась я. – Настоящий!

Уже снова в самолете женщина выбрала в корзине самый крупный помидор, вытерла его о тряпицу и протянула Владимиру Александровичу:

– Угошайтесь! Это хороший сорт. Только не обижайтесь, я не со зла пошумела. А стихи у вас хорошие, душевные...

...Однажды Литфонд выделил Наталье Павловне путевку в Коктебель. Было это в начале семидесятых годов. В Москве вышел третий сборник поэтессы. Готовился к печати четвертый. Стихи ее чаще стали появляться в периодике – в «Огоньке», в «Смене», в «Молодой гвардии»... Бурову путевка заметно обрадовала, подняла настроение.

У моря она думала подлечить свое здоровье, нервы. Олимпиада Яковлевна тоже надеялась на это. К тому же в городе стояла невыносимая духота, жара.

В общем, Наталья Павловна уехала в добром состоянии духа.

И вдруг, на удивление всем, через неделю она... вернулась. Ей не понравились ни море, ни красивейшая гористая «волошинская» бухта, ни пляж...

– Здесь я себя чувствую лучше, – сказала Наталья Павловна.

Естественно, стихов о море она не привезла. Ей – сугубо «сухопутному азиатскому человеку» – чуждой показалась эта стихия.

Современники рассказывали, что и Есенин, побывав раз у моря, совсем не вдохновился им. Не написал ни единой строки. Знаменитого рязанца с магической силой тянули к себе Константиновские просторы, ситцевое небо родины, березки...

Нечто подобное произошло и с Буровой. Она всем сердцем была азиаткой: «Восток во мне. Гляжу его глазами...»

В то лето Наталья Павловна написала целый цикл стихов. Жизнеутверждающих, полных картин и ароматов Азии, понимания душой этой земли и ее людей...

В одну из встреч я спросил Наталью Павловну, какой из ее стихов ей самой ближе и дороже?

– Какой? – она задумалась. – Для матери все дети одинаково дороги. И плохие, и хорошие.

Но я-то уже знал, что в поэзии такого не бывает. Наталья Павловна тоже знала об этом, только мудро промолчала.

Зачем тогда я спрашивал?..

Догадываюсь, что ближе ее сердцу было стихотворение «Кукушечья мудрость», в котором есть такие строфы:

*Кукушечья мудрость – живи да живи,
Не надо ей дупел высоких,
Положит она свою тяжесть любви
В гнездо зазевавшей сойки,
И птицы не спросят в шуршании сада:
«Чего тебе мало? Чего тебе надо?»*

*Мой предок отсчитывал годы по льдам
И прятался в норы от бури,
Искал по большим пятипалым следам
Красавицу в тигровой шкуре,
А реки вставали досадной преградой
И злобно рычали: «Чего тебе надо?»*

*Я думала раз, проходя через рожь:
Ходить по земле не так просто.
В большие минуты, когда устаешь,
Становятся длинными версты.
И, сидя потом на бревне до заката,
Себе говорила: «Чего тебе надо?»*

*Досадно, что мне даже ласка не впрок,
Противна весенняя слякоть,
И я не однажды, сжимаясь в комок,
Просила любви, чтоб заплакать.
А мне говорили: «Чему ты не рада?
Чего тебе мало? Чего тебе надо?»*

*Сегодня мне кажется легким пальто,
А ветер настойчиво дышит,
И все, что ты скажешь сегодня – не то,
Что мне бы хотелось услышать.
А ты никогда не узнаешь по взгляду:
Чего же мне мало? Чего же мне надо?*

Это стихотворение многие знали наизусть. Оно входило в различные поэтические антологии XX века. В нем как бы сфокусирована нелегкая женская, человеческая, творческая судьба самого автора. И, конечно, вечная неуспокоенность человеческого сердца.

...Под окнами Натальи Павловны был небольшой клочок сухой земли. В минуты отдыха она сама его возделывала. Посадила гранат, вишню, сливу и цветы. Цветы были ее страстью. Здесь росли всевозможные сорта роз. И белые, и желтые, и красные... Когда они расцветали, запах этих красавиц, воспетый всеми восточными поэтами, волнами плавал по комнатам. Наталья Павловна рассказывала, что перед рассветом из окрестных садов сюда часто прилетал соловей, садился среди роз и шелкал, свистел, тюрюлюкал, пел...

То же самое говорила соседка, она часто заглядывала к Наталье Павловне.

Однажды молодой гуляка, возвращаясь с ночной попойки, запустил в птицу из озорства пустой бутылкой.

Соловей улетел и больше не прилетал.

Птица, как и человек, очень ранима...

... Я всегда интересовался литературой, посвященной Средней Азии. Ее прошлому и настоящему. Интересовался бытом, культурой, археологией, природой.

В одно из воскресений мы беседовали на эту тему с Натальей Павловной.

– Обязательно прочтите книгу Анны Алматинской «Гнет», – посоветовала она и дала трехтомник, первое издание. – Книга может показаться вам интересной.

Это оказалось действительно так.

Роман-трилогия с большой исторической достоверностью, художественно и красочно отображал события почти столетней давности, непосредственным очевидцем и участником которых в большинстве случаев был сам автор.

Если говорить об истоках творчества Буровой, то этот роман тоже может пролить определенный свет на особенности ее дарования, тематики. Ведь книга, прежде всего, о дружбе двух народов – русского и узбекского. О ее корнях, рожденных на рубеже новой эпохи.

... В последние годы жизни Натальи Павловны я, к сожалению, реже стал бывать у нее в гостях. Но и при тех редких встречах она с неизменной радостью в голосе говорила, что ее навешают молодые поэты. Среди них она называла Ольгу Лебединскую, Аллу Широнину, в которых очень верила. Неизменным и преданным другом оставался Виталий Качаев. Но здоровье поэтессы было уже заметно подорвано. Она часто цитировала стихи ныне забытого поэта Василия Кулемина:

*Мне кажется: придет признание,
А я уж прорасту травой.
Так не со мной одним в России,
Так было не с одним со мной.*

К великому огорчению, эти строки вскоре оказались пророческими. Только в одном поэтесса была не права. Заслуженное признание к ней пришло еще при жизни.

Наталья БУРОВА

ТАШКЕНТ

Я помню, когда-то на месте фонтана
В берданных ларьках продавали пиалы.
Рядами лежали холеные фрукты,
Лепешки смеялись широким оскалом.

Мы шли по базару. На все мои просьбы
«Нельзя!» – односложно мне мать отвечала.
А я задыхалась в стесненных желаньях, —
Обилие снеди меня оскорбляло.

Поклажею скромной наполнив корзинку,
Искали мы путь между грудями ближний.
У темной, слегка покосившейся лавки,
Собака стучала мослом о булыжник.

О небо Востока! В нем столько накала,
Что с детства глаза привыкают к прищуре,
И, кажется, словно хранит в себе солнце
Какую-то очень жестокую суру.

Привыкнув к оранжевым краскам и алым,
Ко тканям цветистым, овалам мечетей,
Невольно всегда отдаешь предпочтенье
Орнаментам четким восточных столетий.

Догадки порою становятся грустью,
И зрелость является к людям до срока.
Навеки горячим останется сердце,
В котором упрямая сила истока.

* * *

Тоненькая девочка из детства,
Что так строго смотришь на меня?
Привыкают женщины глядеться
В зеркало перед началом дня.

Дорого даются откровенья,
И не все значения чисты, —
Но вовек не оборвутся звенья
С радостью врожденной правоты.

Иногда я становлюсь тобою,
Тополиный пух, смеясь, ловлю,
Камушки коричневые мою,
Звездочку пришуриться молю.

Мы с тобой – единое. Я знаю,
Ты исчезнешь в миг один со мной.
И порой тебя я заклинаю,
Что бы не шептали за спиной.

Сколько ты напутала мне в жизни,
За меня слова произнося!..
В дерзкой вере, словно в героизме,
Сила сердца проступает вся.

Пусть сложилась жизнь не так, как надо,
И порою душит тишина, —
Нет во мне скептического яда,
И мечта по-прежнему нужна.

По ночам немислимое снится:
Синий снег, багровый плюш вершин...
И всегда лицо твое дымится
В зеркале – сквозь сеть моих морщин.

* * *

В том году мы спорили нередко,
Сидя на лобастом островке,
Что с обрыва брошенная ветка
Не утонет в бешеной реке.

У него досадная привычка,
Отучить его никто не мог:
Прикурив, обугленную спичку
Прятал он обратно в коробок.
Бросив в воду веточку от клена,
Говорил он, весело смеясь:
«Пусть плывет до острова Гвидона,
Пусть ее вылавливает князь...»
Говорил, что надо возвратиться
До заката к ближнему селу,
А Гвидону ветка пригодится
Для того, чтоб выстрогать стрелу.
Думала я: времени так мало
До начала майской темноты.
И, нахмураясь, тихо обрывала
Листики куриной слепоты.
Что же мне за дело до привычек?
Мало ли их встретишь на пути!
Почему мне надо среди спичек
Спичку обгорелую найти?

* * *

Далеко-далеко за горами – Талас,
Он бежит, по пути все с собой забирая...
Я была танцовщица и множество раз
Танцевала на глиняной крыше сарая.

С этой крыши смотреть – мир не слишком велик,
И спуститься в него – ни малейшего риска!
В темном марте, в часы разговоров и книг,
Он был полон дождя и кошачьего писка.

Не пошла б – не узнала молчания гор,
Не узнала на вкус родниковые воды
Там, где черные зевы покинутых нор
И следы от зверей неизвестной породы.

Все приходит с годами: родится родник,
Успокоится речка, что раньше рычала.
Не пошла б, не узнала, что мир так велик,
Что ему не найти ни конца, ни начала.

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКА

Нодир НОРМАТОВ

**Последнее завещание
Рузы Чарыева**

Роман-эссе*

Часть вторая**ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ХУДОЖНИКА****ОДИНОЧЕСТВО**

Начало января 2004 года...

Погода стояла теплая. Несмотря на то, что зал отапливался хорошо, художник лежал на диване, укутав ноги пледом. Тело стыло, но мысль работала четко, ясно. В памяти пронеслась вся жизнь. «Почему же так случилось? Когда-то, когда я готов был умереть, бог не отнял у меня жизни. Видно, теперь час настал. Но отчего же тогда он не взял мою жизнь?» – думал художник. Рузы помнит (будто все это было вчера), что когда он в первый раз хотел покончить с собой, ему было лет 14 или 15. Тогда его выставили из детского дома, сказав, что он им не подходит по возрасту. Ему до смерти надоела бездомная жизнь, скитание по улицам, бродяжничество. Решив поехать в Термез, он с трудом пробрался «зайцем» на товарный состав Душанбе – Ташкент.

Ему до боли стало обидно за свою беспризорную, сиротскую жизнь. «Лучше умереть, чем жить вот так», – думал он, – а когда состав, проехав через Сурхандарьинскую степь, достиг моста Македона, решил броситься вниз. Но увидел на желтом холме маленькую девочку. Он постеснялся сделать это на ее глазах. Позже, когда пошли то кручи, то равнины он, крепко зажмурив глаза, спрыгнул с поезда.

Несмотря на то, что состав мчался с большой скоростью, мальчик упал на большой саксаул и отделался лишь ссадинами да царапинами. «Видно, бог любит тебя. Надо же, даже переломов никаких нет», – сказал тогда пастух, пасший неподалеку свое стадо. Во второй раз он совершил попытку самоубийства уже будучи взрослым, разумным юношей, когда учился в институте в Санкт-Петербурге. Он голодал. Вот уже три недели у него во рту не было маковой росинки. Надеясь найти хоть одного покупателя на свои рисунки, вышел на улицу. День прошел бесплодно. С посиневшими губами он стоял на мосту над Невой, тоскливо глядя на воду. «Довольно мыкаться, иди ко мне», – словно звала река. Он осторожно отложил в сторонку большую папку с рисунками и уже перегнулся через парапет, готовый кинуться в воду, как

* Журнальный вариант.

чи-то сильные руки крепко схватили его за плечи. «Не глупи! Бог любит тебя», – сказал кто-то. Это был его одноклассник Ахмад с факультета ваятелей (скульптурного факультета). Тогда он убедился, что бог действительно любит его.

Спустя много лет, в 1986 году, у Рузы была депрессия, он собирался свести счеты с жизнью и даже написал завешание.

На первый взгляд казалось, что в жизни у него все в полном порядке. Достаток, почет, успехи в творчестве. Чего еще желать человеку, пережившему голод, бродяжничество и достигнутому полному благополучию? Но на душе было беспокойно, мир представлял в самом мрачном свете...

Что же явилось причиной подобной депрессии? Возможно, боль в душе – следствие пережитых прежде невзгод? Но было ясно одно: бог и в самом деле помогал ему. Именно в это время к нему приехал старый знакомый из Сурхандарьи. Рузы, ощутив прилив сил и радость жизни, позабыл о своем намерении и уехал вместе с другом.

Однако в 70-е годы прошлого столетия на жизнь художника было совершено покушение... Рузы пошел проводить гостей, приходивших в его мастерскую. Увлеченный интересной беседой с ними, он проводил их до остановки Салар. Простившись, он тем же путем возвращался домой и увидел двух верзил и девушку. Ему показалось, что эти верзилы к ней пристают. «Нельзя обижать такую красивую девушку», – сказал он, проходя мимо них. Один из парней догнал его и попросил закурить. Рузы повернулся к нему, чтобы сказать, что он не курит, и тут подошел второй и пнул его в живот. Рузы когда-то, еще в детском доме, обучался приемам бокса у Владимира Кадырова, детдомовского тренера, ставшего позже руководящим работником. Применив прием, которому обучил его бывший тренер, Рузы дал напавшему сдачи. В руке другого хулигана был кастет, которым он ударил Рузы по голове. Очнулся Рузы уже в больнице. У кровати сидела его жена Марина и плакала. Оказалось, что он пролежал в забытьи четверо суток. В ту ночь окровавленного, лежавшего без сознания, Рузы узнал проходивший мимо репортер УзТАГ Юрий Кружилин и доставил его в больницу.

ДНИ, ПРОВЕДЕННЫЕ В ХОДЖИКЕНТЕ

Он шел по извилистой, словно змеиный след, тропе, и ему хотелось кричать во весь голос или пуститься бегом. Его очаровывало здесь все: таинственность окружающей природы, высокие горы, аромат цветущих на высоких холмах цветов, игривое течение ручейков, выбивающихся из-под пещер и расщелин скал. Места эти резко отличались от пейзажей Средней России или лесов Сестрорешка, где он бывал в годы учебы в Ленинграде. Здесь было все иначе – цвета богаче и ярче. Но писать он пока не торопился. Надо сначала найти место, где остановиться, а затем уже можно приступать к работе.

По пути из Газалкента Рузы сделал много карандашных набросков... Этот парень довольно часто посматривал на него. Лицо у него выразительное, можно сделать набросок. Подойдя к большому валуну и поставив этюдник, Рузы взглянул на парня. Они вышли из автобуса полчаса назад. Шофер сказал, что мост через реку смыло, и он не сможет ехать до Хумсана. Четверо пассажиров нехотя вышли из автобуса. Один из них пустился в путь пешком. Двое – старушка и молодая женщина с ребенком на руках – отправились к домам ближнего кишлака.

Внимание шофера привлек вышедший из автобуса последним Рузы. Этот человек в соломенной шляпе с мягким добрым лицом показался ему знакомым. Складывая смятые деньги, вынутые из кармана, он еще раз взгляделся в пассажира и вдруг невольно соскочил с места. «Рузы!» – воскликнул он радостно.

Шесть месяцев назад, когда жену шофера надо было госпитализировать в клинику для переливания крови, Рузы помог ему. В то время он как раз писал портрет врача-гематолога, с которым познакомился на выставке.

Рузы встретил во дворе клиники переливания крови, где работал его новый знакомый, парня, весь облик которого напомнил ему Пабло Пикассо. Представившись, он попросил позволить ему написать с него портрет. Тот сначала согласился, позже поведал ему о своей проблеме. Оказалось, что в клинике не было свободных мест... Рузы обратился к своему знакомому гематологу, и тот устроил пациентку в своем кабинете.

Рузы тоже вспомнил об этом и приблизился к водителю. Поздоровавшись, шофер спросил у Рузы, куда он держит путь. Услышав, что ему надо в горное село, пожалел о том, что автобус не сможет туда проехать. «Ничего страшного. Я присоединюсь вон к тому парню и пойду пешком», – сказал Рузы. Он нес скоро догнал ушедшего вперед юношу. Ему пришлось окликнуть его и попросить подождать. Парень спросил, куда он направляется. «В Чарвак», – ответил Рузы. Оказалось, что спутник его останется в кишлаке неподалеку. Они шли молча. Вокруг было очень красиво. Ветерок со стороны реки, шумевшей своими водами, доносил аромат цветов, росших вдоль берега. Хотелось остаться здесь, чтобы запечатлеть эту дивную красоту. Спутник же его задумчиво мерными шагами шел впереди.

Увидев, что Рузы взмок от пота, он взял у него рюкзак, чтобы облегчить ему ношу. А ведь не каждому по душе нести чужую ношу по трудной горной тропе. Особенно часто он встречался с подобным явлением во время походов в горы, когда еще был в детском доме...

Рузы приехал сюда из-за горных пейзажей. Краски Бурчмуллы, Хумсана, Ходжикента намного мягче и теплее, чем горные Сурханские, Байсунские, Кухитанские. Солнечных лучей здесь гораздо меньше, а иных мест они и вовсе не достигают. Он заинтересовался здешними местами, увидев их красоту на полотнах Урала Тансыкбаева, Уфимцева.

– Погода портится, – сказал спутник, бросив взгляд на шлепанцы Рузы. – Стоит лишь слегка пойти дождю над Кызыл жаром (Красным обрывом), как дороги превращаются в глиняную жижу, – сказал юноша и добавил:

– Надо идти быстрее... Прибавим шагу, чтобы успеть до дождя пройти это место, кишлак уже близко...

И в самом деле, не прошло и минуты как хлынул дождь. Поднялись наверх, увидели внизу деревья, дворики, дома, расположенные вдоль берега. Некоторые дома располагались на склоне холма один над другим, напоминая лестничные ступени.

В Байсунских кишлаках тоже можно увидеть подобную картину, однако там дворики и дома примыкают один к другому, отчего и вовсе похожи на лестницу. Когда они достигли берега, дождь превратился в настоящий ливень. Там, где река была мельче, на ней лежали валуны, по которым можно было перебраться с одного берега на другой. Перепрыгивая с камня на камень, Рузы решил взглянуть на отставшего спутника и повернулся. Не рассчитав расстояние между валунами, он сделал шаг... и упал в воду. Холодная вода обожгла тело.

Спутник его, зная, что здесь не очень глубоко, сначала ступил на берег, поставил наземь чемоданчик Рузы, а затем, разувшись, вернулся назад. Он сильными руками подхватил Рузы, перенес на берег и спросил, сможет ли он идти. Удовлетворившись утвердительным ответом, парень стал обуваться. Однако, сделав несколько шагов, Рузы почувствовал сильную боль в правой ноге, в глазах потемнело. Ливень усиливался.

Спутник нес скоро заметил, что Рузы отстал. А когда увидел, что тот сидит на мокрой земле, вернулся, поднял его и посадил к себе на закорки.

«А больница есть где-нибудь поблизости?» – спросил Рузы.

Спутник ответил, что больница только в Ходжикенте. «Я отнесу вас в хорошее место», – обещал он. Сколько времени прошло, он не помнил.

Открыв глаза, Рузы увидел висящую под потолком лампочку, светящую слабым красноватым светом. Едва шевельнувшись, почувствовал острую боль. И только теперь вспомнил, как они шли под ливнем, как свалился в реку, как спутник нес его на закорках. Лампочка погасла.

– Видно, ветер провода оборвал, – сказал старик, сидевший возле Рузы. И только он повернул голову в сторону лампочки, старик с силой дернул его за ногу. Нога хрустнула, из глаз полетели искры. Голенная кость была вправлена.

– Есть переломы, – мягко сказал старик. Он ловко намазал ногу какой-то жидкостью. Затем сделал перевязку, наложив деревянную шину.

«Желтком, наверное, намазал», – подумал Рузы.

Через некоторое время боль стала утихать. Теперь он слышал разговоры сидевших здесь людей.

– Дай бог вам здоровья. Даже если не хочешь, приходится быть табибом. Я пойду. Навешу завтра. – Это был голос парня, доставившего его сюда. – Дождь прекратился. «Старик, видно, табиб (лекарь), – подумал Рузы.

Проснувшись среди ночи и тшетно пытаясь вспомнить, сколько дней пролежал в бреду, вдруг услышал, как кричит ишак. Странно, он никогда не слышал, чтобы ишаки кричали по ночам. Хотя детство его прошло в кишлаках Сурхандарьи. Отчего же он не слышал? Может, просто не обращал на это внимания.

Лишь силы вернулись к нему, Рузы безостановочно делал наброски: горы, глинобитные дома, очаги... Когда наблюдал необычные переливы цветов, не забывал делать в углу листа с карандашным эскизом памятки с названиями красок.

ФЕЛЬДШЕР

Вечером старик привел вчерашнего парня. – Вот это и есть фельдшер, – сказал он.

– Мы знакомы, – сказал фельдшер. Вместе приехали из города.

Старик вышел во двор в поисках своей старухи. Фельдшер подошел к Рузы и сел.

– Вам лучше? Организм у вас крепкий, быстро поправитесь, – так старик говорит. Он сказал, что вам дают с молоком мумие. Даст бог, заживет, будто ничего и не было.

В то время велась усиленная борьба с людьми, помогающими больным лечением народными способами, особенно с представителями медицины, поддерживающими их.

– Неужели дед и правда так хорошо лечит? – удивился Рузы.

– Правда, – ответил фельдшер, – я уважаю этого человека – и очень ему верю. Вот увидите, дней через двадцать будете бегать как ни в чем не бывало.

– Может, было бы лучше, если бы вы отправили меня в больницу? – сказал Рузы, не очень доверяя словам фельдшера.

– Постараюсь найти транспорт. Но, думаю, вам лучше закончить лечение начатое здесь.

Рузы задумался. Может, так и нужно сделать... Он и в самом деле чувствовал, что бедренная кость хорошо встала на место и, то ли по этой причине, то ли от того, что старик был добр и радушен, то ли здесь было много подходящего для изображения, на душе у него посветлело.

Фельдшер присел на стул, стоящий возле деревянной кровати. Он поведал о том, что многие из живущих в межгорье, обращаются к этому табибу, если вдруг у них случаются переломы. И еще рассказал о том, что табиб перестал заниматься лечением людей после того, как районные милиционеры несколько раз приходили к нему и грозили тюрьмой.

Рузы подумал, что ему следует поучиться у старика методам лечения, чтобы следить за своим здоровьем.

Фельдшер сообщил, что он сейчас в отпуске и завтра отправляется в Ташкент, и если Рузы напишет письмо или записку, то он заедет к нему домой и передаст ее родным.

Рузы был в нерешительности. Лучше не сообщать Марине, что он повредил ногу. Словно угадав его мысли, фельдшер сказал: «Я просто скажу, что с вами все в порядке: живы и здоровы». «Загляну к вам завтра», – добавил он уходя.

Рузы достал из чемодана толстую тетрадь с надписью «Полевой дневник» и шариковую ручку. Сначала он решил было написать, что с ним все в порядке, чтобы жена не беспокоилась, затем решил рассказать в письме обо всем, что с ним случилось, откровенно. В эту ночь он спал крепко и хорошо выспался. Наутро снова пришел фельдшер. На этот раз он был в новом костюме, который отлично на нем сидел. В нем он выглядел намного моложе. Теперь Рузы увидел и то, чего не заметил ранее: весь его облик говорил, что это очень умный человек.

Рузы быстро сделал с него набросок в альбоме. Оказалось, что он из города Денау Сурхандарьинской области. «Меня зовут Тураб», – представился молодой человек.

Рузы много раз бывал в Денау у Курбан-ака и его братьев Эсоннияза и Зие, которые помогали ему, когда он учился в Ленинграде. А во время службы в армии в городе Львове он познакомился с одним парнем из Денау. Имени его он сейчас не помнил. А фамилия, кажется, Джалилов.

Рузы хотел было спросить, какими судьбами Тураб попал в эти края, но он сам сообщил:

– Жена моя здешняя. В техникуме познакомились. Сын у нас растет.

Фельдшер показал фотографию красивой молодой женщины с ребенком на руках. «Совсем как “Мадонна”, – подумал Рузы. – Обязательно напишу ее портрет». Рузы передал Турабу письмо для Марины:

«Дорогая Марина! Только что взял ручку, собираясь писать тебе, и убедился в том, что почти разучился писать. Обычно, как ты сама знаешь, вдали от дома, будь то в командировке, или в путешествии, я не могу не писать тебе... В кишлаке этом нет телефона... Но даже если бы он и был, я бы все равно написал. В письме лучше можно выразить мысль. К тому же письмо можно сохранить. А сказанное по телефону не сохранишь.

По дороге сюда я поскользнулся и упал. Бедренная кость была сломана. Сейчас я лечусь в доме одного табиба в маленьком кишлаке по дороге в Хумсан. Я записал некоторые из его рецептов. Самое главное, я здесь сделал кучу набросков.

Собираю детали к своим будущим картинам.

Не беспокойся, сейчас я уже почти поправился. С приветом, Рузы».

ОБИТЕЛЬ ИСКРЕННЕЙ РАДОСТИ

Чувство радости не покидало Рузы с тех пор, как он стал спать во дворе на топчане. Несмотря на то, что по ночам ныли ноги, душевная радость и покой заглушали боль. Старик несколько дней назад посоветовал ему спать во дворе.

– Ноги тоже должны чувствовать свежий воздух, – сказал он. – И спать тогда будете спокойнее...

И действительно, ласковый горный ветерок радует все существо. И дождь теперь не льет так сильно, как раньше, а так, поморосит немного, освежит приятно воздух и перестанет.

Вот и сегодня солнце ненадолго скрылось за облаками, принимающими разные формы, пошел небольшой дождь и быстро прекратился. Теперь облака медленно плыли в сторону гор Курама, которые казались издали величиной с ладонь, в сторону цветущих яблоневых садов. Рузы рисовал, не отрывая взора от этих дивных пейзажей. Так он, наслаждаясь природой, искал пути к композиционным решениям. К нему подошел старик. Шаги его были легки и быстры.

– Вот там, в горах, есть много лечебных трав, – сказал он с гордостью.

Рузы взглянул в указанную стариком сторону и долго любовался буйно расцветшими в поле, хорошо видимом через невысокую ограду, цветами и травами. Белые, розовые, чернильного цвета, сиреневые, они радовали глаз, прогоняя усталость.

Старик заметил старушку, которая суетилась у очага.

– Что случилось, мать? – Она шла в сторону дома с горячим чайником в руках.

– В доме завелись муравьи, – ответила озабоченно женщина. – Стоит выставить на дастархан сладкое, как они валом валят к нему. Вот я им сейчас покажу, чтоб они пропали!

– Эй, эй, старуха! – Старик соскочил с топчана и ловко отнял у нее чайник с кипятком. – Муравьи тоже живые существа. Они пришли на свет, чтобы жить. Зачем вы хотите взять грех на душу, убивая их?!

Старушка удалилась в дом, недовольно качая головой. Вскоре она вышла и постелила на топчане скатерть.

– Вот он какой наш дед... Сердце у него доброе... Только ко мне больно строг, – заметила она.

Старик бросил на жену быстрый взгляд.

– Неужели? – улыбнулся он и соскочил с места.

Рузы в это время не видел, что делает старушка, но чувствовал, что глаза ее, когда-то сверкавшие чудодейственной силой молодости, и сейчас смотрят мягко и ласково, лицо ее просветлело, щеки, когда-то напоминавшие наливные яблочки, зарумянились... А старик, не обращая внимания на присутствие Рузы, обратился к ней:

– Помнишь, что ты ответила на мою частушку?

– Нет, – слушавила старушка. – Не помню... Ответила, наверное, как могла. Столько лет минуло, разве упомнишь?

– Ты ответила вот так, – старик забренчал на домбре.

Рузы услышал, как старушка тихонько вздохнула. А старик, отставив домбру в сторону, поднялся и встал, хитро улыбаясь.

– Сама ведь хотела, чтобы жених был озорником, а? Эх, старуха, а еще говоришь, что я строг с тобой.

Мысленно пожелав долгих лет жизни этим милым старикам, столь долгое время прожившим вместе, художник стал набрасывать эскизы их будущих портретов.

Рассветает. Вдали виднеются окутанные светло-сиреневым туманом горные вершины. На айване сидит женщина в национальном платье, кого-то ожидая. Ее клонит ко сну, она устала. Рядом лицом вниз спит мальчик. На краю паласа – женские галоши и шлепанцы мальчика. Здесь будто все застыло в вечном ожидании. Рузы подобную картину увидел впервые. А в Сурхандарье он дал ей название «Песня».

В общем именно тогда он понял, что есть шарлатаны, а есть настоящие табибы – лекари. Многое он записал из уст своего спасителя.

Позже, бывая в творческих командировках, он всегда брал с собой целебные корни и травы. Обучил, как их готовить свою Марину, которой поначалу не нравилось все это, однако позже она использовала в лечении рецепты русских травников, что присылали ей мать и подруги.

...Откуда же, несмотря на все их старания, появилась все-таки эта болезнь?

Кто-то посоветовал ему однажды: «Рузы, ты работаешь с масляными красками, а они все ядовиты. Поэтому не оставайся ночевать в мастерской. Тот же художник посоветовал после работы с масляными красками выпить граммов пятьдесят водки. Кто же это был? Ах да, вспомнил – Эдик! Эдуард Калантаров. Талантливый художник кино. Сосед по лестничной площадке. Рузы тогда писал его портрет, где использовал самые яркие краски. Эдик очень заботился о своем здоровье, но, к сожалению, скончался рано. Кто-то говорил, что его ужалила пчела, и от этого он умер, кто-то, что его убили. Рузы последовал совету Эдика выпивать немножечко, но словам «не оставайся ночевать в мастерской», не придавал значения.

МАРИНА

Прошли годы. В Санкт-Петербурге после смерти матери Марине в наследство досталась маленькая однокомнатная квартира. Там и жила она после получения российского гражданства и лишь один раз в год, осенью, приезжала в Ташкент. Рузы ей разрешал это. Да она и не нуждалась в его позволении, все делая по-своему.

Он помнит, как впервые познакомился с Мариной. Он тогда учился в институте в Санкт-Петербурге и, по обыкновению, лишь выдавалось свободное время, бежал в Эрмитаж, где часами любовался картинами Ван Гога, Рембрандта и других художников. Однажды там он обратил внимание на белокурую большеглазую девушку, которая была с матерью, пожилой женщиной. Как раз незадолго до этого из письма Саши Бошмана он узнал, что его любимая девушка вышла замуж, и ходил сам не свой. Его друг Ахмад с архитектурного факультета убедил его, что искусство стоит намного выше, чем неверная невеста. «Если девушка эта подойдет к картине Рембрандта “Девушка, освещенная лучами солнца”, я обязательно женюсь на ней, – загадал он.

Словно прочитав его мысли, Марина остановилась именно у этого полотна и стала разглядывать картину. Мать же ее осматривала археологические находки, недавно привезенные из Сибири. Теперь надо заговорить с девушкой. Но как? Надо начать знакомство с матери. Рузы подошел к экспонатам, которые разглядывала мать девушки, и будто самому себе что-то воскликнул так оживленно и радостно-удивленно, что мать девушки обратила на него внимание. Она даже спросила, чему это он так удивляется. Обрадованный, что его уловка оказалась удачной, Рузы с воодушевлением начал рассказывать о народной культуре Сибири. Затем поведал о том, что хотя теперь он учится здесь в институте имени Репина, когда-то в Термезе, познакомившись с археологом Гавриилом Васильевичем Парфеновым, стал членом клуба юных краеведов.

Увлеченная его пылким повествованием мать тут же позвала дочь: «Марина! Иди сюда! Вот этот молодой человек, как и ты, увлекается археологией!».

Подошла Марина. Она тут же заговорила с Рузы, предложила вместе посмотреть экспонаты. Мать, сказав: «Я устала. Сами смотрите. Через два часа буду ждать вас у выхода», – отошла. В тот день Рузы вместе с Мариной до самого вечера осматривали экспонаты Эрмитажа. И девушка, и он совсем забыли о ее матери, что ждала у выхода. Рузы был вне себя от радости. Оказалось, что Марина, учившаяся на археологическом факультете, прослышав, что доставлены новые экспонаты, пришла вместе с матерью посмотреть на них. Рузы рассказал ей о себе. То, что он был знаком с археологией, пришлось кстати. Марина была рада их беседе. Не прошло и шести месяцев, как они сыграли свадьбу.

Семейная жизнь требовала много расходов: плата за съемную квартиру, продукты, одежда... Через знакомых художников он иногда брал заказы на портреты, делал копии с классических полотен. Он попросил известного художника Абдулхака Абдуллаева, живущего в Ташкенте, чтобы он помог ему с заказами. Марина тоже не сидела без дела. Не бросая учебы, как могла, помогала Рузы.

Он с таким упоением рассказывал Марине об Узбекистане, что и сам диву давался, откуда только у него берутся слова.

Когда в 1961 году Рузы приехал в Ташкент, чтобы собрать материал для работ, он взял Марину с собой. Темой дипломной работы было «Крушение Бухарского эмирата».

Для того, чтобы осветить эту трагедию, Рузы было необходимо побывать в Бухаре и написать арк (шитадель), замок, пейзажи, людей. Устроившись в недорогой гостинице, он вместе с Мариной каждый день ходил делать наброски то на базар, то к замку, то рисовал узкие улочки Бухары. Озорные мальчишки не оставляли в покое Марину, одетую по европейски, в короткое платье, бегали за ней, приставали, дразнили. Не обращая на все это внимания, они терпеливо работали и набрали уйму материалов для будущих картин.

Диплом Рузы защитил на «отлично». И они с Мариной поехали в Сурхандарью. Тетушка по матери, которой было за семьдесят, приняла их тепло. Она не протестовала против брака с Мариной, подарила ей национальные наряды. Рузы увлеченно писал портрет тетушки, который потом демонстрировался на многих выставках. Но он не стал продавать его. В 1980 году Нурали Кабул просил у Рузы это полотно. «Нет, эту работу я не могу подарить. Дам только на время», – сказал тогда Рузы.

«Портрет по сей день у него. Ладно. Он очень много помогал мне. Я доволен им», – думал теперь Рузы. Марина тогда была совсем другая. Тетушка благословила их, сказав: «Будьте счастливы», подарила Марине бусинки от сглаза (кузmunчок).

По окончании института Рузы Чарыеву предложили остаться в Санкт-Петербурге. Марина же настаивала: «У тебя есть Родина с такой богатой историей. Давай поедем туда».

Приехав в 1965 году в Ташкент, супруги жили в мастерской художника Саши Бошмана с однокурсником Рузы по художественному училищу имени Бенькова. В том же году Рузы был принят в Союз художников. Рекомендации дали известный художник Нигмат Кузыбаев и еще несколько собратьев по искусству.

Затем ему выделили мастерскую. Однако в ней, помимо супругов Чарыевых, работали Фахриддин Тахиров, Артыков и еще два русских художника.

Когда, закончив работу, все уходило домой, Рузы с женой отправлялись спать. Некоторые из художников приходили очень рано, на рассвете. Рузы поспешно будил Марину, торопя ее: «Давай быстрее одевайся».

Наскоро одевшись, они делали вид, что встали уже давно. Рузы без усталости работал, даже ночью не переставал трудиться. Свои вещи молодожены держали в маленькой комнатке при мастерской. «Это были мои самые счастливые дни», – сказала как-то Марина. Почему она так сказала? В 1968 году бездомному художнику, обитавшему в чужой мастерской, Рузы Чарыеву с большим трудом удалось получить 2-комнатную квартиру на массиве Черданцева. Как они тогда были счастливы! Сын Навруз родился в 1973 году. Рузы записал в его метриках Навруз. А Марина звала его в память о своем покойном брате Коля (Николай).

Марина не могла пойти ему навстречу только в одном, она наотрез отказывалась привечать людей, которых он приводил к себе домой. Однажды он прочел ей стихи поэта Михаила Квливидзе из его сборника, изданного в 1967 году.

ЖЕНЕ

*Я жаден до людей!.. Всегда толпою
Вокруг меня шумят мои друзья –
Не потому, что скучно мне с тобою,
А потому, что мне без них нельзя.*

*Мне не утратить к Людям интереса,
И я, надеюсь, им необходим.
Что я один! Я – как кусок железа –
Звеню тогда, когда столкнусь с другим...*

Недаром поэт Евгений Винокуров для перевода выбрал именно эти стихи, которые отражали те чувства, что таились в душах многих творческих людей, подобных Рузы. Да, художник жил среди людей и творил ради людей. Без них, по его мнению, он – ничто. Однако Марина не захотела его понять... Стало очевидно – они с Мариной больше не могут жить вместе. Марина дала Рузы письменное разрешение, не разводясь с ней, сойтись с другой женщиной...

САД РУЗЫ

Свою двухкомнатную квартиру на массиве Черданцева Рузы Чарыев обменял в 1970 году на квартиру вдовы Карахана на улице Художников. Это был новый дом, построенный для художников в виде коттеджа. По тем временам он считался шикарным. Квартиры в этих домах, построенных на средства государства, выделялись только именитым художникам, но продавать их кому-либо было запрещено, однако с позволения руководства Союза художников был разрешен обмен. Рузы этот дом достался абсолютно случайно, будто с неба свалился.

А произошло это так. Однажды на улице его остановила женщина: «Ведь Вы – Рузы Чарыев, не так ли?» – спросила она. – Я хорошо знаю вас. Я – вдова художника Карахана. У меня к вам есть предложение»...

В назначенный день Рузы пришел к ней домой. Женщина подробно поведала ему обо всем, ею пережитом. По ее словам, Карахан любил ее с юношеских лет. Хотел жениться на ней. Однако по настоянию своих родственников, которые были против, ему пришлось жениться на девушке своей национальности – армянке. А она вышла за русского парня. Прошли годы, у нее умер муж, а у Карахана – жена. Они встретились вновь и поженились.

За это время дети Карахана выросли, обзавелись семьями и жили отдельно. А у нее от Карахана детей не было. Перед смертью Карахан сказал ей: «Я очень доволен тобой. Столько лет мы хорошо жили вместе. Когда я умру, тебе будет трудно. Дети не будут давать покоя из-за квартиры. Поэтому обменяй эту квартиру. Поменяйся с хорошим благородным человеком, талантливым художником. Я тут наметил одного. Это Рузы Чарыев, молодой художник. У него есть будущее. Обратись к нему, – наказывал он. «Было бы неплохо, если бы вы заплатили мне немного. Я одинокая женщина... Жить же надо...» – извиняющимся голосом закончила она. И вот таким образом Рузы переехал в этот дом. И прожил в нем до 10 января 2004 года.

К дому примыкает сад площадью около «сотки», хотя он и не зарегистрирован в документах, но возвращен Караханом, и в «наследство» Рузы достались карагач, куст глицинии, урючина, дающая хороший урожай, и небольшой виноградник...

Сезон здесь открывался накануне Навруза: в середине садика художник устанвливал свой мольберт, начинал писать эскиз чьего-либо портрета или делал наброски пейзажа. Его ученики Абдужаббор, Зубайдулла, один из трех Курбанов (Курбан Хурсандов, Курбан Аллаеров и Курбан дервиш – фамилии последнего не знал никто) – были здесь постоянно. Приходили также художник-керамист Ашурмухаммад Мамасолиев, Артур, приехавший из Шерабада в поисках работы, его сестра Яна, Адолат Комилова, а еще мужчины, которых выгнали из дома, или которые развелись с женами, бомжи. Кто-то ремонтировал стол или стулья, кто-то занимался уборкой. У всех настроение было праздничное. Наконец, закончив начатую работу, хозяин дома восклицал: «А ну-ка, есть что-нибудь поесть?» Достав деньги из кармана, велел принести из магазина что-нибудь из съестного и сухого вина, иногда за счет щедрого хозяина что-то варили на очаге в углу садика. Рюмка сухого вина была символом начала сезона и праздника.

Садик словно превращался в театральную сцену: кто-то появлялся, кто-то вдруг поспешно уходил, но песни звучали, продолжалось творческое общение, шла работа над новыми полотнами.

Возле садика расположена мастерская художника. Сюда ежедневно приходили коллеги, близкие ему по духу. Иные люди, не знавшие художника, думали, что здесь собираются бездельники, проходя мимо садика, они бросали недовольные презрительные взгляды, иногда даже заходили в сад и говорили что-либо оскорбительное или насмешливое. Однако стол здесь не всегда ломился от яств, как думали непосвященные, порой здесь даже нечего было поесть. Но дружеские беседы, шутки и смех за столом были всегда. Оживлению творческих бесед и дискуссий иногда способствовал приход Ньмата Кузыбаева, Дилера Имамова, Жавлона Умарбекова, Патхиддина Тахирова, Вахоба Зияева, Абдукадыра Юсупова. А Исфандиер Хайдаров, Рауф Парфи, Шукур Холмирзаев, увлеченные беседой, оставались здесь иногда до самого утра. Для тех, кто не успел уйти на ночь домой, под деревом в укромном углу садика стояла кровать с матрацами и одеялами...

Садик был полон народа до самой поздней осени, пока не наступали холода. Художник иногда уезжал то в Арктику, то в родную Сурхандарью. Но садик его всегда был полон людей...

С наступлением теплых дней Рузы работал в саду, редко заходя в мастерскую. С утра до ночи писал он свои картины, отдыхал, пел песни. Летом и осенью здесь же

привечал гостей, приезжавших к нему. После ссоры с Мариной к ним в дом, кроме родственников жены, никто не заходил. Марина же изредка выглядывала из дома, лишь для того, чтобы позвать Рузы обедать. И в такие минуты художник хвалил жену, говоря: «До чего же удивительна Марина! Никогда не вмешивается в мои дела, не морочит мне голову, прося купить то то, то это, то что-нибудь еще». Художник был прав. Марина была непритязательна к вещам, не трепала нервы художнику, не вмешивалась в его дела. После рождения Навруза и Роксаны, она почти не заходила в мастерскую Рузы.

Художник, по своему характеру не любивший одиночества, все же иногда уединялся в мастерской, чтобы посмотреть на свои картины и записи. Лишь некоторым сообщал он о том, что сидит у себя в мастерской, позволяя беспокоить только при необходимости. Однако сад для него был самой большой и любимой мастерской. «Возьми себе в привычку работать на открытом воздухе», – говорил ему когда-то Абдулхак Абдуллаев.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАВЕШАНИЕ РУЗЫ ЧАРЬЕВА

В один из летних дней 2004 года я ждал машину на остановке Художников в Ташкенте. Мы часто встречались здесь с Рузы Чарьевым, уезжая вместе по наметенному маршруту. Дом Рузы ака находился недалеко от этой остановки. Увидев меня, он шел, громко приговаривая: «До утра работал... иду... вот... Узнать его издалека было не трудно: представьте себе человека с длинной бородой и длинными волосами, похожего на Карла Маркса. Обычно, когда мы его поджидали, он, подходя к нам, отдавая кому-то из нас свою поклажу, широко открывал объятия и всех обнимал. Он был всегда пропитан запахом керосина смешанным с запахом красок. А если к ним примешивался запах алкоголя, Рузы ака сразу начинал рассказывать, как проходила вечеринка, кто на ней присутствовал и т.д., как бы оправдывая себя. И даже в этом случае тему разговора переводил на творчество. «Эге-гей знаешь ли ты, какой портрет я создал!» – говорил он каждый раз при встрече, получая от этих слов удовольствие. Эту свою привычку он не оставил до конца жизни. «Но ты об этом никому не говори», – приговаривал он. Почему я не должен об этом говорить, я у него не спрашивал. Это была его манера говорить. Если к нам присоединялся кто-нибудь, он обязательно повторял те же слова. Хотя Рузы ака многие годы жил в Ташкенте, он использовал из местного диалекта единственное слово – «локин» – союз «однако». Обычно же говорил на карлукском диалекте Сурхандарья.

И на этот раз я с той же остановки впервые уезжаю в Сурхандарью, чтобы снять фильм о Рузы Чарьеве. С режиссером будущего фильма Собиром Назармухамедовым должен был встретиться здесь. Автор сценария фильма поэт Усман Азим позвонил мне и попросил, чтобы я помог режиссеру как консультант и сопровождал его в этом путешествии.

Наконец, в машине «Дамас» приехал Собир ака. Хотя мы впервые увидели друг друга, но быстро нашли общий язык. Собир ака своего времени не тратит зря. Он мне сразу сказал: «Сурхандарья находится далеко. И времени у нас много. Обо всем, что связано с Рузы ака, по памяти расскажите. Это пригодится и при создании фильма, и при написании книги о нем. Договорились? Не обязательно, чтобы это было в хронологическом порядке. Важно вспомнить яркие моменты жизни художника. Важен сам процесс воспоминания». Я был согласен с ним. По пути все, что оживало в моей памяти, связанное с Рузы ака, я рассказывал, заодно набрасывая в карманном блокноте предварительный вариант будущей книги.

ТАШКЕНТ. СЛУЧАЙ В СТАРОМ ГОРОДЕ

1980 год. Один из летних дней. Время за полночь. Мы возвращались на машине с чьей-то вечеринки. Когда машина проезжала через махаллю «Чигатай», Рузы ака велел шоферу остановиться. Художник очень любил дворы, улицы Старого города. Здесь во многих дворах были открыты столовые. Пока художник не зайдет и не посидит в одном из таких восточных двориков, он не мог успокоиться. Он остановил машину здесь не для того, чтобы поесть, его воодушевили неповторимость и необычность этой ночи. Оставив машину, зашли во двор, где горел свет. В столовой, кроме 5–6 парней, никого не было, а обслуживал их худенький молодой человек. На краю стула сидела одинокая грустная девушка. Она посмотрела по сторонам, потом на нас. Хозяин двора пригласил нас за столик, стоявший в углу. Один из парней, увидев длинные волосы и бороду Рузы ака, принес стул и любезно сказал: «Садитесь, бабай!». Тогда художнику было около 60 лет, он не любил, когда его называли «бабай». «Художник не может быть старым! – сказал он. – Сам ты бабай». Парень посмотрел на него испытующе, потом молча куда-то вышел. Мы продолжили нашу беседу за столом. А парни то ли играли в карты, то ли во что-то другое, говорили на своем непонятном жаргоне, обменивались какими-то жестами. Все это для нас было непонятным и странным. Рузы ака, видимо, понравились цветники во дворе, старинные стены, своеобразие всего здания. Он попросил хозяина принести кусочек угля. Потом, с его разрешения, нарисовал на стене портрет красивой девушки. Это было состояние души сидевшей печальной девушки. У нас шла оживленная беседа, после чего мы стали петь. За столом нас было четверо – я с Рузы ака, Адолат Вахобова, приехавшая из Сурхандарьи (она была основной героиней картины Рузы ака «Славные девушки Шерабада») и наш шофер – фермер из Термеза. Рузы ака попросил Адолат, чтобы она немного спела. В свое время Адолат исполняла классические песни, даже выпустила свою пластинку. В 70-е годы работала механизатором, стала знатным хлопкоробом. Несмотря на то, что муж Адолат Вахобовой Акмал Исаков был лесником, он тоже великолепно исполнял классические песни. Он автор знаменитой песни «Сен бахорни согинмадингми?» («Не соскучился ли ты по весне?»). Когда Адолат вышла замуж, из уважения к мужу перестала петь. После замужества Адолат стала жить в Шахрисабзе. Она мать троих сыновей, в данный момент работает в школе. Рузы ака часто бывал там, давал консультации членам клуба изобразительного искусства. Адолат по просьбе Рузы ака вполголоса запела песню «Севмасмикан?» («Любит ли?»). Вдруг она сказала: «Рузы ака, давайте скорее отсюда уйдем». Она была чем-то встревожена. Я сразу понял, что хотела сказать Адолат и уговорил Рузы ака уйти. Адолат действительно владела какой-то внутренней силой, была экстрасенсом. Она даже лечила людей. Однажды, она помогла вылечить радикулит у самого Рузы ака. За несколько секунд она загипнотизировала мою жену и многих гостей. «Если я не потрачу свою энергию, если не буду лечить людей, то не выдержу боли в своем теле и умру», – говорила она. (Действительно, когда Адолат прекратила лечить людей, она вскоре умерла). Когда мы вышли на улицу, Адолат опять стала нас торопить: «Скорее гоните машину, эти парни – картежники-бандиты. Они поставили на кон ту девушку». Рузы ака засомневался: «Не может быть. Какие тут могут быть бандиты?». Когда мы приехали в мастерскую Рузы ака, уже начало светать. Адолат обратилась к шоферу: «Откройте багажник машины, ничего там не пропало?». Шофер открыл багажник машины. Лежавший там запасной баллон, пишущая машинка и еще кое-какие вещи бесследно исчезли. «Хорошо еще, что вовремя уехали», – сказала Адолат. – «Благодарите бога, что уехали от них целыми и невредимыми.

«ЗДРАВСТВУЙ, НЕБО! ЗДРАВСТВУЙ, ЗВЕЗДА! ЗДРАВСТВУЙ, ЧЕЛОВЕК!..»

... Массив Урта овул, вблизи Ташкента. Когда-то сюда из Сурхандарьи переехал Эргаш Чарыев и пригласил всех землячков, живущих в Ташкенте, к себе на свадьбу.

В один из летних дней мы прибыли на свадьбу. «Рузы ака, уже поздно. Оказывается, это очень далеко, может, не поедет?», – сказал я. «Поедем, земляк с таким уважением, от души пригласил нас. Кроме того, его фамилия тоже Чарыев», – ответил он. Когда мы приехали, пир был в разгаре, все были сыты и пьяны. Среди гостей уже не было таких, кого можно было бы послушать. Хорошо, что наши женщины не выпивали. Они сидели в сторонке.

Даже здесь Рузы ака начал делать в карманном блокнотике зарисовки людей, находившихся рядом с ним. В этот момент слово дали Рузы ака. Я сразу же встревожился, а что если он будет говорить, а никто не будет его слушать. Рузы ака, держа микрофон в руках, вышел на середину. Подняв руку к небу, он громко сказал: «Здравствуй, небо!» Гости, наверное, подумали, что услышат обыкновенные, ставшие привычными поздравления. Но, услышав слова Рузы ака, неожиданно все притихли. «Здравствуй, звезды!», – продолжил он. Наступила полная тишина. «Здравствуй, луна!» – сказал художник. На небе действительно сверкали звезды, а луна, как будто зачарованная этими словами, светила над нашими головами. Гости, приехавшие на свадьбу, удивленно смотрели на этого удивительного, странного человека, ожидая, что же еще он скажет. «Здравствуй, земля!» – продолжал Рузы ака. Потом, повернув голову к людям: «Здравствуй, человек!». И только после этого приблизил микрофон к себе и печально, но громко спел узбекскую классическую песню – маком. Как бы изливая этим свои печали. После этого раздались бурные аплодисменты. «Здесь идет сурхандарьинская свадьба, – сказал Рузы ака, – это большое событие. Посмотрите на этого человека. Он приехал из Сурхандарьи и вот здесь, собрав столько людей, играет свадьбу! Где его сын, где сын! Хеей!» – громко воскликнул он. Привели мальчика – виновника свадьбы – суннат тоя. «Посмотрите, только посмотрите на него! – сказал художник. – Он стоит, как великий Человек! Он гениально стоит! Эх, надо его рисовать вот в таком виде! И вполголоса, обняв мальчика, стал напевать еще одну песню. «Рузы ака сделал все как следует, надлежащим образом», – сказал сидевший рядом со мной Файзулла Кылич. – Понял его, или не понял народ, я этого не знаю, но в его словах много смысла. Это здорово». «Раз юрист так хорошо понял его, другие тоже поймут. А остальное Рузы ака объяснит своими произведениями», – сказал я.

ЧУДЕСНЫЕ КРАСКИ

Однажды ко мне домой пришел журналист Шерали Сокин. Показал материал, написанный им о Рузы ака. Многие – истинная правда о художнике, мне очень понравилось. Например: «...Если Рузы приходил получать свой гонорар на производственный комбинат «Рассом» или в Министерство по делам культуры за какое-нибудь свое произведение, обычно за ним увязывались нуждающиеся в деньгах восемь-десять человек знакомых и незнакомых, начинающие ученики, или просто тунеядцы и неудачники. О-о, по воле бога, как они увязывали об этом, я до сих пор не знаю. Знаю только одно, что после таких «крестовых» походов, в большинстве случаев наш художник голодал вместе с семьей. Однажды на улице я встретился с Рузы ака лицом к лицу. Смотрю, у него рот до ушей. «Э, друг, не спрашивай, я их так ловко провел. Из кассы комбината получил 910 сумов, раздал всем друзьям, кто просил денег, а себе еле-еле урвал 80 сумов», – сказал он, вынимая из кармана деньги. – Пошли выпьем». А вот еще один случай. В 1983 году наш ага (обращение к старшим — прим. перев.) был удостоен Государственной премии им. Хамзы. Неожиданно в это время мы опять с ним встретились. Стоя на противоположной стороне улицы, он жестами звал меня. Я подошел. «Шерали, посмотри-ка, сегодня мне досталась Государственная премия. У меня много денег. Можешь взять сколько хочешь. В конце концов, твое материальное положение сейчас весьма затруднительно», – сказал он. «Пока мне деньги не нужны. Вчера получил гонорар за статью», – сказал я. Когда об этом случае узнал наш писатель Нурали Кобул, то выразил сожаление. «Зря вы так, – сказал он. – Надо было брать. Вот, увидите, он раздаст эту премию и явится ни с чем. А мы здесь в ресторане

«Ташкент» в связи с его премией заказали банкетный стол на сто человек. Пригодились бы деньги при оплате». Нурали Кобул оказался прав. Этот проказник-лауреат истратил все деньги и стоял возле друзей, виновато склонив голову. Короче говоря, деньги за банкет Нурали был вынужден заплатить из своего кармана.

Образы, созданные художником, своей теплотой и яркостью приводят в восторг человека, согревая его душу. Я помню, как один мой друг искусствовед сказал: «Перед произведениями Рузы Чарыева, очень легко дышать». Любой человек, хоть один раз видевший «Сурхандарьинскую мадонну», обязательно согласится с ним.

Вот картина «Шелковое сюзане». С теплотой и нежностью изображено душевное состояние невестки, довольной своим созидательным трудом. Только что законченное сюзане служит художественным средством для его совершенствования. Произведение «Портрет брата» заслуживает внимания потому, что проникнуто особым приподнятым настроением.

Действительно, портрет в творчестве Р. Чарыева занимает важное место. Портреты, принадлежавшие кисти художника, такие, как «Алишер Навои», «Икрам Акбаров», «Кутлуг Башаров», «Батыр Закиров», «Галина Пугаченкова», «Таджиддин Мурадов», «Афганский генерал Казыхан», невольно очаровывают сильными характеристиками, целеустремленностью, чувствами людей, бьющими через край, людей, имеющих силу воли и стремление к подвигу. Достойны внимания когда-то своим честным трудом прославившие Узбекистан, но сейчас почти забытые образы Абдусаттора Курбанова, Чиннихол Худоеровой, Адолат Вахобовой, Шоймардона Кудратова, Тура Кувватова, запечатленные на холстах художника.

Я бы поставил наряду с классическими произведениями художника еще одну большую работу – «Портрет Адолат». Облик безвременно ушедшей из жизни художницы – талантливой ученицы Рузы Чарыева, его настоящей поклонницы Адолат Комиловой проникнут горечью утраты и печальным настроением. Сколько бы вы ни старались, вы не сможете прямо смотреть в глаза Адолат. Печаль, горе и трагедия, отражающиеся в ее глазах, не дают вам такой возможности. Это произведение своего рода реквием, посвящение памяти художницы. Отличительная черта этого портрета в том, что жизнь простого, скромного человека приобрела в нем высокую сущность. В последние годы произведения Рузы Чарыева успешно выставлялись более чем в двадцати странах мира. В их числе Румыния, Италия, Турция, Швеция, Греция, Кипр, Мальта, Маракеш, Египет, Сенегал, Вьетнам, а также Россия (Москва, Санкт-Петербург). Видный деятель современного западного изобразительного искусства, прогрессивный итальянский художник Ренато Гуттузо, посетив у себя на родине выставку узбекского художника, сказал: «Рузы Чарыев открыл для меня новый мир!».

ЕСЛИ ПОЖЕЛАНИЯ ОТ ДУШИ...

В последнее время Рузы ака был похож на святого. Он носил белый костюм. Седые волосы и борода, вечно смеющиеся глаза, открытое лицо всегда излучавшее какое-то сияние. Знакомые и незнакомые люди приходили к нему с просьбой: «Рузы ака, благословите нас». Рузы ака, подняв руки, шепча что-то, благословлял их. Несколько раз, будучи свидетелем этого, его ученик Нурали однажды спросил у художника: «Рузы ака, вы какие ояты читали? Оказывается, вы и «Коран» наизусть знаете». «Я сосчитал до двадцати и потом благословил его. Если у него добрые намерения, то сам бог обязательно его поддержит», – сказал художник серьезно. И действительно многие из тех, кто приходил к нему получить благословение, выражали свою признательность: «После вашего благословения наши дела пошли на лад, а здоровье улучшилось».

Детство Рузы ака прошло в детских домах, он воспитывался у русскоязычных воспитателей, учился в русских школах. Существовавшая в стране идеология атеизма не дала ему возможности хотя бы вкратце быть посвященным религиозному уче-

нию. Хотя он не знал наизусть ояты и молитвы из «Корана», но всегда читл чистую душу наших великих предков, всегда посещал с большим почтением могилы святых.

Я помню, в 80-е годы в Ташкент приехала моя знакомая поэтесса Сирье Кийн Рутсоо из Эстонии. Она сказала мне, что хочет побеседовать с муфтием Исламского университета уважаемым Мухаммад Садык Мухаммад Юсуфом, находящимся в ведении религиозного управления Средней Азии и просила пойти вместе с ней к нему. Мы вместе пошли в институт. Господин муфтий Мухаммад Садык Мухаммад Юсуф спросил меня, откуда я родом. Когда я сказал, что из Шерабада, он встал и сказал: «О-о, вы оказывается из святых мест. Прах хадисоведа Исо ибн ат-Термези, считающегося в мире Ислама великой личностью, находится в Шерабаде». И уважаемый муфтий, показывая на стоящие рядами на полке книги Исо ибн ат-Термези, написанные на арабском языке, сказал: «Когда будете в Шерабаде, обязательно посетите могилу уважаемого».

Когда мы вместе с Рузы ака поехали в Шерабад, я сказал об этом председателю исполнительного комитета Пайгамову. Он, подтвердив слова сказанные муфтием, объяснил нам, что гробница находится в кишлаке на другом берегу реки. Мы поехали туда. Гробница, построенная в XI веке, была со всех сторон окружена осыпавшимися стенами и могилами, она находилась в ужасном состоянии. Рузы ака был очень расстроен, увидев заброшенным этот редкий памятник старины. «Я в 50-е годы эти места обходил пешком. Почему я тогда не увидел эту гробницу? Помоему, местные жители, чтобы спасти от безбожников-большевиков гробницу этого высокочтимого человека, обвели ее глинобитным дувалом...». Подробности этой поездки я тогда опубликовал в газете «Узбекистон адабиети ва санъати». Рузы ака, чтобы реставрировать гробницу, многократно обращался в разные учреждения, организации, безуспешно обивая их пороги. Однако, благодаря усердным стараниям художника, это место все же было приведено в порядок. После обретения Узбекистаном Независимости гробница была заново отреставрирована согласно международным стандартам и превратилась в одно из самых благоустроенных и почитаемых мест. Если Рузы ака было по пути, он обязательно бывал в этом святом месте. Он старался посещать и другие святыни и гробницы. В первые годы Независимости мы с ним поехали в Кунградский район Каракалпакстана. Нам сказали, что вблизи Устюрта находится древнее кладбище и святилище. Художник сказал: «Поедем туда». И мы поехали. Рузы ака очень удивился. Здешнее кладбище, по словам художника, напоминает некрополь – маленький макет итальянских городов. То, что мы увидели здесь, напоминало когда-то цветущий город. «Эти места надо благоустроить, организовать международные туристические маршруты», – сказал художник каракалпакским друзьям. Хотя Рузы ака не был религиозным человеком, он стремился узнать историю религий, стараясь читать больше литературы на эту тему. Если кто-то начинал хвалить только ту религию, в которую верил, а религию других народов старался унижать, он был недоволен. С такими людьми он даже не спорил. Рузы ака спорил только по вопросам искусства, творчества. Что касается других тем, он слушал собеседника терпеливо, не отрицал, не подтверждал сказанного. Всегда давал возможность собеседнику спокойно высказаться, слушая его, говорил: «Неужели? Это так, да?» и, как бы удивляясь, смеялся. А окрыленный собеседник с большим воодушевлением все говорил и говорил. Рузы ака больше всего интересовала информация, получаемая от собеседника, его действия, образ мысли, и он использовал все это в своем творчестве.

ДУШЕВНОЕ СИЯНИЕ

Я не могу забыть, как в детском доме воспитательницы и даже сам директор воровали мясо, молоко, масло и другие продукты питания и продавали их. Все это происходило прямо на наших глазах, а мы, молча и с грустью, смотрели им вслед, не зная даже, что все это предназначалось нам, и было выделено детям Родиной. Я

до сих пор не могу себя простить. Почему я, хотя бы ради истины и уважения окружающих меня друзей, которые нуждались в родительской любви, материнской ласке, зная об их преступлениях, ничего не смог предпринять. Может, это из-за того, что был ребенком, или не обращал на это внимания?

Во время войны в детском доме я лежал рядом с детьми, привезенными из Санкт-Петербурга. Я заплакал, увидев, как они едят. Одной рукой держали хлеб, а другую подставляли под нее, чтобы ни одна крошка не упала на пол. Да, они знали, что такое голод. Самое страшное случилось вечером. Как будто их только что привели с поля боя, и, искупав, уложили в белоснежную постель. Они дрожали, задумчиво смотрели в потолок, засыпая. А некоторые из них просыпались в полночь и плакали. Однажды кто-то из этих детей, увидев, как я рисую, сказал мне, что пишет письмо отцу и в письме хочет отправить мамин портрет. Я нарисовал его будто он дарит маме цветы.

– Мама у меня не такая, – сказал он, обидевшись на меня, – ее глаза были очень красивы. И волосы, как у нее, не получились. Нельзя отправить этот рисунок отцу.

Я не ожидал от него таких возражений. Впоследствии узнал, что он был прав. Когда они ехали сюда из Ленинграда, мама этого мальчика погибла, а отец не знал об этой трагедии. После того случая каждый раз, когда рисую образ женщины, мне кажется, будто кто-то, стоя возле меня, всегда возражает. Хочу сказать, что учили меня рисованию очень многие. Я хочу, чтобы каждый человек родился в душе художником и жил как художник. Потому что профессия художника – это не только рисовать, а еще дерзать. В душе каждого человека заложено искусство, есть заряд красоты. Какое счастье, что я стал его верным тружеником.

Только такая великая личность, как мать, бывает причиной рождения великих. Ее любовь к своему ребенку – это ее преданность обществу. Возьмем, к примеру мою картину «Колыбельная». И ребенка, который лежит в бешике (колыбели), и мать, качающую его, я позволил себе рисовать белым цветом. Этим я хотел сказать, что их чувства по отношению друг к другу искренни и чисты, как белый цвет. В таких произведениях, как «Мелодии Сурхандарьи», «Девчонка», «Рождение дочери», когда я создавал образ матери, мне все время казалось, что я не справлюсь с этим образом. Да, да, ни один художник не имел счастья изобразить ее точно.

Когда изображаю ребенка, прежде всего, считаю его ребенком. Возьмите, например, такие произведения, как «Дети капитана Гранта», «Тимур и его команда». В них через мировоззрение взрослых раскрывается жизнь детей, их мечты, их борьба. В картине «Свирель» из цикла «Одесские воспоминания» изображен мальчик, окунувшийся в светлые, утренние лучи. На пастбище пасется пегая корова. Ишак, поворачивая шею, ревет во все горло. А на возвышенности – мальчик, не обращая на них никакого внимания, играет на свирели. Он настолько занят своим делом, что не слышит и не видит событий, происходящих вокруг него. Вся его сущность, все его мысли заняты лицезрением красоты. Неожиданно задаешь себе вопрос: кто этот мальчик? Почему он с таким увлечением играет на свирели? Живы ли его родители? Или соскучившись по ним, он отводит свою душу с помощью мелодии? Как рождается мысль у детей, я не знаю. Но у меня была именно такая цель, когда я создавал эту картину. В произведениях «Дружная семья», «Благодарный» я проникал в мир ребенка через жизнь взрослых.

ПОСЛЕДНЕЕ ЗАВЕШАНИЕ РУЗЫ ЧАРЫЕВА

Прочитав такое заглавие, можно подумать: «Неужели Рузы ака писал завешание несколько раз?». Да! Одно из них, написанное его собственной рукой, не было утверждено нотариусом. Оно случайно было обнаружено среди страниц одной книги на узбекском языке, которую отдала мне Марина. Завешание написано на русском языке. Вот его текст:

Завешание

От 22 декабря 1986 г. перед отлетом в Москву. Все, что я, как художник Рузы Чарыев, рожденный в 1931 г., имею, оставляю семье – мои произведения, написанные до 1983 г. А созданные до 1986 г. 22 января оставляю своей ученице Комиловой Адолат, которая сыграла большую роль в создании этих работ. Она имеет право иметь эти работы у себя, когда меня не будет в живых. Заполнить не было времени, но я думаю, что добро должно победить зло.

К сему – художник Рузы Чарыевич Чарыев. 22 декабря 1986 г.

Последняя просьба – похоронить меня в кишлаке Пашхурт Сурхандарьинской области.

Всегда я шел к тебе, моя земля, и, наконец, пришел. Прости, что так долго скитался.

Для чего же было написано это завешание? В то время он мне говорил, что у него сильная депрессия, и ему надоело жить. Я думал, что он просто шутит. Но когда начал читать это завешание, подумал, что его намерения были серьезными. Меня до сих пор мучит один вопрос. Почему такой человек как Рузы ака, человек сильной воли, испытывавший все тяготы и трудности жизни, сиротские страдания, хотел свести с жизнью счеты. Вот теперь, судя по завешанию, можно узнать, что он в третий раз хотел покончить жизнь самоубийством. Что же случилось тогда, в 90-е годы? Об этом я могу лишь догадываться. Рузы ака в то время полюбил одну красивую женщину, имя которой нам неизвестно, но в его картинах она названа Согдианой. Отношения между художником и этой незнакомкой немного похожи на любовный дастан известного писателя Чингиза Айтматова с балериной Бибисорой Бейшеналиевой. Хотя Б. Бейшеналиева не согласилась официально выйти замуж за Ч. Айтматова, но они всегда были близки. А отношения между Рузы ака и Согдианой были несколько иными. Рузы ака дал Согдиане некоторую сумму денег и сказал ей, чтобы она ждала его возле Большого театра в Москве. И когда Рузы ака приехал в условленное место, она не явилась... «Если бы она тогда пришла, моя жизнь перевернулась бы вверх дном. Потому что я отказался от всего, мы договорились с ней пожениться, – говорил он тогда, – но она не пришла... Наверное, это и к лучшему...»

В 90-е годы прошлого столетия материальное положение Рузы ака было очень тяжелым. Чтобы содержать семью, он был вынужден продавать свои самые лучшие картины за гроши. Кроме того, работающий в городе Китабе в геологоразведке, человек по фамилии Гадов, забрал у Рузы ака 50 произведений, сказав, что в Москве он продаст их за приличные деньги. Рузы ака до конца своих дней верил, что он вернется. Но тот человек так и исчез...

В то время была еще одна проблема у Рузы ака. Когда его дочь Роксана вышла замуж, она попросила отца купить ей отдельную квартиру. И он стал думать, как же ему решить эту проблему. Наконец-то удача улыбнулась ему. Какой-то турецкий миллионер пригласил его к себе на Родину в Турцию. Может быть, художник именно в это время и перестал думать о самоубийстве... Рузы ака улетел в Стамбул на три месяца. Оттуда вернулся довольный и бодрый. По его словам, в Стамбуле он жил по-королевски. Каждый день купался в Мраморном море, занимался любимым делом – творчеством, рисовал морские пейзажи. Хотя художник заработал не такие уж и большие деньги, но купить дочке двухкомнатную квартиру и на ежедневные расходы на некоторое время ему хватило. «Я там пил только вино, – смеялся Рузы ака. – Турки, как мы, водку не пьют. Поэтому я тоже стал пить вино». Иногда, будучи под хмельком, он говорил: «Все мои секреты я рассказал тебе. Остался только один. Его я скажу потом». Но эту тайну он не успел мне доверить. Может быть, она связана с этим завешанием?

А о последнем своем завешании художник сказал мне перед смертью. Когда он тяжело заболел и попал в больницу, я был в Сурхандарье. Художника поместили в первый стационар. После операции несколько дней не разрешали видеться с ним. Когда его перевели в палату, мы вместе с искусствоведом Акбаром Хакимовым и

литературоведом Абдуллою Удуговым заехали его навестить. Возле художника сидел скульптор Янис Шапиро. Рузы ака прочитал нам тихим, приятным голосом стихотворение Тютчева «Тихое утро», а потом сказал: «Он на двадцать лет притормозил развитие нашего поколения (Рузы ака имел в виду бывшего руководителя Союза художников во времена Советского Союза). Но теперь поздно, сказал и, тихо закрывая глаза, снова открыл их. – Вот, Нодир хочет увезти меня в Пашхурд, чтобы навеки оставить меня там». «Почему это я должен забрать вас? Вы своими ногами поедете туда», – сказал я. Я только потом осознал, что он говорит всерьез. «Зачем ему везти тебя так далеко? Пусть похоронят здесь. Я тебе сам бесплатно установлю памятник», – пошутил Шапиро (после смерти Рузы ака на его могиле был установлен памятник по проекту скульптора Азамата Хатамова). Во второй раз навестить Рузы ака я поехал вместе с главным художником ГАБТа им. А. Навои Зубайдулло Батыровым. Когда мы приехали к нему, возле него сидела Марина. Узнав о болезни мужа, она прилетела из Санкт-Петербурга. Я спросил у Рузы ака, чем я могу ему помочь. Я еще не знал о том, что его болезнь неизлечима, и все надеялся, что он поправится. Рузы ака сказал, что он благодарен председателю Академии художеств Турсунали Кузиеву за то, что он оказывает большую помощь в его лечении. А мне сказал: «Заплати долг за мой домашний телефон». На следующий день я опять пришел к нему. Рузы ака разговаривал в коридоре с кем-то очень раздраженно и горько плакал. Но я ничего не понял. В это время к Рузы ака пришла его знакомая. «Скажите Рузы ака, пусть не плачет. Человек дошел до отчаяния», – сказала она. Я как мог успокоил художника. Когда я с ним прошался, Рузы ака выдвинул ящик тумбочки возле своей кровати, взял оттуда листок и сказал: «Вчера я видел сон. В темном месте я провалился в глубокий колодезь. Вот это я и нарисовал сейчас». Я взял листок и посмотрел на него. На нем был нарисован черным фломастером какой-то непонятный рисунок, похожий на квадрат. «Но это же знаменитый «Черный квадрат» Малевича», – сказал я. «Не знаю, но я нарисовал то, что видел во сне», – сказал он. Это был последний рисунок художника... У кого находится сейчас этот рисунок, я не знаю.

На следующий день у меня на работе, ближе к обеду, зазвонил телефон. По голосу я узнал керамиста Ашурмухаммада, живущего в маленькой каморке в мастерской Рузы ака. Он тоже в те дни часто навешал Рузы ака. «Нодир ака, Рузы ака больше с нами нет», – сказал он неожиданно. Я не поверил своим ушам. Тут же пошел к председателю Академии художеств Т. Кузиеву. «Может, нам неверно сообщили?» – сказал он. «Но кто посмеет в такой момент сообщать ложную информацию?» – ответил я. Доехав до стационара, я узнал, что через два часа тело художника привезут в мастерскую, я должен быть там. Когда привезли Рузы ака, казалось, будто он спит. Согласно его завещанию гроб с его телом вынесли из мастерской. Возле сада собралось очень много народа. Провели траурный митинг. С 1949 года близко знавший Рузы ака Раим Махмудов, которому уже 90 лет, говорил о художнике взволнованно. А поэт Усмон Азим прочитал стихотворение о Рузы ака. Впоследствии это стихотворение и статья были опубликованы в газете «Ўзбекистон адабиети ва санъати». Стихотворение было глубоко драматичным и представляло жизнь художника настолько правдиво, что невозможно было сдержать слезы.

В похоронной процессии на Чигатайском кладбище участвовали руководители правительства, представители общественности, известные художники, писатели, поэты, люди различных профессий. Чтобы проводить великого художника в последний путь, с его родины, из кишлака Пашхурд, приехало очень много людей, в их числе Мамарайим Бойкулов, Зиедулла Алимарданов, Муродилла Норматов и др. Прежде, чем прочитать заупокойную молитву, группа художников попросила скульптора Азамата Хатамова обратиться к народу: «Если Рузы ака был должен кому-то, пусть скажет, я рассчитаюсь с тем человеком». «Нодир, выходи ты», – сказал стоящий рядом писатель Мурод Мухаммад Дуст. «Рузы ака никому ничего не должен. Наоборот, это мы его должники», – сказал я. Когда я хотел выйти вперед, мой односельчанин, стоявший в первом ряду, Мамарайим Бойкулов, вышел на середину. Чуть раньше, сказав мне о последнем завещании Рузы Чарыева, мне отдали старый платочек. Когда

я развязал его, там лежал высохший кусочек глины размером чуть больше монетки. Это была горсточка земли из кишлака Пашхурд, где родился художник. Рузы ака все время носил ее с собой... Перед смертью художник сказал: «Отдайте это Нодиру, когда я умру, пусть бросит в мою могилу». Я выполнил его последнее завешание.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В процессе работы над этой книгой, я еще раз убедился в том, что когда пишешь о Рузы ака, то от себя ничего невозможно добавить или сочинить.

Кто хорошо знает художника, прочитав эту книгу, тут же скажет: «Э-э, нет, это не Рузы ака. Это на него не похоже». Я нашел в его архиве листок со следующими словами:

*Самый великий грех – это трусость;
Самый великий отдых – это труд;
Самое великое несчастье – это отчаяние;
Самое великое мужество – это терпение;
Самый великий учитель – это опыт;
Самая великая тайна – это смерть;
Самая великая гордость – это честь;
Самое великое добро – это хорошее дитё;
Самый великий дар – это прощение;
Самый великий капитал – это перебороть алчность в себе;
Самая великая измена – продать свою родину;
Самая великая щедрость – это кормить бедных;
Самая великая личность – это служитель народа;
Самое великое здание – это здание науки;
Самое великое счастье – это солидарность.*

Я думаю, что надо искать личность художника в тайном смысле этих слов. Правда и то, что все рассказать о Рузы ака очень трудно. Но если вам кажется, что рассказ о нем получился недостаточным, то мы – его должники. Дорогой читатель, может быть, мы вместе восполним этот пробел?!

Конец.

Перевод с узбекского Гавхар Норматовой

литературоведение. литературная критика

Саодат КАМИЛОВА,

кандидат филологических наук, доцент

Саодат Эргашевна Камилова родилась в 1974 году в г. Ангрене Ташкентской области. С отличием закончила историко-филологический факультет Ташкентского областного государственного педагогического института.

С 1999 года работает на кафедре русского языка и литературы ТГПИ. Закончила аспирантуру при УзГУМЯ. В 2008 году защитила кандидатскую диссертацию, областью исследования в которой было сравнительное литературоведение. С 2009 года – доцент. Автор более 30 научных публикаций. В периодических изданиях республики печатаются рассказы современных узбекских авторов, переведенные С.Э. Камилловой на русский язык.

Жанровые традиции в современном узбекском рассказе

Узбекская малая проза периода Независимости – понятие неоднородное. Наряду с рассказами, представляющими пограничные жанровые образования, стремящимися к экспериментальным новациям, жанрово-стилевым обновлениям, в современной узбекской литературе есть и произведения с традиционной структурой, где «художественное исследование реализовано на материале единичного события, значимых, нечастных явлений действительности»¹. В этих рассказах можно выделить некоторые «жанровые традиции», передаваемые из поколения в поколение в писателями-рассказчиками. Как отмечала Н.В. Владимирова «...Несправедливо было бы не помнить о существовании национальных традиций, ставших фундаментом для подлинного развития жанра рассказа в узбекской литературе и самим своим наличием обусловивших возможность восприятия всех многообразных воздействий (тенденций) мировой литературы»². Устойчивость жанровых традиций указывает на глубокие корни, уходящие в национальную почву. Мы имеем в виду, прежде всего, те «органические элементы»³, которые позволяют говорить об узбекском рассказе как о некоей целостности, имеющей свои национальные истоки и национальную специфику. В этих традиционных рассказах присутствует образ современника, собирательный портрет людей нашего времени. Для них характерно разрушение стереотипов и канонов соцреализма и резкое возвышение роли быта, человеческой микросреды. Сюжеты таких узбекских рассказов сосредоточены вокруг бытовой жизни человека, его отношений с семьей и ближайшим окружением, его отношением к природе, духовному наследию. Но через бытовые темы и сюжеты отечественные авторы показывают и разрешают глубинные проблемы. К такому типу относятся рассказы Мухаммада Али, Хуршида Дустьмухаммада, Шаходат Исахановой, Хайридина Султана, Саломат Вафо, Зульфии Куралбой кизи. Всех этих писателей объединяет не только тяготение к классиче-

¹ Шубин Э.А. О национальном своеобразии русского рассказа // Русский советский рассказ. Очерки истории жанра. Под ред. В.А. Ковалева. Л., 1970. С.24.

² Владимирова Н.В. О развитии прозаического жанра в узбекской литературе // Владимирова Н.В. Развитие узбекской прозы XX века и вопросы художественного перевода. - Т.: Фан, 2011. С.103.

³ Утехин Н.П. Жанры эпической прозы. Л., 1982. С.46.

ской форме рассказа, но и попытки вскрыть внутренние пружины поведения героев, выявить взаимосвязи между средой и личностью, исследуемой в самых различных аспектах. Перед нами лишь штрихи эпической картины современной жизни. Но штрихи эти начертаны с удивительной точностью, детали продуманно сориентированы. Рассказы данных писателей характеризуются самобытной точкой зрения на изображаемое явление, любую ситуацию обыденной жизни. В самой этой обыденности заложен элемент всеобщности человеческого бытия и судьбы народа.

Сегодня можно выделить две жанровые тенденции в развитии классической малой прозы: тенденция новеллистическая с ее стремлением «к формальной точности, оголенности сюжетной конструкции, предельной лаконичности»¹ и тенденция «сказовая», которую характеризуют тяготение «к эпической широте, свободному построению сюжета, сближению с жанром повести, особая манера повествования»².

Так, сказовую тенденцию представляют рассказы «Кичкирик» Хуршида Дустмухаммада, «Нон» («Лепешка») и «Алтойир юлдузи» («Звезды Алтоира») Мухаммада Али.

Эпико-романтическая величавость и возвышенность рассказа «Кичкирик» (2011) Хуршида Дустмухаммада во многом определяются своеобразным авторским взглядом на человека в общей панораме природы. Широкое понятие Времени создается не столько с помощью последовательного изложения человеческой судьбы, сколько своеобразным воссоединением Человека и Природы, утверждением этих взаимосвязанных сторон мира. Сюжет рассказа незамысловат: в реке Кичкирик утонула молодая женщина, двухнедельная невестка, ее тело пытаются найти все жители кишлака, в том числе и главный герой Султан, который недолюбливал эту «своенравную» речку. Эта трогательная история могла бы выглядеть мелодраматичной, если бы она была написана в обычной бытовой манере. Но Хуршид Дустмухаммад прибег в своем рассказе к напряженным патетическим краскам и к тому высокому, несколько условному языку романтического искусства, который помогает раздвинуть рамки частного эпизода до известной символичности.

Река Кичкирик в рассказе персонифицирована, она выступает той природной стихией, которая противостоит человеческой беспечности, безответственности и равнодушию. Выступая в роли судьи над глупостью и самонадеянностью людей, она забирает в свои недра самое дорогое – детей, молодых женщин, сильных мужчин.

Главный герой Султан, преодолевая страх и неприязнь к этой «норовистой» реке, решается найти утопленницу, но в итоге находит себя в самом себе, обретая гармонию с природой. Повествование об этом процессе включает в себя важные мысли. Прежде всего – мысль о том, что человеку, вовлеченному в природный круговорот, не нужно что-либо понимать: «... Султан отдался воле течения, ни о чем не думая, не силясь ничего понять... Султан словно сговорился с анхором, заключил договор о недопустимости преднамеренного вероломства...»³. Освобождение от необходимости понимания связывается в сознании главного героя с чувством освобожденности и обновления себя в себе. Герой еще пытался размышлять над вопросами, на которые не только нельзя ответить, но их нельзя задавать. Эти вопросы связаны с представлением о существовании неведомого человеку сознания, владеющего тайной мира, о связи и непостижимости этих тайн: «...Упреки и обиды у Султана сменились интересом, даже уважением к анхору... Султан почувствовал, что вот-вот встретится с этим чудом... Они (рыбки. К.С.) указывали путь, направление движения... Он настолько сблизился с анхором и его водами, что может деликатно просить его, делиться своими чистыми помыслами, а если надо – кричать во весь голос, так кричать, что Кичкирик хоть на миг приостановит свое движение». Но главное открытие происходит в момент полного отказа от сознания, чувства, слуха. В этом состоянии полной растворенности вовне герой не видит ни неба, ни воды, ни земли. Он «обмяк, как каша-халим», чувствуя лишь незримую дорогу, где звучали голоса: «Смотрите, человек! Человек в воде!». Так, только поняв анхор, отказавшись от своей гордыни, главный герой смог понять и принять себя и, главное, спастись. Примечательно название реки «Кичкирик» («Крик»), что символизирует зов, мольбу, призыв вернуться к своей человеческой сущности, вспомнить, что все вокруг, в том числе и человек, создание Творца. Только в

¹ Тюпа В.И. Новелла и аполог // Русская новелла. Проблемы теории и истории. СПб., 1993. С.27.

² Там же. С.31.

³ Здесь и далее даны переводы автора статьи

единении с природой можно жить в гармонии с самим собой. Бережное и уважительное отношение ко всему позволит человеку выйти на качественно новый уровень духовности. Казалось бы, такая постановка проблемы не нова, но вечные темы, потому и называются вечными, что обращаются к извечным проблемам бытия, к вопросам: как жить, каким должен быть человек, что для него свято и вечно. В рассказе Хуршида Дустмухаммада процесс художественного переосмысления классических традиций, развиваясь по логике исторической преемственности, актуализирует формирование современной психологической концепции «Я-мир», которая типологически развивает глобальные нравственные проблемы.

В отличие от Хуршида Дустмухаммада, тяготеющего к динамическому сюжету, Мухаммад Али создает предельно сжатую, концентрированную форму рассказа, насыщенную не действием, а эмоциями, позволяющую выразить ту или иную идею предельно конкретно. Так, короткие, лаконичные и отрывистые фразы в рассказе «Нон» («Лепешка») создают, в первую очередь, ощущение авторской взволнованности, рожденной и организованной стихией воинствующей памяти. «Сказовая» форма повествования позволяет автору талантливо реализовать тему Памяти, сопряженную с идеей национального самосознания и подведения итогов пройденного узбекским народом пути. Особенностью рассказа «Нон» («Лепешка») является то, что он, будучи посвященным войне, по своему действию развивается в настоящем времени. Для рассказчика подобное обращение со временем требует большого мастерства, главным образом, композиционного, но зато при удачном и талантливом исполнении эта особенность, по-видимому, и придает так называемому «малому жанру» неожиданную монументальность и широту эпического дыхания. Эта композиционная особенность, связанная со стремлением ввести в тесные рамки рассказа понятие «большого Времени», весьма талантливо реализована в рассказе Мухаммада Али. Каждый народ на протяжении своей долгой истории пережил малые и большие войны, оставившие в его сознании традиции воинской доблести, славы и героизма предков, но эти мотивы, родившиеся в борьбе за национальную независимость, священные для каждой нации, неизменно соседствовали в народном сознании со стремлением к миру, добру, справедливости и свободе от войн. И нет, пожалуй, другого, более распространенного, общечеловеческого по своему смыслу образа, чем образ скорбящей матери, оплакивающей детей, павших на поле брани. Этот образ проходит через всю историю человечества – от народного эпоса, Корана, Библии до сегодняшних скульптур и памятников (в частности, памятника Скорбящей Матери на площади Независимости в городе Ташкенте)...

Сюжет рассказа «Нон» («Лепешка») интересен всеобщей и символической проекцией авторской мысли, которая расширяет частную историю простой узбекской женщины по имени Жаннат (кстати, «Жаннат» в переводе с узбекского «Рай», что весьма символично) до широких пределов патетического гуманизма, объединяющих собой всех матерей Земли. Характерно, что Мухаммад Али двуплановый: один общий план, носящий почти открыто символический характер, и другой, приземляющий его, насыщенный густой плотной бытописью, что делает весь сюжет удивительно достоверным. Он, например, подробно описывает весь уклад жизни старухи Жаннат, начиная с того, как она встает, одевается, молится и ежедневно на супе с утра до вечера дожидается своего сына. Трагическая интонация в рассказе появляется лишь тогда, когда Жаннатой отпускает свою невестку восвояси и отказывается покинуть свой дом, несмотря на уговоры дочерей. С этого момента весь налаженный уклад, кроме томительного ожидания сына, становится и в ее, и в наших глазах как бы иллюзорным, ненужным, и все, что делает Жаннат, она, мы это чувствуем, делает механически. Жизнь, в сущности, уже ушла не только из этого крепкого дома, но и из ее когда-то молодого, полного материнской заботы и нежности крепкого здорового тела. Не зря Мухаммад Али останавливает внимание читателя на внешнем физическом здоровье, крепости и силе главной героини, сумевшей без мужа выдать замуж двух дочерей и сыграть пышную свадьбу своему сыну; тем более поражает нас пагубность внутренних разрушений, обрекающих мать на медленную верную смерть. Дети должны пережить своих родителей, чтобы дать новые ветви вечно зеленой и неумирающей жизни. Мать из рассказа Мухаммада Али пережила своего ребенка, и это противоестественно: смерть, не исторгнувшая из себя новых побегов жизни, принимает необратимый, всеуничтожающий и мрачно торжествующий характер. Потому-то все, что делает Жаннат, кроме ожидания встречи с сыном, делает как бы не

она, не ее душа, не ее разум, а лишь ее привычка – не более. Надкушенная лепешка, которая висела пятьдесят лет на стене и ждала своего хозяина, в конце рассказа раскалывается на мелкие кусочки. Эта деталь неожиданно для читателя производит тонко рассчитанный автором художественный эффект, производя сильное впечатление трагедийного, но неизменно более высокого, катарсического смысла.

Особым образом стоит оговорить место женской малой прозы в современной узбекской литературе, имея в виду, что она выделена не на основании стиливых особенностей, а на основании гендеровой характеристики автора и проблематики. Женская малая проза – это рассказы, написанные женщиной о женщине. Конечно же, эти рассказы тяготеют к реализму, так как утверждают семейно-бытовые нормы, право женщины на сугубо женскую реализацию (дом, дети, семья), т.е. отстаивают традиционный набор ценностных позиций. Спецификой женского восприятия отличаются рассказы Шаходат Исахановой, Дилбар Саидовой, Саломат Вафо, Зульфии Куралбой кизи.

Самые яркие имена в истории современной узбекской женской прозы – Саломат Вафо и Зульфия Куралбой кизи.

В рассказах «Аёл» («Женщина»), «Куланка» («Призрак») Зульфия Куралбой кизи с великолепным эстетическим чутьем совершает отбор жизненного материала. Она намеренно отказывается от какой-либо авторской оценки, вынесения, так сказать, приговора, погружая читателя в поток жизни, только поток этот тщательно просеян ее эстетическим замыслом. В результате читатель наблюдает за жизнью, которая «как бы» течет как она есть, при отсутствии «авторского вмешательства», благодаря таланту писательницы испытывает потрясение и мучится бедами, трагедиями, страданиями ее героев. В этих произведениях поражает какая-то необычайная концентрация жизни, сжатой порою в миг. Наверное, это жизненное пространство героев до такой степени стиснуто и замкнуто, что превращается в «точку времени». Отсюда такая боль в сердце читателя. Осколки житейских историй, порою сентиментально выстроенных, но искренне и самозабвенно нарисованных в рассказах, с легкостью можно экранизировать, настолько точны и реалистичны характеры изображенных ею героев. Рассказ «Аёл» («Женщина») жизненно достоверен и и при всей своей взволнованной лиричности подчинен исследованию переживаемых героиней эмоций, психологической наполненности этих переживаний. Автор стремится к извлечению экстракта чувств, экстракта настроений, тем самым создавая психологический поток, сложное движение женской психики. Особенность композиции рассказа в его кольцевом характере. Произведение начинается и заканчивается описанием прекрасного утра, когда «лучезарное и сияющее» солнце просыпается и начинает согревать все вокруг, что позволяет читателю, несмотря на трагедию смерти, опозитизировать образ Женщины. Зульфия Куралбой кизи превратила житейскую драму в историю о загадочной притягательности, обаянии, жизненной силе женственности, воплощенной в образе Назокат (грациозная, изящная). Стиль в рассказе «Аёл» («Женщина») Зульфии Куралбой кизи имеет специфические свойства: точность и лаконизм содержат за недоговоренностью, умалчиванием глубокий подтекст.

Если в рассказе «Аёл» («Женщина») писатель продемонстрировала тонкость, шепетильность в отборе жизненного материала, то в произведении «Куланка» («Призрак») она намеренно не заботится о жизнеподобии. На первый взгляд, может показаться, что это авторский просчет, но Зульфия Куралбой кизи, на наш взгляд, намеренно опускает некоторые моменты в развитии действия, так как для нее было важнее показать действующих лиц не как объект художественного наблюдения, а как субъект этического выбора. Это позволяет говорить о попытке автора создать современный рассказ-притчу о Любви. Соседство неправдоподобного вымысла с достоверной реальностью в данном произведении помогает автору соединить приемы беллетристики (занимательная интрига, легкость усвоения, доступность разным возрастам и слоям населения, независимо от их образования, мелодраматичность и т.д.) с притчеобразностью рассказа.

Писательская манера Саломат Вафо резко отличается от типично «женской прозы», к которой тяготеет Зульфия Куралбой кизи. У нее не возникает потребности иронией, изощренной образностью или сентиментальным жестом «снять» ужас жизни. Она бесстрашна и беспощадна. Ее стиль отличается предельным самовыражением, откровенностью, когда слово делает явление более масштабным, объемным. Напряженная интонация, внимание к звуковому облику слова несут мощную эмоциональную энергию.

Рассказы «Женщина, забывшая себя»¹, «Гора Бутан»², поражают сильным авторским началом, укреплением экспрессивных элементов, стремлением к самовыражению, созданию предельно субъективного мира. В них трагизм и значительность личного опыта, который она пытается передать, активизирует авторское начало повествования, обнажает, усиливает, форсирует авторский голос, предельно сближает авторское «Я» с «Я» своих героинь. Кроме того, ее творчество отличается тем, что она попыталась вырваться за пределы традиционной для женской прозы любовной темы, хотя особое, присущее женщине повышено-эмоциональное восприятие всего происходящего, буквально пропитывает каждую строку ее произведений. Рассказ «Гора Бутан» нельзя заключать лишь в рамки любовной проблематики. Вернее, она присутствует в произведении, но осложнена многими экзистенциальными проблемами. Это – поиски идеала, надежды на всепрощение, путей избавления от душевной сумятицы и житейской маеты. Саломат Вафо выстраивает многослойные мизансцены, где на первом плане действуют ее персонажи, а далее возникают непроницаемые глубины, изредка взрывающиеся потоками света. Свою героиню Саломат Вафо лишает всяческой духовной опоры. Ей не за что зацепиться в этом мире. Ни божественная красота, ни религиозная истина не дают ей успокоения, не помогают приблизиться к духовной гармонии. «Какие-то страхи заползли в слабую душу. Мысли о смерти... Как спастись от нее, как уберечься? Да, жизнь утомляет, она бесполезна, но... Безжалостна ты, жизнь! Чтобы вырваться из водоворота ужаса, я готова была весь этот мир, существующий уже множество тысяч лет, отвергнуть, отдать. Отдать весь, до последней частицы. О, Создатель, каким же Ты сотворил человека – слабым и переменчивым, способным к предательству...»³. В этом она полностью принадлежит нашей эпохе с ее развешивающими сомнениями и горьким опытом познания и разочарования.

Рассказ «Женщина, забывшая себя» – это вариант погружения в глубины человеческой психики и подсознания с непривычной и даже вызывающе обнаженной откровенностью. Так подробно, болезненно и честно писать... об аборте! Но психологизм «потока сознания», призванного соединить природное и человеческое, разрушить грань, отделяющую внутренний мир человека от мира внешнего, заставляет испытать не только потрясение, не только ужас от прочитанного и пережитого, а способствует проникновению в глубину явлений, постижению их сути, которое возможно только при «включении» работы подсознания. Автор принципиально отказывается от фабулы, она попыталась в рассказе напрямую соединить свой внутренний мир с миром героини, т.е. воссоздать то «лирическое я», которое было, наверное, наиболее адекватным выражением строя ее мыслей и чувств. Человек с обожженными нервами, женщина без кожи – вот как можно было бы обозначить ее мироощущение в данном произведении.

Зульфия Куралбой кизи и Саломат Вафо обозначили своими произведениями новый этап развития узбекской малой прозы. Они как бы перечеркнули устоявшуюся «второстепенную» роль так называемой «женской прозы». Новая структура вечной женственности, подсознательные глубины женского интуитивного знания определили новый характер узбекского современного рассказа. Их женская интуитивность, активно реагируя на новый исторический опыт, вырабатывает энергию духовного сопротивления процессам размывания и подмены нравственных ценностей, утверждает общечеловеческий масштаб видения мира. Обе – и Зульфия Куралбой кизи, и Саломат Вафо – сказали новое слово своими рассказами, придали традиционным темам глубину и многогранность, подчеркнув их неисчерпаемость.

Таким образом, поиски гармонии мира и человека, утонченный психологизм, тяга к темным подсознательным сторонам человеческой природы, исследование духовных аномалий и нравственных катаклизмов личности, оторванной большей частью от конкретно-социальных условий и обстоятельств – вот характерные черты рассказов с традиционной структурой. В этих рассказах ошутимо желание писателей оставаться в русле новейших тенденций развития литературы, быть на уровне и даже опережать современные эстетические и духовные искания культурного мирового сообщества.

¹ Саломат Вафо. Женщина, забывшая себя. // Звезда Востока. – 2008. – №1-2, С.7-10

² Саломат Вафо. Гора Бутан. Перевод с узбекского Зои Тумановой // Ж. «Дружба Народов». – 2010, – №1, С.131-136.

³ Там же. С.131.

Ольга ХЕГАЙ,

кандидат филологических наук, доцент

Ольга Хегай родилась в 1955 году в г. Намангане. В 1978 году окончила МПГУ (Москва), факультет русского языка и литературы. В 1984 году защитила кандидатскую диссертацию на тему «Своеобразие мировоззрения и творчества В.П. Боткина». Имеет более 70 публикаций в журналах и сборниках Узбекистана и России.

Национальный образ восточного мира в современной русской прозе

(А.Волос «Сирийские розы»)

Социокультурная ситуация на рубеже веков внесла весьма значительные изменения в определение этических и эстетических ценностей современной реальности. Активизируется пробуждение национального самосознания как выражение народного духа, особенно сильно выразившееся в глубоком интересе к национальной культуре этнических народов постсоветского пространства, в частности – народов Средней Азии. Распад Союза, нарушение традиций, жизненных ценностей актуализируют поиски стабильных, стержневых истоков, противостоящих энергии распада. Такой ценностью становится народное сознание, в которое входят понятия, составляющие субстанцию жизни каждого человека – семья, традиции, преемственность поколений, отношение к природе, ко всему живому, дом, очаг и т.д. Это составляющие национального характера, на этом зиждется бытие человека, которое было подвергнуто крутой ломке, особенно остро и болезненно осязаемой в жизни народов Востока.

Издавна сложилось представление о Востоке как о колыбели человечества, что сопряжено с древними формами словесности: мифологией, фольклором. Говоря о писателях азиатского ареала, Е.В. Мелетинский отмечает, что для них мифологические традиции еще являются живой подпочвой национального сознания, и даже многократное повторение одних и тех же мифологических мотивов символизирует в первую очередь стойкость национальных традиций, национальной жизненной модели¹.

Среди современных писателей, запечатлевших восточную модель жизни, следует отметить Андрея Волоса и его повесть «Сирийские розы»².

Писатель, родившийся в Средней Азии, будучи европейцем по происхождению, впитал психологию, культуру восточных народов, по особенностям мировосприятия и мироощущения близок восточному менталитету. В силу объективных социально-политических обстоятельств на волне массовой эмиграции Андрей Волос покинул Среднюю Азию, навсегда сохранив образ Востока как реальное пространство своего детства.

Унаследовав дух и менталитет восточных народов, создавая национальные образы восточного мира, А. Волос явился своеобразным транслятором двух культур: западной и восточной. Средством создания национальных восточных образов мира стал метая-

¹ Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Наука, 1976. – С. 310.

² Волос А. Сирийские розы // Новый мир. – 1999. – № 9. В дальнейшем цитируем это издание с указанием страницы в скобках.

зык – система национальных понятий, символов, представлений, сформированная всем бытийным комплексом жизни восточного человека¹. Повесть А. Волоса актуализировала основные тенденции современной прозы, которая устремлена к постижению всей полноты бытия, к осознанию связей между человеком и миром. XX век спрессовал такое количество исторических катастроф, так изменил характер взаимоотношений человека и мира, трансформировал духовное и психологическое содержание личности, что социально-исторические координаты традиционного реализма оказались недостаточными для отражения изменившейся реальности и человека.

В современной русской прозе благодаря жанровой синестезии происходит расширение возможностей реалистической литературы. «В парадигму психологического романа или повести вписывается экзистенциальный принцип восприятия действительности, изменяя структуру психологизма»².

В русле формирующихся тенденций в современной русской реалистической прозе повесть А. Волоса представляет совершенно новый тип повествования, явившийся продолжением традиционной американской прозаистики. Тип повести, созданный А. Волосом, можно назвать «субъективной эпопеей», распространенной в американской литературе (Фолкнер, Вульф), где «основным конструктивным элементом является изображение работы человеческого сознания»³. «Сосуд сознания» (выражение Генри Джеймса), форму которого имеет повесть «Сирийские розы», становится средоточием глобальных проблем эпохи крушения постсоветского пространства.

События социального плана не определяют природы сюжета, они являются лишь фоном для изображения динамики внутреннего мира героев, составляющей основной конструктивный принцип произведения, повествовательная техника которого соответствует образцам «субъективной эпопеи». Этот принцип заключается в том, что сознание героев должно стать зеркалом общественного бытия.

Основной конфликт повести переведен в морально-этический план, что также характерно для «субъективной эпопеи».

В повести А. Волоса представлены две формы национального сознания, составляющие основу конфликта. В контексте повести конфликт не имеет формы открытого противостояния. Скорее, эти две формы сознания, как национальные образы, находятся в отношениях сосуществования, маркируя истинное и ложное.

Повесть «Сирийские розы» актуализирует философско-этическое содержание, раскрывающееся во внутренних монологах, потоке сознания героев, в очень редких в структуре произведения диалогах. Она имеет двуплановую композицию, составленную из пересечения временных пластов: непосредственного возвращения из настоящего в прошлое и снова в настоящее. Монологические конструкции составляют соответственно две сюжетные линии, прослеживающие две различные судьбы: Карима Бухоро и Рахматулло-садовника. Личности героев настолько несоизмеримы в социальном отношении, что о конфликте как открытом противостоянии не может быть и речи. Эти сюжетные линии-судьбы, плавно переплетенные в художественном пространстве произведения, сосуществуют, являя различные формы национального характера.

Ретроспекция, отмена хронологии, техника монтажа, свободное перешагивание из одной временной плоскости в другую, передача потока мыслей героя – все это становится важным средством раскрепощения и обогащения художественной мысли, охвата реальности в ее противоречиях, передачи «связи времен». Временная последовательность смята, движущим моментом становится работа сознания героев, сменяющих друг друга, взаимодополняя и составляя общую картину современной реальности среднеазиатского региона.

Знаки настоящего времени, к которому относится повествование, пропущены через сознание обоих героев, высвечивая разные приоритеты в соответствии с их жизненными идеалами. Так, в повести А. Волоса рассматривается характерологический тип «нового русского» в азиатском варианте, который выступает как закономерное порождение эпохи рубежа веков.

¹ Шафранская Э. Ф. Мифопоэтика прозы Тимура Пулатова. – М., 2004. – С. 11.

² Нефагина Г. Русская проза конца XX века. – М., 2001. – С. 43.

³ Анастасьев Н. «Субъективная эпопея» и семейная хроника. – М., 1983. – С. 411.

Азиатский вариант типа «нового русского» представлен в повести А. Волоса в образе Карима Бухоро, для которого наступило *его* время, когда в полной неразберихе можно сделать мощный рывок вперед...». В сознании Карима Бухоро время в контексте повести имеет свои реалии, отражающие ментальные приоритеты «нового русского». Это телефон, в котором кнопка talk символизирует конец, завершение разговора, действия; доллар, власть (как самодостаточная, абсолютная субстанция). К этой немой кнопке не раз обращает свой взор Карим, ожидая звонка, который в контексте развития характера является кульминационным, потому что с этим звонком сопряжен выбор героя: любовь – ненависть.

Повествование охватывает всего полдня. Эти полдня для Карима Бухоро равносильны всей его жизни, потому что именно сейчас герой стоит перед выбором: любовью и ненавистью: «Все равно еще не поздно отменить приказание. ... Зазвонил телефон» (96). У Карима настоящее время отмеривают минуты (для героя время – категория преходящего), тем самым, передавая все напряжение ожидаемого звонка: «Семь минут двенадцатого... девять минут... и вот за две минуты солнце ушло, и теперь пиала касалась его самым краешком...» (87).

Образ героя в художественном пространстве повести выстраивается в определенном семантическом поле, составляющие которого моделируют его жизненную судьбу. Так, мотив пчелы, сопровождающий Карима Бухоро, дан в динамике изображения и передается как бы изменения психологического состояния героя. Первое появление пчелы рядом с Каримом Бухоро («сладковатое ж-ж-ж-ж...») вызывает философское рефлексирование героя: «Летит, что-то влечет ее к цветам. Собственная воля...? Или, наоборот, сила, с которой она не может сладить. Есть у нее воля? Или течение жизни и есть воля?» (69). И в конце повести: «Ж-ж-ж! Угрожающе гудя, она села на край пиалы и быстро поползла, пульсируя брюшком и жадно хватая... невидимые капли влаги... нет, это была не пчела. ... зеркальное чудовище, раздробленное лучами света» (97).

Другой мотив – паука – тянется от предшественника Карима Бухоро – Ислома-паука, которого так звали в народе. Карим перенял не только дело Ислома, его деньги и заветную тетрадку с именами, к которым протянуты нити знакомств, ведущих к власти, к богатству, не только еду шефа (манты из перепелиных языков), не только дискурс («не будем говорить обиняками по-таджикски, станем говорить хотя и на родном языке, но по-русски») и жестокость – но, самое главное, еще и метафорическую сущность паука («уж если в кого вопьется, живым не отпустит») (92).

Жизнь Карима Бухоро, так же, как и Ислома, не укладывается в рамки восточной нормы, согласно которой жизнь человека можно считать состоявшейся, если он выполнил свои обязательства: построил дом, посадил дерево, родил сына. Жизнь Карима не состоялась, «власть и богатство не оставляют времени для семьи» (76).

В системе персонажей есть еще один герой, который «входит» в мир Карима – это его племянник Ориф – «плоть от плоти, дух от духа». Однако, не случайно в концепции повести эта связь, основанная на кровном родстве, нарушается, обрывается окончательно со смертью Орифа. Родственные узы, основанные на ненависти, на соперничестве за власть, противоречат народному духу, они подвержены саморазрушению в силу закона самой жизни. Устремление к абсолютной власти, когда «смысл власти – в самой власти» (95), таит в себе изначально самоуничтожающий эффект. Таков итог авторской мысли.

Для Рахматулло-садовника настоящее время ассоциируется с ростом цен, с обесцениванием денег: «Вот он имеет в месяц одну зеленую бумажку – и живет так, что ему завидует вся махалля. ... Доллар, он и есть доллар. Хотя как посмотреть. В шестьдесят первом, когда он вернулся из армии, дедушка Назри подарил ему новую сторублевку. Тоже была вещь! Не слабей теперешней зеленой» (67).

Для Рахматулло субстанция времени соотносится с движением его жизни, образ времени в сознании Рахматулло перерастает в образ жизни! «...жизнь всегда делилась на простые отрезки времени: между двумя ударами кетменя, когда рыхлишь землю под яблонями; между двумя шагами, если гонишь скотину или возвращаешься с поля; между двумя следующими друг за другом бросками вил и взмахами серпа» (67).

Символом времени в сознании Рахматулло является солнце, по которому он узнает астрономическое время, определяющее его жизнедеятельность: «...рыхлить надо, пока солнце невысоко» (69). Субстанция времени в жизни Рахматулло высвечивает народное

сознание, выраженное в форме трудовой деятельности, отражает реалии восточного бытия, близкого родовому, патриархальному.

Рахматулло-садовник в концепции повести представляет национальный тип народного характера, художественное воплощение восточного человека. Он близок к природе, органически чувствует землю, знает жизнь деревьев, переживает за них. Для него цветущие яблони, виноградник подобны живым существам, которых он любит и знает.

Для Рахматулло понятия дом и семья – это начало начал: его скособоченный дом всегда полон людей (дети, внуки, брат, старый отец). Он беден, в семье едят простую «атоу». Но люди к нему тянутся. Его зывают в дом или просто просят постоять рядом, потому что у него «легкая рука», и он приносит удачу (74). Именно в семантическое пространство образа Рахматулло включены народные пословицы и поговорки как выражение народного духа и народного сознания.

Рахматулло – истинный мусульманин, для которого пятница, когда в мечети большая молитва – «хутба – святой день» (92). Молитва в жизни Рахматулло – не просто дань религиозной догме. Это нечто большее. Это образ жизни, восприятие жизни, ощущение бытия «Выходишь после молитвы – будто по лебяжьему пуху шагаешь. Того и гляди взлетишь...». Религия зарождается, прежде всего, на нравственных, этических предписаниях, и все религии в этой точке (заповедной и заветной) сходятся, потому и вызывают общечеловеческий интерес как конгломерат культуры и духовности. Поэтому для Рахматулло не безразлично отношение людей: «... люди-то все видят. Языков-то хватает у людей. Хоть и с трепетом, хоть и с восхищением его (Карима Бухоро – О.Х.) имя произносят, а все же при случае заметят: мол, в мечети-то его не увидишь...» (92).

Рахматулло корнями своими врос в народную почву. Стихия народного, национально-самобытного отражена в его характере. Вводя в общую систему повести элементы национального быта (розы, лепешка, топчан и т.д.), семантизируя их философским, психологическим, социокультурным смыслом, доводя их художественную значимость до уровня символов, обращаясь к мифофольклорным, архетипическим истокам, Андрей Волос создает национальные характеры, обусловленные восточной, этнографической конкретикой. Таков образ Рахматулло, семантический контекст которого тесно связан с основной идеей произведения, вынесенной в название повести.

Роза – поэтический мифообраз, довольно распространенный в мировом словесном дискурсе. Современный исследователь В.Н. Топоров, составляя систему символических значений розы, включает «красоту, совершенство, изящество, радость, любовь, удовольствие, хвалу, славу, пышность, блаженство, аромат, пламенность, гордость, мудрость, молитву, медитацию, тайну, таинство, тишину»¹.

В контексте повести выход Рахматулло на философский уровень сознания осуществляется в семантическом пространстве мотива роз. Семантизация розы в контексте художественной модели образа Рахматулло вносит динамизм в восприятие героя. Размышления о природе розы возвышают героя, раскрывая истинную сущность и силу его духа: «Зачем она такая красивая? Непонятно. Ну, допустим, пахнет – это ясно: чтобы пчела могла найти цветок. А зачем красота? ... Дедушка Назри говорил, что Бог создал часть вещей, чтобы они печалили человека, а часть, чтобы радовали. ... Но разве роза радуется? Да, она радуется, конечно, но одновременно и печалит. Потому что она прекрасна. Да так прекрасна, что, наверное, бессмертна. ... Вот иногда думаешь: разве это – жизнь? Нет же, это просто сон... Все пройдет – и страх, и смерть, и радость, и беда, и голод, и сытость, и нищета, и деньги, и сила, и немощь – а роза будет цвести. Разве может коснуться ее страх или смерть? Нет, роза будет так же прекрасна. И печальна. А красота ее – так же недостижима... Вот и сжимается, плачет сердце от этого великолепия: никогда, никогда не достичь красоты!» (93)

Этот простой садовник, исполнивший гимн красоте, возвысился в наших глазах силой своего духа и величия, постигнув вечность бытия через красоту.

¹ Мифы народов мира / Энциклопедия. – Т. 2. – М.: 1991. – С. 386

Дилмурод ХОЛДАРОВ, старший преподаватель УзНУ

Родился в 1962 г. В Мархаматском районе Андижанской области. В 1989 году окончил ТашГУ (ныне НУУз) факультет узбекской филологии. В настоящее время является старшим преподавателем кафедры мировой литературы и теории, работает над кандидатской диссертацией, посвященной проблемам стиля современной узбекской повести, имеет около 20 научных публикаций. Печатался в сборниках научных трудов, журнале «Шарк Юлдузи».

МЕЖДУ БЕРЕГАМИ

Повесть «Люди войны» Назара Эшонкула, хорошо известного узбекским читателям, напечатана в журнале «Звезда Востока». Теперь и русскоязычные читатели могут познакомиться с творчеством писателя. Чем же привлекает повесть, в чем ее художественный замысел?

Назар Эшонкул вошел в мир литературы повестью «Люди войны», написанной в традиционной манере. Уже в этой дебютной повести отчетливо чувствуется неповторимая творческая манера автора, его умение создавать образы героев со сложными характерами. Требуется активная интуиция читателя для того, чтобы понять это произведение, чтобы осознать его замысел, скрытый в подтексте, чтобы войти в психологию повести и в ее тональность, чтобы почувствовать реальность во всей ее сложности. В узбекской литературе XX века немало произведений как прозаических, так и поэтических, написанных о войне. Большинство из них написано авторами, которые сами непосредственно пережили войну. Назар Эшонкул не был участником военных событий. Читал о войне в книгах, слышал рассказы об ужасах войны от бабушек и дедушек, всем сердцем прочувствовал их.

В повести нет открыто-ловких сентенций о том, что надо ценить мир, жизнь под спокойным небом, что жизнь коротка. Но в своеобразную художественную ткань повести включено предание, связанное с образом Бойхун бобо, что помогает раскрыть творческий замысел автора. В центре каждого эпического произведения всегда стоят проблемы изображения человека и его духовного мира, его качеств и пороков, душевных переживаний. Любое произведение, не содержащее полноценного изображения человека, полнокровного описания жизни во всей ее сложности, – ушербно. Интересная тематика, захватывающие динамичные события сами по себе не обеспечивают полноценности произведения, в повести Н. Эшонкула изображаются полноценные реальные образы живых людей, их сильные и слабые стороны. Особенно отчетливо представлены образы, связывающие все звенья сюжетной цепи, хотя в произведении речь идет о войне, уничтожившей многие и многие человеческие жизни, в подтексте лежит проблема влияния войны и порожденных ею отрицательных последствий, ее влияние на психику человека в целом.

Автор устами своей героини Анзират заявляет: «Она чувствовала, что на двух берегах одной реки две жизни. Одна, не покладая рук, создавала, другая постоянно грабила. Ей казалось, что тот, другой, берег является берегом, приносящим несчастье». Река символизирует человеческую жизнь, является знаком всего бытия. В человеке

всегда борются два чувства: добро и зло. Оба – порождения бытия. И в том, и в другом таится жизнь. В течение всей своей жизни человек бросается то к одному берегу, то к другому. У обоих есть вкус жизни. Вот только один из них причастен к вечности, что не просто дается. А человек по своей натуре предпочитает все легкое. Постоянная же победа добра над злом бывает только в сказках. Писатель испытывает человека двумя такими берегами и вскрывает внутренние упорядоченные и беспорядочные мысли героев. Устраивает для читателей путешествие в мир предков. А устами Бойхун бобо выдвигает поразительную по своей глубине философию: «Если не найдете землю без войн, ваш мир разрушится: брат будет предавать брата, друг – друга, жена – мужа, люди станут лгать друг другу. Где проливается кровь, там рождается предательство. Счастье отвернется от этих мест, люди станут изучать не науку жизни, а науку убийства. Война все сотрет с лица земли, и из этого рода никого не останется. Все вы превратитесь в заблудившихся людей войны. Поддержите своих собратьев, которые ушли на поиски мирной земли. Если найдете такую землю, приведите и других туда...».

На наш взгляд, в данном отрывке выражена основная идея повести. Ее действие начинается с возвращения когда-то здорового Нормата полвона с фронта инвалидом. Читатель проникается духом произведения и, благодаря мастерству писателя, чувствует себя включенным в среду героев повести. В эпизодах, где описывается отношение героев к происходящему, отражается характер той среды, в которой разворачиваются события повести. Чтобы показать, как они горюют, гримасничают, отворачивали свои лица, поднимали брови, держались за воротники и потом опускали их, с губ слетали вздохи с причмокиванием, выражающим удивление. Главный герой повести Нормат выступает в роли объектива, наблюдающего происходящее. Н. Эшонкул изображает сложное состояние людей села военного времени: их внешний и внутренний мир, психологию и чувства героев глазами Нормата. Нормат благодарит творца за возвращение домой с войны живым и мечтает посвятить оставшуюся жизнь жене, детям и жить, делая добро этим людям. Услышав, как жена Анзират, ласкаясь, сказала, что ей хочется мяса кеклика, решает, что «все это ни на что не променяет».

Художественный замысел произведения раскрывается постепенно. Такая постепенная подача событий является особым способом завязки, подготавливающей развязку. Писатель акцентирует внимание на мелких деталях, чтобы навести героя на мысль о других тайных случившихся событиях. Изменения в психологии Анзират, ее поведение во время обеда, ее стремление оправдать свой проступок инвалидностью Нормата – все это становится объектом психологически точного изображения. В тексте нет излишних немотивированных, необидительных деталей. В конце концов, Нормат полвон узнает об измене жены. Тяжелые, мучительные мысли, противоречивые чувства героя, их стремительный порыв превращают читателя в соучастника событий. Справедливый вопрос «Почему так случилось?» мучит и героя, и читателя одновременно. Нормат страдает. С одной стороны, ужасы четырехлетней войны, стремление остаться в живых, вернуться к семье, с другой – измена жены, мысли о том, что дети осиротеют при живом отце, и вывод, к которому он приходит: «Меня сначала обманули, сказав, чтобы я ехал на войну, потом обманули на войне, да и отправили на войну, чтобы соблазнить мою жену, обманули, чтобы сделать свои дела на войне, его все обманывали, обманывал каждый встречный, обманывали с первых дней его возвращения, обманывали на дорогах, обманывали в госпитале, его вернули домой, чтобы показать ему это смертоносное событие, потом смеялись над ним, его всегда обманывали». Этот вывод трагичен не только для Нормата. Если человек осознает, что живет обманываясь, то для него жизнь теряет смысл и цену. Писатель использует все имеющиеся у него в арсенале слова и выражения, символику, детали и другие образные средства для раскрытия сложившейся трагической ситуации. В этом отношении непростую задачу задает Анзират. Самая страшная трагедия войны передается через судьбу молодой женщины. Она была любимой дочерью и не знала трудностей. Волею судьбы стала женой Нормата. Жила с ним в ладу и согласии, воспитывала детей. Но война перевернула ее жизнь. Анзират обратилась за помощью к председателю колхоза Мирзакулу, чтобы спасти свою маленькую дочь, и стала жертвой его коварства. Сама

того не желая, она оказывается на другом берегу реки. Тот берег был берегом, где свил свое гнездо дьявол, вознамерившийся вечно сбивать человека с пути истинного. Автор убедительно вскрывает переживания Анзират, изображает ее страдания и трагедию людей военного времени, избегая при этом одностороннего изображения трагедии Анзират, показывая всю сложность человеческой души. Анзират временами успокаивает себя, оправдывая свои грехи тем, что на все пошла ради спасения детей. Однако она сама не верит в эти оправдания. Писатель старается раскрыть живущее в подсознании Анзират второе Я: «Анзират скучала по ласкам Мирзакула, по тому, как он шекотал ее шею, прикасаясь к ней своим небритым подбородком, по его грубым мужским манерам, по тому, как он гладил ее волосы, как исходил от него чисто мужской запах, запах, приятный и возбуждающий страсть, запах, по которому она скучала три года».

Описывая душевное состояние героини, автор показывает, насколько сложна человеческая психология, как человек всегда стремится оправдать свои проступки. Мы часто бываем категоричны, анализируя образы героев художественной литературы. Кого-то из них оправдываем, других обвиняем. Однако цель исследователя – найти ответы на такие вопросы как: достоверна ли правда жизни, не нарушены ли художественные и эстетические принципы, убедительно ли изображенное в произведении? Назар Эшонкул сумел достоверно и убедительно подать жизненный материал: мы жалеем Анзират, оказавшуюся на берегу измены, в чем-то сочувствуем ей, даже верим Мирзакулу, верим в то, что он, действительно скучает по Анзират, по ее глазам, по волосам с запахом катыка, верим в его страдания и по-человечески жалеем его. Не можем однозначно судить их, не можем принять решение Нормата вернуться домой, после того, как узнали о роковой судьбе Маллавоя. Писатель остается верным жизненной правде. Все трое погибают. Иначе и не могло быть. Остаться в живых Нормату было равносильно потери чести силача-борца. Нормат не смог бы противостоять вековым традициям своих предков. В узбекской литературе немало произведений, разрабатывающих тему женской неверности во время войны (роман У. Хошимова «Меж двух дверей», роман И. Шомуродова «Людоед»). Это подтверждает, что подобные ситуации достаточно часто возникают в реальной действительности военного времени, но причины неверности разные. Одни грешат добровольно, других вынуждают обстоятельства. Мастерство Н. Эшонкула в том, что он психологически обосновывает и убедительно изображает то, что Анзират вынуждена была решиться на измену, и ее засосала трясына. Через семейную трагедию Н. Эшонкул показал всю панораму войны, жестоко разрушающей людские судьбы. Образ Байди момо в повести становится символом верности и преданности женщины. Она предстает как защитница своего рода, как хранительница его устоев, пример женской самоотверженности и чести. Образ Байди момо введен как бы в назидание читателям, сочувствующим Анзират – человек должен всегда оставаться человеком, беречь свою честь и хранить ее при любых обстоятельствах, и то, на каком берегу он окажется, зависит только от него самого. Байди момо тоже осталась вдовой и одна воспитала двоих детей. Никому не давала повода судачить о себе. «Никто не понимал, почему, ради кого, или ради чего она так самоотверженно, не покладая рук, трудится. Тяжелый труд согнул ее раньше времени. Всем, кто просил ее руки и сватался, отвечала одинаково: «Мой муж не разводился со мною, я по-прежнему с ним в браке». Байди момо только самоотверженным трудом преодолевает трудности жизни, муки одиночества молодой вдовы. Важен вывод автора о том, что осознанный и свершившийся грех является предтечей нового греха. Анзират не может устоять перед трудностями жизни, и в результате ее жизнь кончается трагедией.

В целом повесть художественно обосновывает то, что в самых сложных обстоятельствах человек должен сохранять святость души: свое достоинство, гордость, честь, что переход на «сатанинский берег» порождает неисчислимые беды. В этом и заключается нравственно-эстетическое значение повести.

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИЦИСТИКА

Мухаммаджон Холбеков. Мосты дружбы 3

ПОЭЗИЯ

Николай Ильин. Трилистник осени 8

Алина Дадаева. Казалось, протяни руку –

и коснешься солнца... 45

Алексей Кирдянов. Я знаю музыку стиха... 19

Фархад Юнусов.

Теперь есть время для смелости... 54

ПРОЗА

Галина Востокова. Пересечение. (Повесть) 22

Сергей Татур.

Железные люди. (Фантастическая повесть) 58

Александра Спиридонова.

Ангелы ада. (Рассказ-мистерия) 35

Эльджон Аббасов. Палач. (Притча) 87

ПЕРЕВОДЫ

Зульфия Куралбой кизи. Женщина. (Рассказ) 49

Тогай Мурад. Муж и жена. (Рассказ) 16

Гайрат Маджид. Когда спокойствие и

свет почувствует душа... 33

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЧИТАТЕЛЮ

Николай Красильников.

Её Азия. О поэтессе Наталье Буровой 104

ДУХОВНОЕ НАСЛЕДИЕ ВОСТОКА

Нодир Норматов.

Последнее завешание Рузы Чарыева 114

НОВЫЕ ИМЕНА

Валерий Румянцев. Большое искусство. (Рассказ) 79

Заир Асим. Глоточек бессмертья с руки... 76

Элеонора Ирматова. Реалии и мистика в современном романе 84

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

Анатолий Ершов. Как я стал полиглотом 102

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ.
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Саодат Камилова. Жанровые традиции в современном узбекском рассказе 132

Ольга Хегай. Национальный образ

восточного мира в современной русской прозе

(А. Волос «Сирийские розы») 137

Дилмурод Холдаров. Между берегами 141

Звезда Востока

2012 № 1

Учредитель

Союз писателей Узбекистана

ИНДЕКС – 831

Журнал зарегистрирован

Узбекским агентством печати и

информации

Рег. 0296

Адрес редакции:

100027. Ташкент, ул. Узбекистанская,

д.16 А (5 этаж).

Тел: 245-27-87.

E-mail: zvezdavostoka1932@mail.ru

www.zvezdavostoka.uz

Дизайн, верстка, оригинал-макет

Акбарали Мамасолиев

Подписано в печать 10.03.2012.

Формат 70x108 1/16. Печать офсетная.

Усл. п.л. 12,60. Уч.изд.л. 14,86

Тираж экз. Заказ №

Цена договорная.

Отпечатано в типографии

ИПТД «Укитувчи»

г. Ташкент, ул. Навои, 30.

Редакция журнала уведомляет авторов о том, что к рассмотрению принимаются рукописи, выполненные в компьютерном наборе.

Набор текста в любом формате с приложением дисков и распечаткой.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Перепечатка без согласия редакции не допускается.

Ссылка на журнал «Звезда Востока» обязательна.

Copyright © «Звезда Востока»